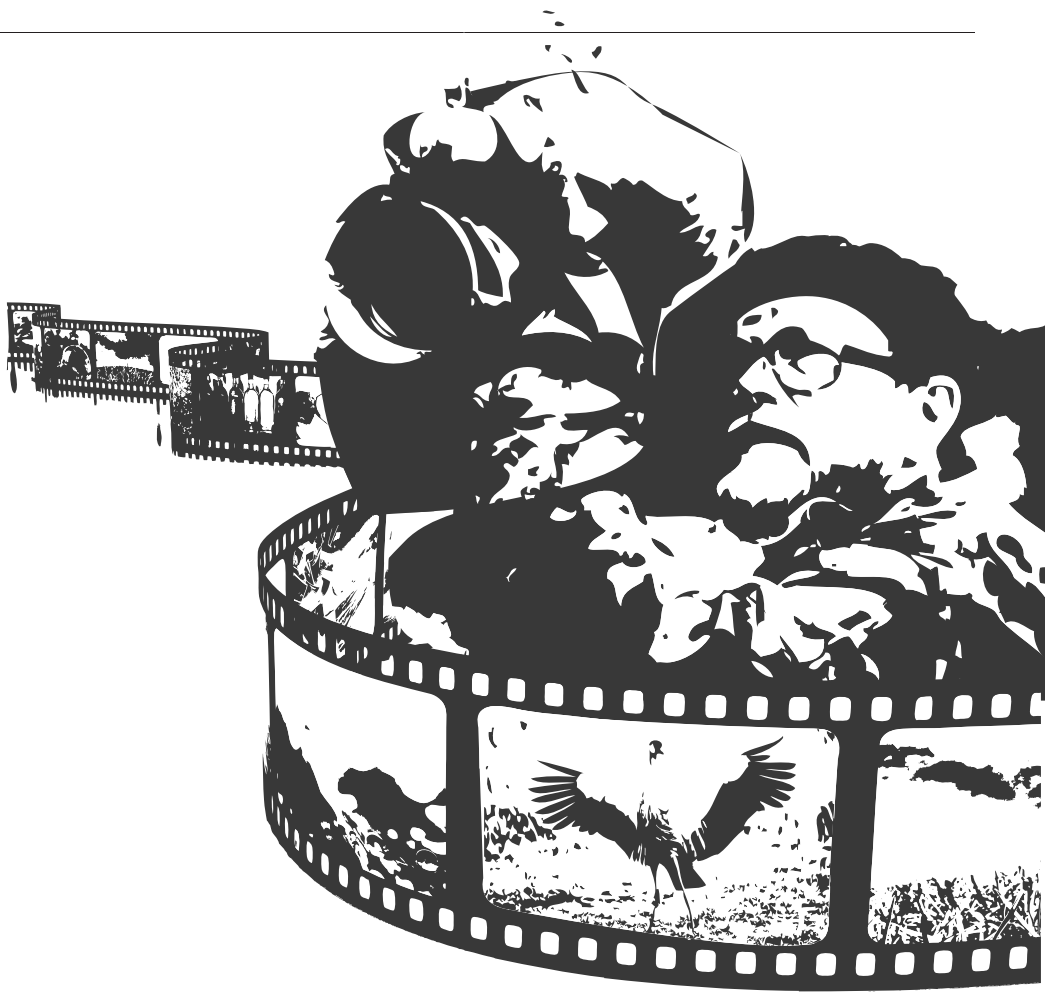
Творчество, вдохновленное природой



Вестник «Зеленое спасение», № 20
Алматы, 2013

Содержание

От редакции 4

Вспоминая мастера

Рейн Маран

Встречи с Вячеславом Беляловым 8

Алим Байгарин

О близком друге и настоящем профессионале 14

Иван Зайцев

Никогда не перекладывал свои ошибки на других… 19

Александр Севернюк

Теперь об этом можно рассказать... 22

Геннадий Ройтман

Встречи – опыт – содружество 27

Экологическое кино

Иван Головнев

Этнографическая киноправда 34

Тамара Муканова

Одухотворенный Алтай 43

Евгений Усов
Оператор как боец… 51

Сергей Куратов
Ангел моря 58

Светлана Иванова
В некоммерческом кино – все живое 68

Литературные страницы

Рафаел Айрапетян
Вожак, или Тень волчицы 75

Гани Баянов
Музыка весны 112

Елана Кудинова
Заметки из кармана 115

Александр Лухтанов, Алексей Марьяшев
Легенда о черном альпинисте 124

Нина Франгова
Стихи 135

От редакции

«С чего начинается Родина? – когда-то в 60-е пел замечательный артист. – … С картинки в твоем букваре, … с той самой березки, что во поле, под ветром склоняясь растет».

Картинки в букваре были репродукциями известных живописных произведений с изображением степных просторов под голубым небом, лесных чащ с дикими зверями, которые виделись добрыми персонажами, друзьями героев из волшебных сказок. Это был мир, связываемый в детском воображении с большой нашей Родиной, неизменной, непоколебимой, с неисчерпаемыми природными богатствами.

В семидесятые, взрослея, мы все с большим беспокойством узнавали, что леса наши редеют, количество животных сокращается, и уже создана Красная книга, куда вносятся исчезающие виды. СМИ, в том числе все более расширяющее свое влияние телевидение, начали уделять этим проблемам внимание. На ТВ о разнообразной природе нашей планеты, об удивительных животных и растениях с увлечением рассказывали российские телеведущие: кинорежиссер Александр Згуриди, биолог Николай Дроздов и журналист Василий Песков. В их комментариях звучала тревога – птицы и звери в опасности, потому что главным врагом их стал человек. Это было время развития документального и научно-популярного природоохранного кино не только в СССР, но и во всем мире.

«Нам, кинематографистам со стажем, – говорил в 1983 году во время проведения «Таллиннских дней фильмов о природе» наш соотечественник Вячеслав Белялов, – приходится из года в год, из десятилетия в десятилетие лично наблюдать горькую картину сокращения мест обитания животных и исчезновения видов. Наш голос часто оставался гласом вопиющего в пустыне. Тем не менее, мы не можем оставаться пассивными».

Прошло девять лет с тех пор, как ушел из жизни большой человек, режиссер и оператор-натуралист Вячеслав Белялов (1936-2004). Он был нашим другом, другом «Зеленого спасения». Кинематографисты и самые обычные зрители при упоминании его имени называют фильмы о беркутах, фламинго, сайгаках, серпоклюве и дрофе-красотке. К сожалению, ленты порядком постарели, выцвели. Но сотрудники Центрального государственного архива кино-фотодокументов бережно сохраняют их. Его фильмы можно найти и в частных коллекциях энтузиастов. Мы надеемся, что настанет время, когда фильмы мастера будут отреставрированы и их увидит новый зритель.

Первый раздел нашего вестника – «Вспоминая мастера» – посвящен творчеству В.А.Белялова. Его открывают воспоминания эстонского режиссера и оператора Рейна Марана, возможно, последнего из тех могикан, которые снимали в Советском Союзе природу и диких животных. Личность товарища и профессионала раскрывается в воспоминаниях друзей, коллег по кинематографическому цеху – И.Л.Зайцева, А.К.Байгарина, Г.Л.Ройтмана, А.П.Севернюка и других. О многих из них можно подготовить отдельный

очерк, так своеобычны и неординарны эти люди, так значителен их вклад в казахстанский кинематограф. На страницах нашего Вестника мы имеем возможность сказать об их самозабвенном труде.

К примеру, Алим Каримович Байгарин участвовал в создании около 1500 хроникально-документальных, анимационных, научно-популярных и свыше 30 художественных фильмов! Что делали бы операторы без Ивана Лукича Зайцева, безотказного мастера, способного найти выход едва ли не из любой ситуации, связанной с обслуживанием и усовершенствованием аппаратуры?! Иван Лукич – отважный хранитель реликвий студии «Казахфильм». Он собрал и поддерживал в рабочем состоянии уникальную коллекцию съемочной аппаратуры. Ее гордостью были камеры «Дебри» и «Аскания», остававшиеся еще со времен овеянного легендами ЦОКСА, с которыми работали Эдуард Тиссэ и Андрей Москвин, операторы Сергея Эйзенштейна на фильме «Иван Грозный».

Воспоминания наших авторов – Ройтмана и Севернюка, которые тепло отзываются о Славе Белялове, – подтверждают, что ничто не происходит случайно. Их жизненные и творческие пути должны были пересечься, чтобы появилось на экранах большой страны удивительное беляловское кино о природе.

В рубрике «Экологическое кино» читатели узнают, какие открытия совершает молодой человек, воспитанный современной цивилизацией, оказавшись в глубокой тайге, где живут ханты. Об этом рассказывает екатеринбургский исследователь и кинематографист Иван Головнев в очерке «Этнографическая киноправда».

Тамара Николаевна Муканова, отечественный аниматор, – родом с Алтая. В интервью нашему журналу она говорит о том, что с детства в ее сердце запечатлелся многоликий и многокрасочный образ Родины, о нерасторжимой связи с природой родной земли.

О том, как создаются познавательные фильмы, социальные ролики в защиту природы, – размышления коллеги и единомышленника, сотрудника российского отделения Гринпис Евгения Усова. Композитор и исполнитель Светлана Иванова делится своими впечатлениями о том, как пишется музыка для экологического кино. О жизненном пути и творчестве выдающегося французского океанографа, изобретателя, автора множества книг и кинолент вы прочитаете в очерке Сергея Куратова «Ангел моря».

В рубрике «Литературные страницы» – очередная публикация сценария московского кинодраматурга Рафаела Айрапетяна «Вожак, или Тень волчицы». Это история о драматических перипетиях современной жизни, в круговороте которой мы забываем о детях и о животных. Здесь же печатаются новые эссе Еланы Кудиновой – автора, отличающегося острым взглядом, удивительно чутко реагирующего на все происходящее вокруг. Старожилы Алма-Аты Алексей Марьяшев и Александр Лухтанов в книге «Легенда о черном альпинисте» с нескрываемым волнением повествуют о дружбе, что сплотила их в детстве, о потрясении, которое они, пятнадцатилетние мальчишки, испытали, впервые оказавшись один на один с горами. Это замечательная

краеведческая и мемуарная литература. Главы из этой книги – «Радость первой победы» и «Кумбель» – печатаются в новой редакции. Наш постоянный автор – учительница и поэтесса Нина Максимовна Франгова – порадует читателей новыми стихами.

Редакция Вестника благодарит авторов и всех, кто принимал участие в подготовке и выпуске этого номера. Нас объединяет верность заветам Вячеслава Алиевича: «Мы не можем оставаться пассивными. Мы должны делать все для того, чтобы самим вникнуть в то, что снимаем, о чем пишем, достичь истинного понимания. У нас нет права искажать действительность ради своих творческих амбиций, тем более во имя дешевой популярности».

Мы ведь точно знаем, что природа – это наша родина.

Вспоминая мастера

Встречи с Вячеславом Беляловым

Рейн Маран,
режиссер и оператор,
г.Таллин, Эстония.

Моей первой встрече с Вячеславом Беляловым предшествовал долгий путь.

Хотя первый фильм о природе был снят в Эстонии еще перед Второй мировой войной, к началу семидесятых годов прошлого века было создано всего несколько лент. В эстонской кинематографии не было такой традиции.

У меня был десятилетний опыт съемок научно-исследовательских фильмов, полученный за время работы в Эстонской академии наук. Я давно мечтал о создании фильмов собственно о природе, но на практике это было неосуществимо.

Рейн Маран.
Фото из личного архива

В начале семидесятых годов я заканчивал ВГИК. Тему и жанр дипломной работы студент мог выбрать сам. Таким образом, у меня появилась возможность сделать на «Таллинфильме» совершенно самостоятельный авторский фильм о природе – научно-популярную ленту о муравьях «Хвойное городище». Она была принята неожиданно хорошо. На защите во ВГИКе мне присудили диплом с отличием, а на тогдашнем всесоюзном кинофестивале – первое место среди научно-популярных фильмов. Этот прорыв позволил мне снимать природу и в дальнейшем.

Фильмы старался делать везде, где только возможно: на киностудии, на телевидении, всегда совместно с учеными – биологами и специалистами по охране окружающей среды. Очень хотелось встретиться с другими создателями фильмов о природе. Единственный, кого я знал довольно близко, был мой бывший профессор, признанный режиссер документальных и художественных фильмов Александр Згуриди.

К тому времени я просмотрел работы многих авторов, встречи с которыми

были очень мимолетны. Чтобы восполнить этот недостаток общения, попытался организовать в Эстонии не то чтобы фестиваль, а встречу коллег по цеху. Попытка удалась – в марте 1983 года под эгидой Эстонского союза кинематографистов и Общества охраны природы Эстонской ССР состоялся наш первый съезд под названием «Таллиннские дни фильмов о природе». Нас было тогда немного: Вячеслав Белялов, Пиетрас Абукевичус, Юрий Ледин, Юрий Климов, Игорь Войтенко. Хотя у каждого были с собой фильмы для показа, но это не был обычный кинофестиваль, скорее встреча единомышленников, связанных общим увлечением и общей профессией. Мы были людьми, выросшими в разных культурных традициях, наши представления и творческие цели во многом расходились. Связывали нас любовь к природе и преклонение перед жизнью. Мы показывали друг другу фильмы. Нам было о чем поговорить, поделиться опытом и поспорить. В то же время, у широкой публики Таллинна была возможность познакомиться со всеми фильмами в зале Дома кино, а также в кинотеатре.

Вячеслав Белялов привез шесть фильмов: «Дом для серпоклюва», «Джунгарский тритон», «Каракурт», «Зачарованный лес», «Устюртский муфлон» и «Беркутчи». Эти фильмы были новыми для эстонских зрителей.

В последний день съезда авторы фильмов разъехались по наиболее крупным городам Эстонии представлять свои фильмы и встречаться со зрителями. Вячеслав Белялов поехал в Вильянди, расположенный в центре Эстонии. Зрители с интересом познакомились с экзотической для большинства эстонцев природой Казахстана и смогли пообщаться с автором.

В рамках Дней в Таллиннском доме кино состоялась теоретическая конференция, посвященная съемке фильмов о природе, открытая для всех желающих. На конференции были рассмотрены очень важные проблемы:

1. Понятие фильма о природе, его место в распространении идей охраны природы и в углублении знаний о природе.

I Международный кинофестиваль «Евразия». Фото Олега Белялова, Алматы, 1998 год

2. Роль изображения, слова, природных звуков и музыки в фильме о природе и их синтез.

3. Критерии правды и лжи при съемках современного фильма о природе.

В обсуждении приняли участие ученые, специалисты по охране окружающей среды, теоретики, журналисты и просто заинтересованные люди. Разумеется, и приехавшие создатели фильмов. Не раз полемика становилась довольно бурной. Один из журналистов бросил упрек, что в фильмах недостаточно показан человек и его роль преобразователя природы. Малоизвестный в то время местной публике режиссер из Казахстана Вячеслав Белялов, не принимавший до этого участия в дискуссии, ответил ему: «Когда-то мы все снимали «нормальные» фильмы. Теперь же, в последних моих 12-и фильмах человека нет ни в одном кадре. Выбирать сюжеты вынуждает нас реальность – не только полезные ископаемые, но и животный мир катастрофически сокращаются. Жизнь в пустыне исчезает на моих глазах. Оскудение природы воздействует на создателей фильмов не только косвенно, вызывая угрызения совести, но и непосредственно, вещественно – запасы кинопленки снижаются по мере исчерпания запасов серебра. Потребность в фильмах возрастает, а возможности съемки уменьшаются. Нам, кинематографистам со стажем, – говорил он, – приходится из года в год, из десятилетия в десятилетие лично наблюдать горькую картину сокращения мест обитания животных и исчезновения видов. Наш голос часто оставался гласом вопиющего в пустыне. Тем не менее, мы не можем быть пассивными. Мы должны делать все, чтобы достичь истинного понимания того, что снимаем. У нас нет права искажать действительность ради своих творческих амбиций, тем более во имя дешевой популярности». Слушатели приветствовали его страстную речь аплодисментами.

Много говорилось на конференции о фильме как важном, почти единственном, посреднике между все более урбанизирующимся человечеством и еще частично сохранившейся девственной природой. Спорили о роли фильма в углублении познания природы, о его значении в развитии человеческого достоинства и этики в отношениях человека и природы.

Ханс Луйк, освещавший в прессе «Таллиннские дни фильмов о природе», отметил своеобразную тенденцию, сложившуюся на этих открытых обсуждениях. Если зрителей интересовали, прежде всего, сами фильмы, их создание, возможное влияние, убедительность, то авторы выражали озабоченность все большим угнетением природной среды, вымиранием видов и обеднением Земли.

Три дня совместной работы пролетели быстро. Мы договорились встретиться снова на следующих Днях фильмов о природе в 1985 году, если не получится раньше.

Два года спустя состоялась новая встреча. К прежним участникам добавились: патриарх фильмов о природе Александр Згуриди, режиссеры Нана Клдиашвили и Михаил Заплатин. Белялова, к сожалению, с нами не было. Он снимал очередной фильм о природе. Не приехал он и на следующую встречу в 1987 году. Все по той же причине.

Однако на 4-е «Таллиннские дни фильмов о природе» в 1989 году он приехал.

Было десять участников с 18-ю фильмами. Наша компания пополнилась и стала международной. Прибавились Игорь Гузеев из Киева, Константин Сатсков и Геннадий Лысяков с Дальнего Востока, а также финский автор и редактор журнала о природе Теуво Суоминен. На эту встречу наложили особую печать фильмы о катастрофах: потрясающий фильм Игоря Войтенко «Белое море – не белое пятно», щемящий сердце фильм Вячеслава Белялова «Соленые слезы Турана». Это фильм о том, что стало с уникальным Аральским морем в результате безответственной деятельности «преобразователей природы». Арал был источником существования обширного региона. Там, где раньше плескались его волны, теперь простирается безжизненная соляная пустыня, окаймленная останками судов и руинами. В конце фильма – погребальный звон по бывшему Аральскому морю и по жизни на планете Земля в целом. По жизни, которую род человеческий изо дня в день истребляет, движимый своим безграничным корыстолюбием и глупостью.

В конце нашего форума прозвучало пожелание продолжить встречи и расширить их международный состав, однако, оно не осуществилось. Больше такие встречи не проводились. Пришли другие времена, возможности уменьшились.

Более десяти лет спустя, в 2003 году, в Эстонии состоялся Международный Матсалуский фестиваль фильмов о природе, который постепенно набирает силу и расширяет круг участников. Скоро он будет отмечать свое первое десятилетие. Это сейчас единственный подобный фестиваль в Северной Европе.

Хотя сегодня появились цифровые видеокамеры, но в наших странах желающих снимать природу больше не стало. Правда, препятствия теперь другого характера, но они ничуть не меньше прежних. Только представьте себе современного молодого человека, который хотел бы посвятить свою жизнь съемке фильмов о природе. Какой недюжинной силой воли и упорством должен он обладать для постоянного самообразования, для преодоления экономических и бюрократических барьеров на пути к цели!

Мне представилась счастливая возможность участвовать в 1998 году в Международном кинофестивале в Алма-Ате и встретиться еще раз с Вячеславом Беляловым, этим неутомимым рыцарем фильмов о природе. Довелось посетить его дом у подножия горы и провести там время в сердечной и возвышенной беседе. Я не мог предполагать, что наша встреча со Славой будет последней. Именно так, Славой, называли мы уважительно и ласково Вячеслава Белялова с первой нашей встречи на Днях фильмов о природе. Так он для нас и остался на долгие годы Славой.

Я помню до сих пор наплыв чувств и мыслей, порожденных просмотром Славиных фильмов во время нашей первой встречи. Герои его работ вели себя непринужденно и свободно, как хорошо обученные артисты, как будто не было рядом стрекочущей камеры. Поражало лаконичное, местами даже минималистское отражение окружающей среды, точная и выразительная композиция каждого кадра. Что это значит для оператора, я хорошо знаю по собственному опыту. На словах все очень просто. Чтобы достичь такого

результата, нужно стать для животных либо невидимым и неслышимым, либо настолько привычным, что они не обращают на тебя внимания. Подобно тому, как не обращают они внимания на камень, куст или мирных травоядных животных.

Для этого необходимо детально изучить место и его обитателей, а также проявить незаурядную изобретательность в поиске подходящих способов съемки. «Артистов» нельзя попросить постоять «вон там», чтобы я мог получить нужную композицию. Единственная возможность – это сделать правильный выбор во времени и пространстве. Тут необходимо знать поведение и особенности движения своего героя. Однако и этого мало, нужно быть достаточно упорным и внимательным, чтобы суметь включить камеру в нужный момент. Славе это удавалось поразительно часто. Он был прекрасным оператором, мастером съемки природы.

Однако Славины фильмы – это нечто значительно большее, чем просто мастерски снятая природа. В его фильмах изображение, природные звуки, музыка и текст сливаются в одно гармоническое целое. И все это было создано десятки лет назад, когда о синхронном звуке в фильме о природе можно было только мечтать, когда снимали изображение на пленку, не зная, какие кадры удались, а какие окажутся браком, когда музыка и текст зачастую плохо сочетались друг с другом. Каким образом и где Слава приобрел такое нужное для режиссера умение взаимного усиления и уравновешивания выразительных средств, я могу только гадать.

В фильмах Славы есть еще нечто важное – они вызывают сопереживание. У меня, к сожалению, не было возможности непосредственно познакомиться с природой Казахстана. Большинство животных этой большой и многообразной страны для меня чужие, можно сказать, экзоты. По мере просмотра Славиных фильмов они становятся твоими близкими знакомыми, о судьбе которых переживаешь вместе с автором, тревожишься за сохранность среды их обитания.

Пробудить такие чувства может только тот, кто сам страстно любит и чтит героев своих фильмов, кем движет неугасимая страсть к открытию и познанию окружающей его жизни и желание поделиться своими открытиями с другими людьми. Иначе это можно назвать любовью к родине, в самом широком смысле. Человек, который относится к природе как к объекту туризма, может и не найти свою родину. Юрий Ледин, ленинградец латышского происхождения Юрис Лединс, десятилетиями открывал свою родину далеко в полярных широтах. Юрий Климов, тоже ленинградец, искал свою родину повсюду через поэтическое восприятие природы.

Многие участники наших встреч, как и Слава, уже ушли со сцены жизни.

В нашей пестрой компании Слава, казалось, чувствовал себя несколько неуютно. Он в основном молчал, иногда улыбался про себя. Но если речь заходила об охране природы, об этических и эстетических аспектах киносъемки, то он превращался в страстного оратора и защитника своих убеждений.

Хотя мы снимали в разных местах, нас разделяли тысячи километров, и герои фильмов были очень разные, но наши представления, духовные установки, ход мыслей и действий были во многом сходны. Из мировой

практики мы знали, что фильмы о природе делаются в очень разных стилях и с разными целями. Можно создать развлекательный фильм, как товар, при съемке которого допустимы любые трюки, вплоть до обмана, главное завлечь наивного зрителя. Можно открыть для зрителей новые страны и природные сообщества от первозданных лесов, пустынь, гор, непроходимых болот до морской пучины. Можно просто разрекламировать чудесную экзотическую природу для привлечения туристов. Можно сделать информационный, учебный, предупреждающий или исследовательский фильм, посвященный конкретной проблеме.

Разнообразие создаваемых в мире фильмов о природе воистину велико и многолико. Однако среди их создателей всегда были те, кто ставил своей целью освобождение от заблуждений и поверхностных суждений. Кто погружается в мир своих героев честно, без предубеждений, кто относится с почтительным восхищением не только к каждому из них, но и к среде их обитания, во всем ее сложном многообразии. Последователи этого подхода словно открывают окно в реальную природу. Приверженность этим принципам на практике требует посвящения всей жизни съемкам природы. Встречи со Славой и его фильмы убедили меня, что он, безусловно, принадлежит к творцам именно этого типа. И я, по мере сил, двигался в этом направлении. Отсюда и взаимопонимание, духовное родство и, при случае, интересные беседы.

В то время у нас была и общая горечь, вызванная минимальными возможностями показа широкой публике наших фильмов о природе. Их, в лучшем случае, демонстрировали раз в день на удлиненном сеансе в двух-трех кинотеатрах некоторых больших городов. Эта проблема была предметом обсуждения во время нашей первой встречи. Что сделать, чтобы фильмы стали доступны зрителям? Я нашел для себя выход благодаря телевидению, и старался использовать его, пока это было возможно. Было приятно ощущать, что твоя работа не пропала зря, а через тогдашнее всесоюзное, а также международное телевещание твои фильмы доходят до сотен миллионов зрителей.

Ныне ситуация во многом изменилась. Телеканалы показывают фильмы о природе значительно меньше, чем прежде. Но появилась возможность записывать фильмы на компактные диски. В этом виде они могут храниться на полках зрителей и библиотек, подобно книгам, многократно просматриваться и распространяться. Очень надеюсь, что на родине Славы найдутся энтузиасты, которые восстановят и запишут его фильмы на современные носители. Это позволит гарантировать их сохранность и доступность для широкого круга зрителей.

Фото из личного архива

О близком друге и настоящем профессионале

Алим Байгарин, звукорежиссер, г.Алматы, Казахстан.

Отслужив в армии, я закончил в Ленинграде институт киноинженеров. На «Казахфильм» меня не взяли: очень большая была конкуренция – много желающих стать звукооператорами. «Поработай инженером лет пять. Мы подумаем: принимать ли тебя на студию?» – говорило начальство. Инженером? Отвечать только за технику? У меня к тому времени было два образования – музыкальное и высшее техническое. Специализация – звукорежиссер! Так в 1972 году я оказался на «Казахтелефильме».

Алим Байгарин. Фото Н. Берковой, 2010 год

С Вячеславом Алиевичем Беляловым меня познакомил друг (сейчас он живет в США, в Бостоне), замечательный казахстанский композитор Эдуард Леонидович Богушевский. При первой же встрече Белялов сказал: «Не будем обращаться друг к другу на «вы». Можно просто: Слава». И очень скоро он стал для меня близким человеком.

В те годы я работал внештатным сотрудником на всесоюзной фирме «Мелодия». Богушевский настоял, чтобы мы записали музыку к фильму, который снимал Слава. Это было внове – записывать для документальной ленты специально сочиненную музыку. Пришлось пробивать стену нежелания руководства.

На студии грамзаписи была возможность сделать все бесплатно. Как? Приглашались музыканты, им какой-то гонорар из своих денег выплачивал

Эдуард Богушевский, какой-то выбивал администратор фильма: бюджет картины, как правило, не предполагал оплату труда музыкантов. Для заказного фильма требовалось к тому же распоряжение Москвы.

Так сначала мы записали музыку, потом – шумы. И фильм преобразился. Я понял механизм этого преображения. Черепаха ползает: ее не слышно. Бабочка сидит на цветке, потом взлетает. И ее не слышно. Маленькие легкие добавления шумов в картину оживляют фильм! Это был первый урок, который я получил, работая со Славой. Естественные звуки помогают создать более цельный образ природы.

Второй урок – необходимо точно подбирать или синхронно записывать шумы. Звуки шагов у животных самые разные: одни – скачут по камням, другие – несутся по пустыне, третьи – прыгают по скалам, скажем, сайгаки бегут по степи, где цветет ковыль и т.д.

При производстве документального кино к оператору прикреплялся только техник по звуку*. В большинстве случаев киносъемки проходили без участия звукооператора. Поэтому многие фильмы создавались так: есть хорошие картинки, потом из фонотеки подбираются стандартные шумы, их подставляют под изображение и готово. На моей памяти в фильмах выпуска 1975-1986 годов эпизодов, сделанных методом синхронного озвучивания, немного. Так же и с музыкой. Ее обычно компилировали, подбирая мелодию, соответствующую содержанию картины.

Постепенно у нас сложилась команда и выработался собственный почерк работы. А команда играет большую роль в создании фильма. В документальном, научно-популярном кино – это режиссер, оператор, композитор. В художественном кино, в первую очередь, – сценарист, режиссер-постановщик. На студии нам завидовали, прямо так и говорили: вот у вас команда! Конечно, когда сотрудничество длится десятилетиями, все работают вместе, тогда и кинопродукт получается качественным.

Лидерами в нашей четверке, безусловно, были сценарист Лариса Мухамедгалиева и Эдуард Богушевский. Нередко они вступали в жестокие «схватки». Нужна ли музыка в этом месте или не нужна? Обычная рабочая обстановка, в спорах рождалась истина, и мы приходили к консенсусу. Бывало, для какой-то сцены, длинного плана, продолжительного кадра Эдик сочинял целый музыкальный фрагмент, потом обращался ко мне, и я специально записывал музыку к рабочему материалу. За годы работы у меня сложился большой архив записей Эдуарда Богушевского. Если что-то сокращалось, он настаивал: «Уберите эту болтологию, говорильню!» Помните правило опытного диктора: дайте мне воздуха, люди и так поймут… Тексты за кадром читали очень известные актеры – Михаил Глузский, Александр Белявский, диктор – Геннадий Марюхин.

Вячеслав Алиевич прекрасно знал природу и никогда не допускал звучания в фильме произвольно взятых «шумов». Он требовал, чтобы я записывал,

* Техник по звуку (звукотехник) – младший технический персонал, в его задачи входит обслуживание аппаратуры: магнитофонов, микрофонов, пультов для записи.

Звукооператор в советское время – то же, что и звукорежиссер ныне. Творческий работник, который выстраивает концепцию звуковой драматургии.

например, голоса птиц того региона, где проходили съемки. Под Алма-Атой водятся сплюшки. Услышишь в фильме, возможно, не сразу поймешь, что за птица звуки подает, если сам не знаешь… Характерное для них «сплю-сплю» можно услышать в определенных местах Заилийского Алатау, например, на Медео.

Меняется тип гор, высота, летает, допустим, орел, у него своя среда обитания. Значит, поблизости должны быть кеклики, улары… Должны звучать их голоса. Белялов специально знакомил меня с орнитологами. Они говорили: «Свыше двух тысяч метров водятся такие-то птички, ниже – вот такие. Кеклики, улары высоко в горах, там, где камни, а вездесущие вороны долетают и до снежных вершин». В этом я убедился сам и был приятно удивлен. На Алматинском озере – обилие ворон! Для них высота не имеет значения.

Как-то я увидел Славу очень худым и спросил, в чем причина. Слава и так всю жизнь был худенький, поджарый, довольно хрупкий. «Что ты хочешь?! – ответил он. – Три месяца питался хлебом, яблоками, пил воду. Только иногда отлучался, чтобы пополнить продуктовый запас…» И он рассказал захватывающую историю, как ему трудно пришлось, когда он снимал беркутов. Тогда я в полной мере оценил сложность операторской профессии. Ему даже приходилось брать пачку пластиковых пакетов, чтобы использовать их в качестве туалета. Потом аккуратно завязывать и со скалы далек-о-о-далеко сбрасывать. Нельзя справлять нужду рядом с гнездом. Ничего нельзя выбрасывать поблизости! Чужеродных запахов не должно быть! Иначе бекруты проклевывают яйца и покидают насиженное место…

Фанатизм и любовь! Он снял цельный сюжет: с момента, когда птенец вылупился из яйца, до его вылета из гнезда. Можно увидеть все: как он растет, как по очереди его кормят родители. Великолепна сцена в финале: подросший птенец проверяет свои крылья, машет, машет ими изо дня в день, тренируя мышцы. И в один прекрасный момент мамаша видит, что он готов, и мощным ударом крыла отправляет его в полет. После этого они больше не встретятся. Беркут начинает собственную жизнь.

Слава не любил вспоминать, как попадал в рискованные ситуации! Но пару историй все-таки рассказал. Хотел отснять волка и долго шел за ним по пятам. Волк постоянно оглядывался, пока, наконец, они не оказались в узкой скалистой расщелине. Дальше идти было некуда, и зверь уже приготовился к нападению, хотя обычно животные не нападают. Тут пришлось тихо-мирно ретироваться оператору, чтобы спастись.

И еще эпизод… Скрадок у него был хотя и брезентовый, но в нем тепло. Скрадок – это палатка, похожая на юрту, из алюминиевых прутьев, размером 1,5 м на 1,5 м, обтянутая брезентом с окошками для кинокамеры. Оттуда оператор обозревает окрестности, наблюдает за жизнью природы. На воздухе температура минус 25-30 градусов, вьюга, ветер. А в палатке керосинка, запас топлива, продукты. Иной раз и рубаху снимал, в одной майке оставался. Его в таком виде чабан местный застал и очень удивился. Слава рассказывал: «Как-то во время зимних съемок просыпаюсь утром, смотрю: вокруг палатки целая карусель волчьих следов. Еду почуяли». Всю ночь пасли Славу… А он ведь

оружия не брал с собой. Вот такие опасные моменты были в его операторской судьбе…

Да и на мою долю как-то досталось на художественном фильме о снежном барсе – «Тигр снегов». Слава предупредил: «Я не смогу записать звуки, которые издает зверь. Придется тебе пойти в зоопарк, там поможет смотритель». Зашли мы в вольеру, поставили аппаратуру. Впустили барса, а самку оставили за решеткой. Он начал тосковать по ней, пищать.

Ты находишься в клетке, а зверь ходит мимо – чувство довольно неприятное, хотя смотритель караулит с шестом. Но записать звук практически невозможно – доносится шум города. Я уловил, какой звук он подает, и сымитировал его. Сейчас вы услышите, это один в один! (Алим Каримович издает писк, короткими порциями пропуская воздух через растянутые и плотно сомкнутые губы). Ни рык, ни х-х-х! Слава слышал этот писк. Я ему ничего не сказал, просто сделал запись разного уровня – высокий, низкий. А рычание барса пришлось записывать, когда у него глаза заболели. Ему накинули петли на лапы и на шею и стали подтягивать к решетке, чтобы ветеринар смог залить в глаза лекарство. В этот момент я и записал гневное рычание зверя. Меня поразило, как он сопротивлялся, какая у него мощь и сила. Когда его тянули, он дернулся, и в бетонном полу появились трещины! Конечно, страх неописуемый, один рывок, и цементная основа дала трещину. Это произвело впечатление.

Слава был очень щепетильным в работе. Добивался того же от меня. Говорил: «Ты думаешь – пройдет кадр, проскочит, зритель не заметит. Нет, не пройдет!» Я сам такой же по складу характера дотошный в работе. Но учился у него и с ним, как правильно работать на природе, с природой. Приобрел большой опыт, который пригодился в игровом кино. Шумов типа «воробьи» никогда не допускал. Записывал городские звуки или звуки природы конкретного региона, соответствующего месту съемки. Такие шумы органично вписываются в видеоряд. На фильме «Биржан-сал» я в очередной раз убедился, как нелегко сделать запись. Расположился в лесу, стал записывать абсолютную тишину, только через час птицы начали между собой «разговаривать». Когда сидишь тихо, не делаешь резких движений, они перестают тревожиться, поскольку подозрительный объект не движется.

Для полнометражной ленты «Вечная зовущая природа» Слава поручил мне записать голоса колонии бакланов и пеликанов. С трудом получили магнитофон «Награ». Работать надо было в районе Капчагая, на Или. Птицы селятся подальше от людей. Белялов знал, как подойти к этой колонии. А там надо засесть, затаиться в скрадке. Пробрались мы на островок, и он оставил меня со всеми пожитками. Я старательно записывал шумы. Ночные звуки записал… Часов пять получилось. Не забывайте, это на магнитофонной ленте! Это очень много – пять-шесть часов шумов! Довольный…

Слава вывел меня по особой тропинке через болото. Там нужно именно выводить. По неловкости я чуть не утопил «Нагру». Случайно в сторону ступил, не как надо было – след в след, и оказался по горло в воде. Едва успел магнитофон поднять над головой. Радостный, думаю, сделал свою работу. Стали мы прослушивать. Слава говорит: «Это встревоженная колония

бакланов». Второй час, снова встревоженные голоса. Бакланы вообще-то птицы беспечные, охраняют их аисты. Аисты оглядываются и следят, обзор у них практически 360 градусов. Стоит мне поднять окошечко в скрадке для микрофона, чтобы записать крики птенца, тут же гвалт! Птицы летают, кормят свое потомство, но как только увидят, что выдвигается микрофон-пушка, мгновенно – шум, паника…

В общем, выбрал Слава три-четыре полезные минуты из шестичасовой моей записи. Он все время сокрушался, что мало магнитофонов: какими прекрасными шумами можно было бы пополнить фонотеку! Сейчас-то это не проблема, есть цифровые диктофоны, портативная система звукозаписи. Хотя культура звукозаписи требует такой же тщательности, как и съемки животных. Вячеслав Алиевич мне рассказывал: «Поставишь скрадок в укромном месте. Животные сначала затихают, а потом начинают медленно привыкать к присутствию человека. Принимают его за дружественное животное: будто корова приходила, попаслась и ушла».

Вячеслав Белялов с Ларисой Мухамедгалиевой, как правило, снимали заказные фильмы об эндемиках, об исчезающих видах животных. Как-то снимали картину о сайгаках. Так и назывался этот сюжет – «Сайгаки». Когда-то миллионы их бродили по казахстанским степям… Фильм о джунгарском тритоне… Все высокого класса и сделаны с большой любовью.

Исходный материал отвозили в Москву, где изготавливались копии. Фильмы печатались на 16-мм пленке для показа на проекционном аппарате «Украина» и на 35-мм пленке. Это значит – в любом уголке Советского Союза их могли увидеть зрители: на полевых станах, в чабанских отгонных хозяйствах. Во всех больших городах были кинотеатры для демонстрации фильмов на 35-мм пленке.

Ленты Белялова и Мухамедгалиевой приносили стране валюту. Абсолютно все фильмы уходили на экспорт. Особенно везло мне… Обычно следовало указание: печатай копию звука – отдельно, фильм пойдет за границу. Занимался этим «Совэкспортфильм», информация была недоступна, куда, в какие страны продавали, мы не знали. Скорее всего, это делалось по заказу BBC. Мы получали за это дополнительные гонорары.

С распадом Союза отношение к природоохранной тематике изменилось кардинально. Из-за экономического спада резко сократилось производство фильмов. Мы все реже и реже работали вместе.

Некоторое время, оценив красоту казахской земли, зачастили заказчики, продюсеры из BBC. Встречались с Беляловым, тот возил, показывал, помогал киногруппе, получал какую-то плату, хотя они должны были гораздо больше ему платить.

Последний раз мы виделись в 2003 или 2004 году. Оказались членами одного жюри на фестивале туристических фильмов, организатором которого выступил крупный бизнесмен. Выдали нам визитки. Белялов протягивает мне свою – возьми! А там написано «Вячеслав Алимович». У меня всё правильно. Мы с ним по этому поводу чокнулись...

Никогда не перекладывал свои ошибки на других...

Иван Зайцев,
механик киностудии «Казахфильм»,
г.Алматы, Казахстан.

Официально я начал трудовую деятельность в 1946 году. До 1959 года работал на машиностроительном заводе им.С.М.Кирова. Это был завод военного назначения. Строгая организация труда, исполнение работы проверялось ОТК – отделом технического контроля. Приучили работать так, чтобы никогда не было брака.

На киностудию «Казахфильм» меня переманил начальник механического цеха Степан Остапович Тимофеев. Мы жили в одном доме, и он рассказывал о том, что происходило на студии. Привлекла романтика кино, и я решился. Стал работать механиком. Тогда студия располагалась на углу улиц 8 Марта и Комсомольской. Специфика работы оказалась иная: хотя и тут были механизмы, но чтобы изучить их требовалось время. Потому учился у других мастеров.

Впоследствии меня не раз посылали на усовершенствование в Москву на «Мосфильм», в МОСКИНАП (Московский завод киноаппаратуры), НИКФИ (Научно-исследовательский ордена Трудового Красного Знамени кинофотоинститут), в Ленинград на «Ленфильм». Тогда в Советском Союзе кроме ЛИКИ (Ленинградский институт киноинженеров) не было других учебных заведений по подготовке технических работников для кинопроизводства. Но ЛИКИ выпускал инженеров, которые по окончании института быстро занимали руководящие должности. Ремонт же выполняли механики.

Проработал я на киностудии 50 лет. В течение этого времени накапливался и рабочий опыт, и опыт общения с людьми. Приходилось обслуживать аппаратуру и хроникеров, и операторов игрового кино. Многие известные операторы – Марк Беркович, Андрей Колесников, начинавшие, помню, еще ассистентами, – обращались к нам в цех по ремонту киносъемочной аппаратуры. Анатолий Мищенко, Леонид Кузминский и другие известные теперь мастера стали операторами на моих глазах. Кто-то из них окончил ВГИК, кто-то факультеты журналистики в разных вузах. Все они знали меня и доверяли свою аппаратуру.

Есть у меня фотография. Она сделана в середине 70-х во время работы

над фильмом В.Белялова «Беркуты». На обратной стороне надпись: «В.Белялов – кинооператор киностудии «Казахфильм» и мастер по ремонту киноаппаратуры И.Л.Зайцев. Фото В.Ваколкина». Мы с Вячеславом как раз обсуждали вопрос о съемках. Он ставил задачу, что нужно сделать. А я ему подсказывал, как лучше подготовить технику. Потом осуществлял задуманное нами: подбирал и изготавливал различные приспособления.

Процесс съемок был, как правило, очень длительный. Он тогда снимал беркута от момента появления птенца из яйца до первого полета и вылета птицы из гнезда.

Снимал Белялов кинокамерой «Конвас». Их начали производить в СССР в 1954 году. За тридцать лет были выпущены тысячи модификаций, произошли три модернизации. Первая модель была снабжена пятью объективами. Благодаря поворотной, автоматически фиксируемой турели можно было с одной точки снимать и общие, и крупные планы. В 1970 году появился КСР-1М, в 1971 году – КСР-2М. Аппарат неприхотливый, можно было использовать и советскую, и зарубежную пленки. Служил верно, как рабочая лошадка. И до сих пор еще работает, и очень хорошо, если за ним есть уход.

В то время у Вячеслава была последняя из моделей, хотя ранее он снимал и первой, и второй. В основном он пользовался «Конвасом» КСР-2М. Это был самый прочный аппарат, имевший вместо турели гнездо для одного объектива. Для выполнения поставленных задач Белялову, как оператору, снимающему природу, была необходима длиннофокусная и широкоэкранная оптика. Не всегда можно было подобрать опору под такие объективы. Приходилось изготавливать самим. Объектив становился таким большим, что ему нужна была опора в виде дополнительного поддерживающего рычага-элемента.

Вячеслав Белялов и Иван Зайцев. Фото В. Ваколкина, 1975 год

Мы понимали, если произойдет сбой в киноаппарате, то вся экспедиция насмарку, а это огромные деньги, упущенное время. Аппарат – это основа съемочного процесса, он должен работать безотказно. Хотя наивно думать, что другие приспособления вторичны, например, пленка. А снимали тогда на отечественную пленку «Шостка» и «Свема». И та, и другая были в ходу. Но «Конвас» – это сердце всей системы. Замечательная была модель!

Вот пример. На съемки, где опасно ставить дорогую аппаратуру, – под копыта летящего табуна лошадей, под колеса вагона, под машину, – берут аппаратуру подешевле. По сравнению с другими съемочными аппаратами «Конвас» был в десятки раз дешевле. В советское время аппарат этот стоил около 4,5 тысяч рублей.

После развала Союза в 1993 году на киностудии начался кризис, ни о каких заказах со стороны государства не было и речи. Но нужно было работать. Начался новый этап. Необходимо было перестраиваться. И Белялов стал работать для зарубежных заказчиков. Снимал на 16-мм пленку уже на других аппаратах – на немецкой модели типа «Аррифлекс».

В основном Белялов снимал научно-популярные и документальные фильмы. Для зрителей всех возрастов, от школьников до ученых. Они были очень востребованы, отправлялись на экспорт, в Европу, рассылались по Союзу. Тираж печатался на 16-мм пленке, и узкопленочные копии можно было показывать на проекционном аппарате «Украина» в разных уголках страны.

Были у Белялова и художественные фильмы. Помню фильм о жизни гепарда. О режиссуре мне сложно судить. Но снято прекрасно. Вообще работа его была связана с риском… Он как-то рассказал об одном ЧП. Зимой в палатке взорвался примус. Они были тогда на съемках со старшим сыном Олегом. Успели выскочить, а все, что было в палатке – сгорело, в том числе и аппаратура.

Я все время что-то делал для Вячеслава: не только профилактический ремонт, но и мелочи всякие. Он никому не доверял. Человек он был прекраснейший. Никогда не перекладывал свои ошибки на кого-то.

Теперь об этом можно рассказать...

Александр Севернюк, директор фильмов, продюсер, г.Алматы, Казахстан.

В Алма-Ату я приехал с Украины в 1982 году. До переезда не раз видел фильмы Вячеслава Белялова по Центральному телевидению. Жена моя, Нина Ашканова, долгое время работала в группе Белялова и Ларисы Мухамедгалиевой. Она и познакомила нас. Слава пригласил меня стать директором его фильмов. К этому времени он был уже очень известен, дружил с Николаем Николаевичем Дроздовым. Фильмы о природе, о краснокнижных животных были очень востребованы, снимались они по заказу Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию. Их показывали в передаче «В мире животных», продавали за рубеж.

Экспедиционная группа у нас была небольшая, мобильная. Обычно ездили вчетвером. Водитель, директор, оператор – Белялов, ассистенты оператора – Миша Шипилов, до него был Гена Смирнов, потом Олег Белялов. На киностудии в городе проще работать, дом недалеко, приехал – уехал. А мы большую часть времени проводили в командировках. Практически по году не бывали дома. Когда такой маленький коллектив работает в экстремальных условиях, сразу видно, кто есть кто: нытик или человек, на которого можно положиться. Поэтому Слава очень ревностно подбирал помощников. Например, он долгие годы ездил с одним водителем – Валентином Ивановым. Люди были надежные, и отношения в группе складывались доверительные.

Я иногда думаю, как мы снимали кино пятнадцать-двадцать лет назад?! Не представляю, как можно было работать без сотовых телефонов. Сейчас, когда есть такая связь, GPS-навигация – все гораздо проще. Но мы его снимали!

География экспедиций была очень обширная, объездили практически весь Казахстан. В гостиницах не останавливались. Жили в палатках. Нередко попадали в ситуации, связанные с риском: случались пожары, приходилось терпеть холод, изнывать от жары. И всегда на природе. В заповедных местах, вдали от цивилизации. Лишь изредка наведывались домой, навещали своих…

Для фильма «Зов» о сайгаках снимали весь биологический цикл животного. Начали в декабре в Фурмановке Джамбулской области, снимали гон сайгаков. И в это же время происходят волчьи свадьбы. Оставили Славу в скрадке, сами

уехали в Фурмановку. Возвращаемся через три дня. Вокруг палатки масса волчьих следов. Испугались за него. Кричим – тишина, зовем Славу – тишина… Оказалось, он спал… Потом рассказывал, как ночью разжигал примус, чтоб отпугнуть хищников, а вокруг игрались волчьи свадьбы.

Снимали почти год, постоянно передвигались по степи за сайгаками. Закончили съемки в конце ноября следующего года.

В наших экспедициях бывало всякое. Когда мы снимали «Кудрявый пеликан и другие», проводники вывели нас на колонию пеликанов в дельте Или. Условия экспедиции тяжелейшие: полчища комаров, кошмарный запах. Дельта – очень сложная водная система: масса проток, легко заблудиться. Купак – травяной островок – кажется на первый взгляд крепким, устойчивым, но он может оторваться и забить протоку. Возвращаешься, смотришь, а протоки нет, а через три метра она опять начинается. Опытные местные жители заламывали камыш, чтобы не заблудиться.

Надо отдать должное великому терпению Славы. Человек непритязательный, он был большим оптимистом во всем, что касалось съемок. Как-то оставили Славу в палатке-скрадке. Договорились, что через три дня вернемся. Мы не знали тогда, что островок может быть таким подвижным. А когда приехали, Славу не обнаружили, и начали поиски по всему плесу. Часть островка вместе с ним оторвало и унесло. В конце концов нашли.

У Славы была давняя мечта снять фламинго. Самая северная колония этих птиц находится на территории Казахстана, на озере Тенгиз, в 130-140 километрах к юго-западу от Астаны. Мы с большим трудом получили разрешение на съемку этого фильма, потому что птицы эти очень пугливые.

Александр Севернюк.
Фото Н.Берковой. 2010 год

Приехали на Тенгиз. Фламинго уже соорудили гнезда, снесли яйца. Ночью с большой осторожностью мы подобрались к одному из островков, рядом с колонией, поставили скрадок. И договорились, как только Слава положит на палатку белое полотенце, значит, следующей ночью мы должны его осторожно забрать. Мы с водителем расположились на берегу.

В один из дней, около 9 часов вечера, видим, как к колонии приближается плавающий БТР. На наших глазах около 15 тысяч птиц поднялись в воздух, покружились, покружились и улетели. Консультант-орнитолог Николай из Кургальджинского заповедника сказал, что если птенцов в гнездах нет, то фламинго не прилетят обратно. Мы ждали чуда, ждали утра… Утром ни одна птица не вернулась.

Теперь об этом можно рассказать… Слава все это чрезвычайное происшествие снял на пленку: как бронетранспортер приближается к колонии, как птицы поднимаются и улетают. Естественно, мы подняли шум. Приехал председатель колхоза (или совхоза) имени Абая, которому принадлежал БТР. Оказывается, сельчане плавали на нем на острова, где нет фламинго, косить сено. Председатель стал уговаривать, чтоб мы не афишировали случившееся. Но на нас лежала огромная ответственность, поскольку мы получили официальное разрешение на съемку. Выходит, это мы вспугнули колонию?! Нарушители предлагали смыть гнезда. Островки находятся невысоко над водой. Иногда во время шторма гнезда смывало. Вот они и предложили из брандспойта пройтись по гнездам, а потом сказать, что их смыло штормом.

Мы подождали еще один день, птицы не вернулись. На всякий случай решили объехать вокруг Тенгиза. Фламинго ведь нужно чем-то питаться. Когда мы огибали южный берег озера, решили остановиться прямо на дороге, перекусить, выпить чаю. И тут увидели какое-то необычное марево – понятно, время летнее – и огромное розовое пятно на воде. Мы знали, что Тенгиз был своеобразной мишенью. Во время военных учений с Дальнего Востока стреляли холостыми баллистическими ракетами. Здесь была «свалка» их корпусов.

И вот среди этих обломков – какое-то странное пятно. Подъехали ближе и увидели на островках фламинго. Два дня наблюдали, как птицы снова начали строить гнезда. Опять с великими предосторожностями поместили Славу на близлежащем островке. И все-таки сняли и гнезда, и кладку яиц, и птенцов. Фильм так и называется «Фламинго».

Фильмы, которые снимал Белялов, были, как правило, небольшие, двухчастёвые. Бюджет – 25 тысяч рублей в среднем, а рубль тогда был равен доллару.

Съемочная группа возвращалась из экспедиции, и работа продолжалась на студии. Лариса занималась монтажом, режиссурой и писала сценарии. Звукооператор Алим Байгарин записывал звук, Эдуард Богушевский писал музыку (сейчас он живет в Америке). С нами сотрудничали профессиональные дикторы и актеры, например, Михаил Глузский. Я ездил в Москву, записывал тексты для фильмов.

Работать с Беляловым было престижно. Именно к нему в период перестройки в 1989 году обратились западные заказчики из отдела «Nature» BBC.

Для сериала «Wild Russia» – «Дикая природа России» – мы снимали одну из шести серий о краснокнижных животных тогда еще Советского Союза. В Заилийском Алатау водятся барсы, медведи, улары, индийские гуси. Этот сериал обошел весь мир, его показывали лет пять-шесть назад по «31 каналу».

Продюсером сериала был Джон Спаркс. Чтобы убедиться в профессионализме оператора, он хотел посмотреть фильмы Белялова. Мы заказали зал в Доме кино. Показывали «Вечную зовущую природу». Во время просмотра Спаркс спрашивает: «Почему камера движется рывками?» Ему объяснили – у наших штативов механические головки, разбитые. Он берет себе на заметку – понял, решим эту проблему. Следующий эпизод. Спаркс говорит: «Почему животное так реагирует на камеру, смотрит прямо в объектив?» Слава ему объясняет: «Конвас» – это шумная камера. Появилось животное, к примеру, сайгак. Только включается камера, сайгаки поворачиваются в сторону оператора и потом уходят». Британский продюсер кивает – и этот фактор учтем. К началу съемок они привезли штатив «Заклер». Бесшумную специально боксированную камеру ARRI. То есть полностью обеспечили группу техникой. По тем временам это было здорово!

Для сюжета о краснокнижных животных Заилийского Алатау по договору мы должны были снять снежного барса. Но снять такого редкого зверя в природе чрезвычайно сложно, почти невозможно. У Славы был приятель в зоопарке – Хусаин. И с дирекцией зоопарка у нас были хорошие отношения. Хусаин, завсекцией хищников, вырастил, практически воспитал барса, родившегося в зоопарке. Как с котенком с ним возился. Назвал его Альчик. Кстати, этот барс снимался в художественном фильме «Тигр снегов», в эпизоде, где зверь играет с мальчиком.

Договорились с дирекцией зоопарка, заплатили определенную сумму с условием, что нам предоставят хищника для съемок. В Большом Алматинском ущелье нужно было подготовить огромный вольер с забором из труб и сетки рабицы, замаскировать его так, чтобы ограждения не было видно. Важнейшее условие – ограждение должно быть высотой метров пять, с козырьком внутрь, чтобы барс не смог выпрыгнуть. Так сказал Хусаин. Но на козырек… не хватило материалов. В Советском Союзе была система планового распределения, в том числе труб и сетки рабица, по фондам. Купить за деньги что-либо, если тебе не выделили фонды, было невозможно! В связи с этим и случился казус со Спарксом. Мы со Славой ему объясняем: труб нет, сетки нет! Как нет?! В то время в Зайсане, в Восточном Казахстане произошло землетрясение. Мы решили, что это для британца весомая причина, объясняющая почему нет необходимых материалов. Поясняем: все ушло туда, трубы, сетка... Непонятливый иностранец спрашивает: «А в другом городе их можно купить?» Я не мог прямо ему сказать, что и в другом городе нашей страны купить это невозможно. Правдами-неправдами мы достали трубы и сетку в Киргизии. Построили огромный загон, и Слава начал снимать. Альчик «работает», кормят его хорошо, регулярно привозят свежее мясо. Однажды смотрим, наш «артист» на верху сетки. И неизвестно, куда он прыгнет – то ли в вольер, то ли на волю. Мы, конечно, очень испугались. Это, во-первых, очень дорогой зверь, за него

тогда пришлось бы платить десять тысяч рублей. А во-вторых, он мог просто кого-то покалечить! Слава Богу, Альчик прыгнул в вольер. А могли бы потерять барса!

Горько признаться, но Спаркса очень удивляло отсутствие у наших людей дисциплины. Как-то он говорит: «Приезжай завтра в 11.00 в гостиницу, я заказал на 8.00 такси, поеду в горы смотреть серпоклюва на Медео, там за плотиной есть гнезда серпоклюва». Я приезжаю в 11.00, он ходит по номеру очень злой. Спрашиваю: «Что случилось Джо?» Он говорит: «Я заказал такси на 8 часов утра. Почему до сих пор нет такси!»

Еще одна интересная история, которая случилась во время поездки на Устюрт. Я рассказываю только как хозяйственник! Для работы в отдаленных от населенных пунктов местах мы приобрели маленький генератор «Ямаха». В те времена – огромная редкость. Уже не помню, где мы его купили. Маленький генератор – значит, у нас будет свет, в степи, на Устюрте. Устраиваемся на ночевку, смотрим, вдали стоит машина. Ну, думаем, мужиков удивим, вечером заведем генератор! Стемнело: около той машины – иллюминация: три лампочки горят. Что за люди такие? Мы-то думали, что мы самые крутые! Подъезжаем, оказывается, это была экспедиция: два англичанина и новозеландец метили сокола, вживляли чип и отслеживали миграцию птицы. Финансировали их арабы и англичане. Тогда мы увидели впервые GPS-приемник. Это казалось чудом, что есть такая штука, с которой можно поехать очень далеко и не заблудиться: она нарисует твой путь, где бы ты ни был. Цивилизация.

Еще мы снимали материал для информационного агентства национального японского канала, похожего на BBC, уже на видео, на Betacam. Японцы привезли аппаратуру, и Слава снимал их камерой. Они сами потом монтировали. Алтай Жатканбаев был консультантом.

На коммерческих проектах мы с группой Белялова работали только в последнее время, в 90-е годы. Два последних фильма «Весенние плесы» и «Алтын-Эмель» снимали не на государственные средства, а на деньги «Шеврона».

Какой был человек Белялов? Я сужу обо всем преимущественно с экономической точки зрения. Как директор, продюсер. Раньше продажей кинопродукции за рубеж занимался «Совэкспортфильм». Слава не раз повторял, что созданные группой фильмы надо через Министерство образования бесплатно распространять по школам. Редкий альтруист. Хотя можно сказать, что в те времена в Советском Союзе много было таких людей – щедрых, открытых…

В начале 90-х, в смутные годы, когда развалился Союз, система рухнула. Кое-кто пытался продавать свои фильмы на Запад, стремился извлечь прибыль... Но Славу эти вопросы никогда не интересовали, человек он был совсем не меркантильный…

Встречи – опыт – содружество

Геннадий Ройтман,
оператор высшей категории,
г.Алматы, Казахстан.

В апреле 1969 года я был безмерно счастлив: меня приняли на киностудию «Казахфильм» помощником ассистента оператора по производству хроникально-документальных фильмов! Учителями моими стали кинооператоры: Салим Шарипов, Виктор Осенников, Асхат Ашрапов, Марк Беркович и, конечно, мои друзья: Леонид Кузминский и Анатолий Мищенко. Не без их поддержки и участия я прошел путь от помощника ассистента оператора до оператора высшей категории.

В начале 70-х на кинохронике я познакомился с ассистентом оператора Стасом Платоновым. Оказалось, они вместе с Вячеславом Беляловым работали на картине режиссера Марклена Ибраева «Тигр снегов» о снежном барсе.

Стас рассказывал о том, как тяжело проходили съемки – на высоте более 3000 метров в местах естественного обитания хищника. Зрителю, который смотрит этот фильм, возможно, и в голову не придет, какие трудности преодолевала группа из нескольких человек. Кислородное голодание, громоздкая киноаппаратура, которую приходилось нести на себе, быт в промерзшей палатке, когда вода в котелке превращалась в лед. Находиться в условиях абсолютно некомфортных согласится не всякий.

Съемки документального или научно-популярного фильма на природе, где необходимо запечатлеть диких животных – это особая работа, в которой большая часть ответственности ложится на плечи оператора. Именно ему приходится лежать в снегу, мокнуть под дождем, часами выжидая нужный для съемки момент. Белялов сам записывал звук, придумывал особые методы подсветки, в общем, отвечал за многое. Вместе с научным консультантом отлавливали снежного барса. Зверь попал лапой в ловушку – металлическую петлю. Удалось снять общий, крупный и средний планы. Оператор стал свидетелем того, как животное пыталось перегрызть лапу, чтобы обрести свободу. Лучшее из того, что снял Белялов, вошло в фильм: прекрасные зимние пейзажи, заснеженные вершины.

На премьере фильма «Тигр снегов» я был потрясен кадрами со снежным барсом. Тогда же Платонов познакомил меня с Беляловым.

Позже Слава решил, что на картинах о животных он сам будет и оператором, и режиссером. Возможно, немалую роль сыграло и то, что за съемки научно-популярных фильмов операторы и режиссеры получали меньше, чем за съемки документальных. Причем надо отметить, что на трудоемкую съемку научно-популярных фильмов уходил почти год, поскольку ставилась цель – запечатлеть весь биологический цикл жизни животного.

А опыт режиссуры у Белялова был. Как любому документалисту ему приходилось снимать сюжеты для киножурналов «Новости дня» и «Советский Казахстан» без режиссера – самостоятельно.

У нас в республике не было отдельной студии научно-популярных фильмов, как в Москве, Ленинграде или Киеве, где оператора обеспечивали специальной кинотехникой. На киностудии «Казахфильм» цех документального кино был один для всех. Снимались как документальные, так и научно-популярные и заказные учебные ленты. На «Казахфильме» приоритетным считалось производство игрового кино. Лучшая киносъемочная аппаратура, лучшая оптика, подсобная операторская техника и осветительные приборы – все отдавалось на съемки художественных фильмов.

Фильмы Белялова часто были авторскими. Лариса Мухамедгалиева, жена Славы, имела специальное образование и работала на студии сценаристом документальных фильмов. Обычно их ленты начинались с титров: автор сценария Л.Мухамедгалиева, режиссеры Белялов, Мухамедгалиева, оператор Белялов.

Лариса также активно подключалась на этапе монтажа. Вячеславу было трудно отойти от снятого материала и очень больно расставаться с выигрышными планами, для этого нужен был беспристрастный отстраненный взгляд. С этой ролью отлично справлялась Мухамедгалиева. Конечно, были споры, бурные сцены, борьба за каждый кадр, за каждый эпизод фильма. Но их сотрудничество, по моему мнению, было только взаимовыгодным. Кроме того, совместно заработанные деньги позволяли решать как технические, так и творческие задачи.

На этом сознательно избранном пути было немало сложностей. Студия не обеспечивала нужной оптикой и звукозаписывающей аппаратурой. Оператор, посвятивший себя созданию фильмов о животных и природе, должен был позаботиться об этом сам. Он на собственные средства приобретал длиннофокусную оптику, специальные насадки, например, для макросъемки, конструировал и изготовлял другую операторскую технику. Придумывал и заказывал по своим чертежам скрадки, палатки, заготавливал спальники, приобретал автономную газовую плиту и закупал продукты питания. Накапливалась необходимая материальная база, накапливался опыт работы в этом жанре.

У Белялова не было конкурентов на нашей киностудии. Вячеслав и Лариса достигли всесоюзной, а позднее и мировой известности. Я видел почти все их фильмы: «Беркуты», «Джунгарский тритон», «Дом для серпоклюва», «Вечная зовущая природа», «Соленые слезы Турана», «Кудрявый пеликан и другие», «Бакланы», «Стрепет», «Гепард возвращается». Прекрасны работы – «Каракурт», «Фламинго», «Устюртский муфлон».

Отмечу игровой фильм «Гепард возвращается». Чтобы снять это уникальное животное в естественных условиях, добиться выразительных крупных планов опасного зверя и человека рядом с ним, Белялов и Мухамедгалиева специально приобрели детеныша гепарда. Они его кормили, растили, добились того, что он стал послушным, ручным, выполнял команды.

Но самое сильное впечатление оставляют «Беркуты». Покоряет мастерство оператора. Как искусно снято нежное ухаживание самки за птенцом, его кормление и, наконец, – первый самостоятельный полет молодого беркута! Это очень трепетная картина. Камера проникла в мир редкой хищной птицы.

Из года в год, наблюдая профессиональную работу Белялова, я понял, что такое кинооператор-постановщик! Тот, кто может взять на себя ответственность! Я знал многих операторов, которые так и не стали первыми в своей профессии, так и оставались всю жизнь вторыми операторами на подсъемках.

Я восхищался мастерством Вячеслава и мечтал снимать фильмы о природе. Думал: только начну работать самостоятельно – мой первый фильм обязательно будет о животных. Слава предупреждал меня, говорил о трудностях, которые ожидают каждого, кто берется за это нелегкое дело. Я не верил и только, когда испытал на себе все тяготы, понял, о чем говорил мой коллега.

Для фильма «Страсти натуралиста» о Павле Мариковском нужно было снимать муравьев. И, конечно, – очень крупно! Но никак не удавалось добиться нужной глубины резкости, детали получались размытыми. Понадобился объектив для макросъемки или насадочные кольца, которые крепятся на объектив. Только так можно увидеть очень мелкие детали! Я обратился к Славе за помощью и напомнил, какими резкими были в его фильме крупные планы каракурта. Он выручил, дал специальную насадку на объектив. До сих пор помню, как Вячеслав помог мне!

В 1977 году сбылась моя мечта: я приступил к первым самостоятельным съемкам фильма! Опыт работы на картине «Скворцы прилетели» с режиссером Эльзой Дильмухамедовой оказался трудным. На игровых фильмах, где я был ассистентом оператора I-ой категории, на самостоятельных съемках сюжетов для «Советского Казахстана» все получалось довольно хорошо. А тут выяснилось: нет необходимой длиннофокусной оптики, ее забрали на художественную картину. Кинокамера рвала пленку. Друзья-кинооператоры Кузминский и Мищенко помогли достать малогабаритный длиннофокусный зеркальный объектив МТО-1000.

Помню, самые первые кадры были неудачными. Постепенно все наладилось, появилась уверенность. Пейзажи получались все интересней: удавалось передать состояние природы и настроение. У меня появился свой почерк…

Фильм о скворцах снимался по заказу Гостелерадио СССР, отсюда такая обширная география съемок – Алма-Ата, Джамбулская и Чимкентская области, Калининград, Куршская коса, орнитологическая научно-исследовательская станция в латышском селе Рауда. Познакомились с интересными учеными, увидели существенную разницу в деятельности орнитологов Прибалтики и Казахстана. Для наших – казахстанцев – главной задачей было кольцевание птиц. Выполняли они свою работу больше из профессионального энтузиазма, поскольку обеспеченность необходимым оборудованием оставляла желать

лучшего. В Чимкентской области снимали на перевале Чокпак, где наши орнитологи кольцевали пролетающих птиц. Впечатляющее зрелище – поля больших махровых красных тюльпанов. Потом поля засеяли пшеницей…

Латышские орнитологи вели ночные наблюдения за птицами, по силуэтам на фоне луны определяли виды птиц, исследовали, каким образом они ориентируются при перелетах. Кольцевание птиц сопутствовало главной работе. А по технической оснащенности они значительно опережали казахстанцев.

Удивительное место – Куршская коса: леса из карликовой ели, укрепляющей песчаную почву. Липовые аллеи. Липа не наша, тонкая, стволы – в один обхват.

Эльза объясняла, каким она видит эпизод первого полета птенцов. Чтобы выполнить поставленную режиссером задачу, я просидел на крыше дома три недели, отлучаясь только по крайней надобности. Однажды в конце третьей недели я спустился с крыши и ушел на обед. Вернувшись на съемочную площадку, обнаружил, что птенцы покинули скворечник. Я был расстроен: упустил такой интересный эпизод – слетку птенцов!

Успокоил меня консультант фильма, Анатолий Ковшарь. Он сказал, что скворцы два раза в год высиживают яйца, и предложил продолжить съемки в Академгородке на проспекте аль-Фараби. Там для наблюдения за птицами были развешаны скворечники, задняя стенка которых специально выдвигалась. Мне удалось снять то, что по обыкновению скрыто от человеческого взора, и… ту самую долгожданную слетку. Все случилось до обидного быстро и обыденно: взрослые скворцы кричали, шумели, а птенцы за долю секунды пулей вылетели из птичьего домика. Целых два месяца я просидел напротив скворечника, а зрители вряд ли обратили внимание на эпизод, давшийся мне с таким трудом.

В 1978 году состоялась премьера фильма «Скворцы прилетели». Его отметили в газетах и журналах «Советский экран», «Новый фильм».

Кинооператор – профессия зависимая. Если вы хорошо сняли картину, то лучшей оценкой будет новое предложение режиссера продолжить сотрудничество. С Эльзой Дильмухамедовой мы сняли еще один фильм по заказу Гостелерадио СССР – «На острове Барсакельмес». На этом острове посреди Аральского моря обитают куланы, сайгаки и джейраны. С камерой, громоздким объективом, со штативом и рюкзаком под 30 килограммов, я прошел пешком Барсакельмес вдоль и поперек. Увидел Аральское море. По преданию, оно считалось самым синим в мире, но уже тогда начало мелеть. И в некоторых местах от прежнего берега до воды надо было пройти не менее километра.

Потом были «Острова белых птиц» – фильм про реликтовую чайку. Она обитает только в двух местах в мире: во Вьетнаме и в Казахстане, на озере Алаколь. У нас птицы гнездятся на островах, которые едва выглядывают из воды. Небольшая волна может смыть их гнездовья. Питаются чайки звонцами, похожими на комаров.

После многих экспедиций остались незабываемые впечатления.

В экспедиции в Черноморский заповедник под Одессой я впервые увидел Днепр. Его величина поразила меня, и я вспомнил Гоголя: «Редкая птица долетит до середины Днепра».

Геннадий Ройтман (в центре) и Эльза Дильмухамедова.
Фото из архива Г.Ройтмана. 1979 год

В экспедиции, связанной со съемками фильма «В дельте Или», я был удивлен видом прибалхашской пустыни. Посреди песков – село Караой. И как знак цивилизации – противочумная станция. Село замечательно тем, что через него протекают две речки. На одной из них стоит дугообразный мостик, построенный жителями. С высоты этого мостика удобно наблюдать за жизнью сельчан.

Когда снимаешь общий план села через реку с мостиком, открывается красивая панорама: белые домики с плоскими крышами и у каждого дома саксаульное дерево до двенадцати метров высотой. Достопримечательность Караоя. Стволы кривые, кроны раскидистые, как на японских гравюрах. Сакура – только не цветущая. Рядом с селом редкостной архитектуры мазары, виднеющиеся через кроны саксаульника. Сейчас, наверное, эти «леса» исчезли «благодаря» коммерческой деятельности человека.

И конечно, мое любимое место в Казахстане – это Мангышлак. Самое хорошее время для поездки туда – это середина августа и сентябрь, когда спадает жара. В бело-розовой от ракушечника долине – мавзолей Бекет-ата. Черная змейка паломников, спускается к святыне. Когда я бываю в подземных мечетях Шакпак-ата, Сисем-ата, чувствую себя пылинкой в этом мире. Мангышлак, где находятся святыни, и Устюрт напоминают Израиль в северной его части.

И еще хотелось бы рассказать об опыте моего товарища, у которого я с готовностью учился мастерству.

Однажды, это было, быть может, в 1978 году, я зашел в отдел технического контроля лаборатории обработки пленки посмотреть свой материал. В зале показывали контрольную копию фильма, посвященного юбилею Л.И. Брежнева. Поначалу я довольно равнодушно скользил глазами по экрану, как вдруг меня поразили кадры, связанные с целинной деятельностью нашего генерального секретаря. Это был тот самый образ, поиски решения которого так мучили меня, – «море хлеба».

Я представлял, как это могло быть снято… Камера зависает над пшеничным полем, очевидно, что съемка ведется с вертолета объективом с переменным фокусным расстоянием. От вращающихся винтов колышется хлебное поле, ветер то затихает, то усиливается и …пошли, пошли, нарастая, волны. Вертолет медленно поднимается, объектив захватывает все большее пространство. Совпадение отъезда камеры и подъема летательного аппарата усиливает эмоциональное воздействие. Открывается панорама пшеничного поля без конца и без края, а вертолет летит над ним. Все это снято одним длинным планом!

Своими впечатлениями я поделился с Мищенко. Анатолий признался, что это его рук дело, и подробно объяснил, как ему удалось снять такой кадр. Чтобы избежать тряски, он бросил перед открытой дверью вертолета три матраса (вертолет особенно трясет и качает из-за вибрации и вращения винтов), надел пояс безопасности, закрепленный тросом за крюк в салоне. Лег с камерой на матрасы – и вертолетчик совершил контрольный облет поля.

Определив масштаб изображения, оператор попросил командира экипажа при зависании над полем покачивать вертолет. Так возник эффект нарастания и затихания порывов ветра: волны у земли меняли свой ритм. Волновалось море пшеницы.

Это был поразительный, уникальный опыт старшего товарища. До сих пор помню впечатление от этого эпизода. Теперь, рассказывая о нем студентам, объясняю, что такие кадры с вертолета или самолета снимаются преимущественно длинным планом. Я очень хотел снять нечто подобное, но до сих пор мне не пришлось воплотить это в жизнь.

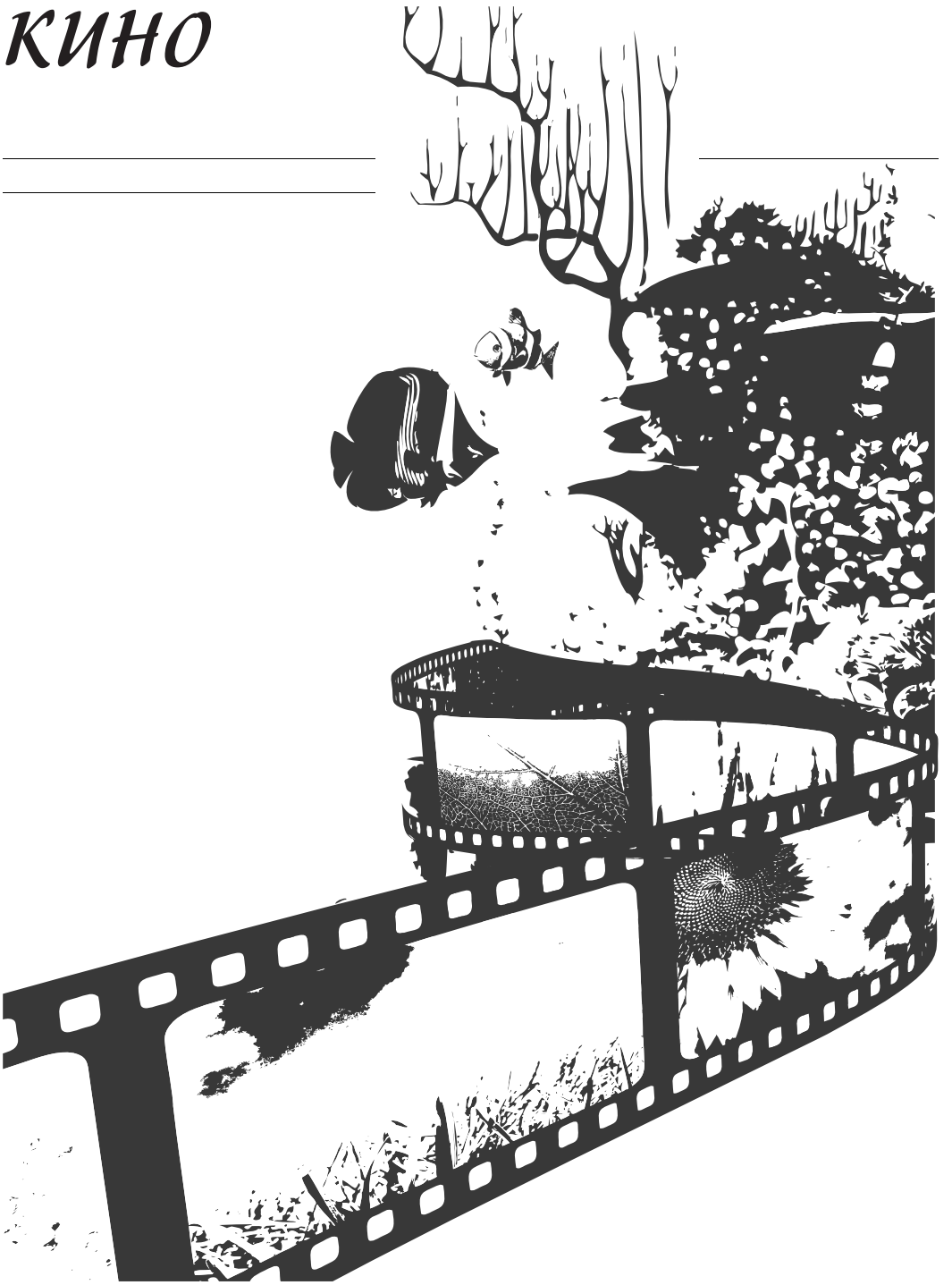
Анатолий Васильевич рассказывал, что когда к нам приезжали иностранные гости, их обычно возили в целинные колхозы, с гордостью показывали размах посевных площадей. Он сам видел, как глаза их наполнялись слезами… За рубежом полей такого масштаба не было.

Я прекратил работу с Эльзой Дильмухамедовой, когда окончательно убедился, что очень трудно снимать научно-популярные фильмы о животных и о природе. Чтобы идти дальше, нужна техника, оптика, отвечающая современным требованиям. А дублировать Вячеслава Белялова в худшем варианте было негоже, и я стал снимать документальное кино, где героем является человек.

Появилась новая киноаппаратура, бесшумная видеокамера, которая записывает подлинный звук; оптику под руководством видеоинженера можно подобрать любую…

Время идет. Славы и Ларисы уже нет: природа забрала их навечно, но остался след их душ на земле – фильмы.

Экологическое кино



Этнографическая киноправда

Трилогия о хантах Казыма

Иван Головнев,
режиссер «Этнографического бюро»,
г. Екатеринбург, Россия.

Я начинал свою этнографическую «практику» еще в детстве в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Мой отец руководил этнографическими экспедициями на полуостров Ямал. В то время многое из увиденного воспринималось неосознанно, с детской точки зрения. Меня интересовало всё, я не мог сконцентрироваться на каком-то отдельном аспекте ненецкой культуры, не был обременен конкретной исследовательской задачей, не носил в потрепанном планшете напечатанного вопросника. Я впервые открывал для себя, как живут люди, носители другой культуры. Бродил среди них, смотрел и… воспитывался. Детская восприимчивость общеизвестна: если ребенка вырастила стая волков, ему уже не привить этический кодекс джентльмена. Невероятно интересным оказывается в этом смысле феномен «этнографа-подростка», проводящего немало времени рядом с профессиональными учеными. Я имею в виду особенности детской психики: чувствительность и искренность. Лишь с недавних пор начинаю осознавать ценность того, что было подарено судьбой в тех экспедициях.

Во время учебы в университете (1995–2000) я продолжил занятия этнографией, причем совсем по-иному – на основе научных монографий. Знакомство с культурой и бытом сибирских татар начал с темы «Вещный мир», относящейся к материальной культуре. Первая же экспедиция заставила меня поставить точку на этой теме: нары превратились в кровати, чувалы – в плиты, словно «кареты – в тыквы». И тогда я обратился к исследованию духовной культуры татар Сибири, точнее – реликтов доисламских верований. Изучение сохранившихся «останков» этих древних пластов мировоззрения выразилось в нескольких курсовых работах. Но в итоге и этих поисков обозначился тупик.

Я понял, что занимаюсь мифотворчеством. Те же кареты и те же тыквы. Что такое сегодня величественные древние божества: Умай, Тенгри, Йер-су и другие? Что означают сегодня духи-хозяева? Исследователь вправе работать ретроспективно, трактовать, додумывать, но в случае с мировоззрением и

верованиями это является исследованием, скорее, самого себя, своих внутренних способностей, упражнение мысли, создание мифа. Где здесь фактическое знание, оправдывающее феномен науки? Можно сколько угодно сочинять исторические мифы об Умай, но сегодня для информаторов из некоторых деревень Среднего Прииртышья – это просто имя, а не высокочтимая Богиня-Мать – покровительница народа. Духи-хозяева сегодня – отнюдь не вера, а в лучшем случае – суеверия, в худшем – галлюцинации.

Наука «этнография», используя только традиционный текстовый инструментарий, оказывается перед серьезными препятствиями при исследовании духовной культуры, мировоззрения, верований. Причина – в различии логик. Это – другая «территория»: необъяснимого чувства, но не рациональности. Можно с успехом описать в тексте предмет быта, сложнее описать узор костюма. Но практически невозможно качественно измерить словом обряд, где определяющее значение имеют выражения лиц, звучание голосов, пластика движений и т.д. Да и сами теперешние носители культуры всё больше молчат о древних верованиях, то ли, стыдятся их, то ли не помнят, не знают, …не верят.

Поняв это, я качественно изменил направление деятельности. И обратился к этнографическому кино.

Что такое этнографическое кино? В чем его особенности и отличия от текстовой формы народоописания? Именно этим вопросам я посвятил свое очередное теоретическое исследование. Далее необходимо было соединить теорию и практику: организовать экспедиции, полевые этнографические съемки. Итогом этой работы стал фильм.

Кинематографическая этнография вернула меня к воспоминаниям о «детских» экспедициях: я не тяготился научной парадигмой, не носил в чехле от камеры вопросники (или сценарии). Я снова полагался на чувства, наблюдая, как живут люди иной культуры, запечатлевая ее уникальные проявления на камеру.

***

Работа над кинотрилогией о хантах, коренных жителях таежных территорий Северной Сибири, началась в 2002 году. Благодаря инициативе Музея Природы и Человека г.Ханты-Мансийска, чтобы создать аудио-визуальное сопровождение для экспозиции «Связь времен», мне удалось совершить экспедиции в различные уголки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Специфика задач по созданию музейного видеоконтента требовала поиска и фиксации сохранившихся элементов традиционной культуры хантов и манси. Для достижения искомой «фактуры» приходилось углубляться в труднодоступные районы, минимально затронутые влиянием цивилизации (хантыйские стойбища Юрн Ёшь Айюхан, Рапан Санхум на территории Белоярского района Югры, располагающиеся между поселками Юильск и Нумто в верховьях реки Казым). По мере создания серии зарисовок для музея происходили встречи с потенциальными киногероями, разрабатывались возможные темы и накапливались материалы для будущих авторских документальных фильмов.

«Маленькая Катерина»

Первым фильмом казымской трилогии стала работа «Маленькая Катерина». Документальная история о хантыйской девочке из тайги «росла» вместе с главной героиней. Производство фильма заняло более трех лет: в начале съемок Катерине Молдановой – два с небольшим, в конце – почти пять лет. И дело не только в деталях, связанных с взрослением и развитием ребенка. Важным фактором, определившим сроки создания фильма, явился принцип длительного кинонаблюдения за жизнедеятельностью героев, когда само время становится ощутимым и зримым элементом киноистории, одним из действующих «лиц». Реальность явилась основным проводником сюжетной линии. Все сцены в «Катерине» монтажно выстроены в той же хронологической последовательности, в которой они были сняты. Одной из режиссерско-операторских задач было запечатление поведения и действий героини в различных ситуациях, проявлявших ее характер. Другой – фиксация окружения, в котором она существовала и развивалась.

Помню, в момент моего очередного приезда на Казым, отец Катерины, Николай Тихонович Молданов, уважительно оценив длительность и сложность проделанного мною пути, застенчиво добавил, что вряд ли мне удастся снять здесь что-то важное или особенное, сославшись на то, что в их жизни все очень обычно. Однажды в середине декабря 2003 года, в 45-градусный мороз, пробираясь на снегоходе сквозь обледеневшую темную тайгу к стойбищу Катерины, я тоже задавал себе вопрос: «Зачем?» Очевидным было то, что как только я соприкасался с этой чужой культурой, я лучше начинал понимать свою. Наблюдая диковинную жизнь Катерины, познавал себя. Постепенно эта история становилась частицей моей собственной жизни, герои фильма – моими друзьями. Я не относился к Катерине и ее близким как к объекту исследования. Для меня они были обычными людьми, живущими в специфической эко-культурной системе координат, а Катерина – не девочкой определенной национальности, но просто ребенком, живущим на стойбище. Она участвовала в различных хозяйственных делах, связанных с таежным бытом. Каждый день был полон хлопот и трудностей: добыть и приготовить пищу, обеспечить семью водой и теплом. От этого напрямую зависело выживание людей в суровых условиях дикой природы. Примером для девочки являлась мама. Катерина повторяла каждое ее движение, через игру осваивая будущие обязанности женщины в семье и в обществе. Эта игра напоминала мне репетицию будущей взрослой жизни. Некоторые зрители разглядели в фильме модель так называемой «естественной педагогики».

Постоянное взаимодействие с окружающей средой является, по-моему, ключевым принципом существования людей внутри традиционной культуры. Видимая стороннему взгляду, кажущаяся гармония – результат ежедневной борьбы за жизнь. Потому каждое действие обусловлено, а каждая вещь – функциональна. Герои фильма носили одежду и обувь из оленьих шкур не под влиянием моды, но потому что это удобно. Такая одежда сохраняет тепло в лютую таежную зиму. Они жили в чуме не потому, что это экзотический вид жилья, но потому что исключительно силами членов своей семьи они

могли в любой момент собрать и разобрать чум, сложить его детали на сани, запряженные оленями, и переехать на места новых, пригодных для выпаса оленей пастбищ, а там – вновь собрать и установить жилище. Узор орнамента, вышитый собственноручно хозяйкой для своих родных, имел не столько декоративную функцию, сколько нагрузку оберега и закодированной родовой информации. Можно продолжать череду подобных примеров. Все элементы в такой культуре взаимосвязаны, взаимозависимы и жизнеобразующи, а потому – сама культура является живой. И, наоборот, как только теряется эта целостность, вся система культуры распадается на необязательные элементы, отдельные культурные пласты переходят в категории исторических или музейных, а вещи – становятся сувенирами.

Передо мной не стояла задача досконально изучить жизнь семьи Катерины Молдановой, а было желание рассказать о них другим людям. «Рассказать» средствами кино, показать, дать зрителям увидеть, услышать эту жизнь, сведя к минимуму роль автора-транслятора. Другими словами, хотелось сделать светлый фильм, созвучный характеру самой Катерины, о людях, живущих в гармонии с окружающей природой и традиционной культурой своего народа. Но реальность перевернула данную киноисторию буквально «наизнанку». Финал фильма состоит всего из нескольких кадров: поваленные деревья в лесу образуют просеку; просека приходит к стойбищу; на стойбище мы видим всех героев: Катерину, ее отца, мать и брата у чума; потом – панорама: за их спинами в тайге взгляд камеры «натыкается» на нефтяную вышку. Ровно так я и увидел эту тревожную картину, когда во время очередной командировки оказался на знакомом стойбище: просека, чум, а за ним – вышка.

В аннотации к фильму сконцентрирована история «Маленькой Катерины». «Северо-Западная Сибирь, Россия. Маленькая хантыйская девочка Катерина наблюдает и пытается понять окружающий мир. Она изучает голоса людей, зверей и всего сущего. Постепенно она познает неизведанное, и неизвестное приходит – недалеко от стойбища, где живет Катерина, появляется нефтяная вышка».

В 2004 году фильм был закончен, став моим кинематографическим дебютом. Опыт кинематографического проката фильма «Маленькая Катерина» на фестивалях, конференциях и других гуманитарных мероприятиях показал активный интерес публики разных стран мира к теме коренных народов Сибири: к их традиционной культуре, к современной социально-экомической ситуации на Севере России.

Еще в период работы над фильмом «Маленькая Катерина», начиная с 2002 года, я периодически посещал соседнее стойбище, на противоположном берегу Казыма, где жил одинокий старик, Петр Иванович Сенгепов.

«Старик Петр»

Как и в случае с предыдущим фильмом, киноистория о старожиле Казыма создавалась постепенно, на основании длительных наблюдений. Ниже приводится текстовый эскиз, предшествовавший основным работам над фильмом.

«Лето. Тайга. Поворот за поворотом, препятствие за препятствием, километр за километром между крутых берегов и песчаных кос несет свои воды широкая река Казым.

Высокий берег. Терраса. Лес. Жизнь таежных обитателей: зверей, птиц и насекомых. В эту тонкую экосистему встроено жилое пространство человека: его тропы, следы деятельности, стойбище с обитателями, чум – хантыйское жилище.

Одинокая фигура человека перемещается по стойбищу. Это старик, Сенгепов Петр Иванович. Ему больше 80 лет. Он одет в традиционную хантыйскую рубаху с вышитым орнаментом, на голове его замысловатая прическа с несколькими косами, темная кожа лица. Старик крепок телом, при ходьбе, по-хантыйской манере, опирается на топор. На стойбище живут он, собака и кот с отмороженными кончиками ушей.

Жизнь старика тесно связана с рекой, с лесом.

Близость реки к стойбищу имеет значение, старик берет на Казыме воду.

Летняя рыбалка происходит с помощью деревянных заграждений (запор) на протоках Казыма и плетеных ловушек (морда). Старик, балансируя на узком мостике деревянного «запора», не спеша справляется с огромной, в его рост, «мордой». Рыба является основой пищевого рациона старого ханта, ее количество зависит от сезона. Старик радуется любому улову, собирает рыбу в мешок и бредет на стойбище. За разделкой рыбы и ее приготовлением заинтересованно следят собака и кот старика. Рыба жарится рядом с чумом на уличной печи.

В лесу, помимо зверя, старик заготавливает древесину: дрова для очага, детали для обустройства стойбища и жилища. Здесь он добывает также бересту для изготовления посуды и ритуальных обрядовых масок.

Он сделал за свою жизнь множество масок для так называемых «медвежьих игрищ». По расчетам, за свою жизнь старик добыл около 90 медведей. Их головы сложены в специальных местах в его жилище и хозяйственных постройках. Количество добытых медведей он помечал специальными зарубками на деревьях недалеко от стойбища. Каждого добытого на охоте медведя непременно нужно «отыграть» на традиционном празднике-поминках. Старик часто «играет» и поет на таких игрищах. Его приглашают издалека, как ведущего исполнителя. И он снова делает берестяную маску и едет на медвежий ритуал в поселок Казым.

Зима. На окраине поселка совершается жертвоприношение медведю. Старик Сенгепов обращается к богам, покуда готовят жертвенных оленей. В помещении сельского клуба, где проводятся ритуальные игрища, старик поет и танцует несколько ночей подряд, как того требует древняя традиция.

Зима в этих местах суровая и холодная, световой день – короткий, это время так называемой полярной ночи. В это время особенно тяжело одинокому старику жить в лесу: набрать воды, поймать рыбу, приготовить еду и т.д. Летом в тайге другое неудобство – огромное количество комаров и мошек, прочих кровососущих насекомых. Это тяжело и для человека и для животных.

Старика Сенгепова считают последним шаманом на Казыме. Он посещает

древние святые места, расположенные по берегам реки, проделывая большой путь лодкой, и пешком. Он просит у богов и духов здоровья и благополучия как для себя, так и для всего хантыйского народа.

Старик Сенгепов – практически последний, кто продолжает вести традиционный хантыйский образ жизни на стойбище в чуме, где – поворот за поворотом, препятствие за препятствием, километр за километром между крутых берегов и песчаных кос несет свои воды широкая река – старый Казым».

Этот текст был составлен на основании наблюдений и предварительных съемочных материалов киноэкспедиций 2002–2004 годов.

В работе над фильмом «Старик Петр» многое зависело от прямого контакта между автором фильма и его главным героем, на уровне «человек–человек». Петр Иванович практически не говорил по-русски, я не владел хантыйским языком. В общении нам помогали интуиция, эмоции, чувства. Уверен, вторжение киногруппы в одинокое существование старика сделало бы невозможным создание фильма. Я и сам длительное время «проживал» вместе и рядом с ним, не включая камеры: на охоте, на рыбалке, в чуме. Иногда лишь спустя несколько дней я чувствовал, что могу начать снимать. Это часто инициировал сам Петр Иванович. Он давал мне «знак». Например, начинал тщательно готовиться к какому-либо действию: промыслу, походу и т.д. Затем он приглашал меня следовать за ним. Так, «повинуясь» воле главного героя фильма, как соавтора, постепенно создавалась киноистория «Старик Петр».

Петр Иванович – это человек-образ. Он – пример носителя живого мифологического типа мышления. Его жизнь строилась соответственно, даже редкие фразы напоминали своей образностью и метафоричностью цитаты из сказок или мифов. Для него и современная реальность являлась продолжающейся в своем творении мифологией. Он так разговаривал с

Кадр из фильма И.Головнева «Старик Петр»

животными, с природой, будто непринужденно общался с обыкновенным собеседником. Он «читал» приметы и знаки природы как знакомые тексты (следы животных, погодные условия, поведение зверей и птиц). Словом, он был растворен в окружающем мире, являясь его органической частью.

Живо помню один из диалогов с Петром Ивановичем. Однажды он спросил меня: «А твое стойбище где?» Я сказал, что это огромный уральский город с полуторамиллионным населением и высотными зданиями. Он спросил: «А оленей вы там держите?» Я ответил, что это горно-заводской регион, индустриальный центр с вытекающими отсюда экологическими проблемами. Он спросил: «А река там какая?» Я дал ему ответ, что город питают несколько небольших рек, специальные водохранилища, но качество воды таково, что я уже несколько лет для приготовления пищи вынужден покупать воду в магазине. После задумчивой паузы он спросил: «А зачем ты там живешь?» Этот его вопрос до сих пор сидит занозой в памяти, периодически всплывая и ставя меня в определенный тупик.

Так, экспедиция за экспедицией, сезон за сезоном, год за годом… Работа над вторым фильмом будущей трилогии о хантах Казыма длилась почти 5 лет. Его производство было закончено в 2008 году.

«Нумто: Небесное озеро»

В 2008 году я начал работать над третьим фильмом казымской трилогии: «Нумто: Небесное озеро». Главной героиней «Маленькой Катерины» была девочка. В фильме «Старик Петр» – старожил ханты-мансийской тайги. В документальной киноистории «Нумто» главными героями являются представители среднего возраста – семья оленеводов. Но не столько возрастной принцип определяет основную логику кинотрилогии. За возрастом каждого из героев стоит особый фон информации, событий и прочих деталей. После создания фильмов «Маленькая Катерина» и «Старик Петр» мне казалось важным продолжить рассказ о жителях этих северных территорий, раскрыть некоторые темы, лишь вскользь заявленные в предыдущих работах. К примеру, это касалось социально-экономической ситуации на современном российском Севере, специфики взаимоотношений коренного населения и пришлых нефтяников, традиционной культуры и цивилизации.

Нумто – название озера в Северо-Западной Сибири, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра. В переводе с ненецкого «нумто» означает «божье озеро», «небесное озеро». В центре завораживающе красивого озера есть остров, где издревле находится крупнейшее святилище ненцев и хантов.

Нумто – это и название поселка на берегу озера. В крохотном селении только одна улица, около 40 жителей. Нумто – самая северная территория округа. Здесь проходит граница между Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами: деревня принадлежит к Ханты-Мансийскому округу, озеро, на берегу которого она стоит, – к Ямало-Ненецкому.

Традиционная религия жителей Нумто – это шаманизм. Они обожествляют силы природы, отдельные места и объекты. В древности каждый род имел свое святое место и своих духов-покровителей. В современных условиях – это, скорее, исключение, чем правило.

В прошлом основными хозяйственными занятиями коренных жителей

Нумто были охота, рыболовство и оленеводство. Селились они небольшими семейными стойбищами. У каждой семьи были свои родовые угодья, стадо домашних оленей. Оленеводы ежесезонно кочевали вместе со своими стадами. Их традиционным жилищем являлся конусообразный чум, покрытый оленьими шкурами.

Сегодня лесные ненцы и ханты, в основном, живут в небольших поселках. Там практически полная безработица, процветает алкоголизм, ранняя смертность. Древняя культура нивелируется и исчезает.

Лишь в удаленных от цивилизации уголках лесотундры еще сохранились последние оазисы традиционного природопользования.

Семья Пяк: Атэк (в переводе с ненецкого – меткий стрелок) и Эйвие (в переводе с хантыйского – доченька) живут в лесотундре, в 30 км от Нумто. Атэк активно занимается строительством. На стойбище есть мини-электростанция, что позволяет Атэку активно использовать электроприборы для строительства. У него «в ходу» много и другой техники: пилы, рубанки, даже станок-пилорама для изготовления досок. В последнее время Атэк все реже использует топор, он и дрова заготавливает при помощи бензопилы. Атэк планирует построить несколько хозяйственных помещений, пристройку к дому, баню – в общем, почти целую улицу. Есть у него идея приглашать в гости туристов, а для них – надо иметь гостевой дом. Строит он не спеша, размеренно, надежно. Говорит, что торопиться некуда, пока есть нужда строить – есть и настроение, а когда не будет дела – скучно, незачем жить. Эйвие во всем помогает Атэку. Но главное ее дело – это домашнее хозяйство. В доме семьи Пяк всегда прибрано, чисто, уютно. Она умеет и любит готовить, шить, содержать в порядке дом и хозяйство.

Атэк – опытный оленевод. Животные его стада отличаются особой ухоженностью и красотой (стадо насчитывает более 100 голов, и по местным меркам считается крупным). Атэк по-настоящему любит оленей, хорошо знает их повадки и запросы, внимательно относится к каждому из них. Он даже пишет стихи, многие из которых посвящены оленям.

Атэк Пяк – уважаемый и авторитетный человек в районе Нумто. К его мнению прислушиваются на местных сходах коренных народов. Атэку доверяют руководить и ритуальными мероприятиями, в том числе большими камланиями на священном острове в центре озера Нумто. Для проведения религиозных церемоний Атэк привозит из тайги свои обрядовые принадлежности: родовых идолов, одежду и бубен.

Помимо домашнего хозяйства, Атэк работает обходчиком на нефтяной вышке неподалеку от своего стойбища. Работает вахтами, по две недели в месяц. Часто зимой он приезжает на работу на оленьей упряжке. Там его зовут русским именем Василий, а его жену – Светлана.

Крупная нефтяная компания начала активную разработку месторождений в районе Нумто. Нефтяники скупают огромные по площади территории, местные жители вынуждены покидать свои родовые угодья. В ближайшие годы планируется строительство крупной дорожной магистрали, соединяющей поселки и нефтяные месторождения. Но по проекту дорога должна пройти через территории родовых угодий и священных мест хантов и ненцев. В связи

с этим жители Нумто инициировали проведение научных исследований с целью закрепления за данными территориями статуса особо охраняемых зон, «неприкосновенных» для нефтяных разработок. Ситуация потребует от коренных жителей Нумто проявления активной позиции в конфликте с нефтяной компанией. Нумтовцы решили твердо отстаивать свои интересы.

В этой связи существует и другая сложная проблема. С одной стороны, нефтедобыча таит в себе экологическую и культурную опасность. С другой стороны, она приносит людям важные для жизни на Севере топливо, продукты, дороги, работу, систему льгот и многое другое. И с уходом нефтяников у местного населения, которое привыкло к такому напряженному, но выгодному соседству, может возникнуть целый комплекс новых проблем.

Территория Нумто в 1930-х годах была одним из очагов известного своим масштабом Казымского восстания. В те далекие годы невнимательное отношение властей к культуре коренного населения и местной одухотворенной природе привело к кровопролитию. Сегодняшний конфликт имеет сходные причины, и надо стремиться к компромиссу в отношениях нефтяников, властей и коренных жителей Нумто.

Все эти особенности социальных, экономических, культурных и экологических аспектов существования разных категорий жителей Северной Сибири, их переплетение и развитие являются неотъемлемой частью современной реальности. Без рассказа о них повествование будет неполным и неточным. Таким образом, фильм «Нумто» может добавить «красок» картине, сложившейся в предыдущих работах казымской трилогии, очертив общий хроно-тематический вектор: от древности – через настоящее – в будущее.

***

На мой взгляд, основная функция кино – сохранение времени – в полной мере актуальна для ситуации с фильмами казымской трилогии. Особая ответственность лежит на этнокинематографистах и всех тех, кому небезразлична судьба коренных малочисленных народов, их традиционной культуры, современной экологической ситуации.

Основной моралью кинотрилогии является понимание культуры народа как основы жизни человека. Любой человек, в тайге или в центре мегаполиса, не может существовать вне своих культурных ценностей, являющихся основными жизненными ориентирами во времени и пространстве. И не менее важным выводом в данном случае оказывается понимание уникальности культур в их разности.

Одухотворенный Алтай

Тамара Муканова,
режиссер анимационного кино,
г.Алматы, Казахстан.

Республика Алтай – горная страна с населением 200 тысяч человек. Коренные жители тюрки-алтайцы составляют третью часть населения.

Вопрос: Вы родились на Алтае. Каковы Ваши первые детские впечатления, восприятие родины?

Ответ: Мое детство проходило преимущественно в Срединном Алтае, где были сильны народные традиции, а люди добры и участливы друг к другу. Это было послевоенное время – народ победил врага и с новой силой, с огромным оптимизмом строил свою жизнь. При этом в сознании каждого из людей образ сокрушенного Зла с неодолимой силой вытеснялся картинами мира, мирного созидания. Пройдя испытание революцией, репрессиями и войной, дух жаждал счастья и душевного комфорта. Именно в это время с особой силой зазвучал героический фольклор, а вместе с ним воскрешалась глубинная память. Главным же в ней было – сокровенно-потаенное знание: «Кижи кижиле бай» – «Человек богат человеком». И еще: «Эл ле дьер – бир тудуш» – «Народ и земля едины».

С первого дня рождения ребенка алтайцы внушают ему чувство благоговения перед своей землей. Свою сокровенную любовь к Алтаю мои соплеменники выразили в «тысяче и ста именах». Это очень важное положение в тенгрианстве. Для наглядности перечислю наиболее употребляемые имена-обращения: «Хан-Алтай» – «Царственный Алтай», «Баш Алтай» – «Глава Алтай», «Агару Алтай» – «Святой Алтай», «Бай Алтай» – «Богатый Алтай», «Байлу Алтай» – «Одухотворенный Алтай», «Кан Алтай» – «Кровный Алтай», «Кайран Алтай» – «Милостивый Алтай», «Килемдилю Алтай» – «Милосердный Алтай», «Кин Алтай» – «Пуповина Алтай», «Кабай Алтай» – «Колыбель Алтай», «Эне Алтай» – «Мать Алтай», «Ада Алтай» – «Отец Алтай», «Тогус Булунду Алтай» – «Девятигранный Алтай», «Кюзеленду Алтай» – «Изящный Алтай», «Дяйалталу Алтай» – «Даровитый Алтай», «Айлу-Кунду Алтай» – «Лунно-Солнечный Алтай», «Таш Алтай» – «Каменный Алтай», «Туулу Алтай» – «Горный Алтай», «Бийик Алтай» – «Высокий Алтай», «Ортогы Алтай» –

«Срединный Алтай», «Томонги Алтай» – «Нижний Алтай», «Кату Алтай» – «Суровый Алтай», «Шанкылу Алтай» – «В девичьей накоснице Алтай», «С ласковой улыбкой Алтай», «Алтай с задумчивым челом», «Сновидящий Алтай», «Алтай с шелковистой травой» и много-много других поэтических сравнений – метафор. Сюда же относятся всевозможные цветовые характеристики, образы фауны и флоры, драгоценностей и минералов. К примеру, вот так: «Алтай Золотоспинный с запахом полыни, душистого вереска, смородины, беличьей ягоды и т.д.».

И вот, для того чтобы запечатлеть в сердце ребенка этот многоликий и многокрасочный образ Родины, чтобы он с молоком матери ощущал кровную, нерасторжимую связь с родной землей, родители и близкая родня совершали ряд ритуалов: например, еще в утробе матери ему надо было дать ощутить, почувствовать, вдохнуть запах родной земли. Для этого молодую женщину на первых месяцах беременности поили на утренней и вечерней заре особым образом надоенным коровьим, а еще лучше кобыльим молоком. Утром – чтобы ребенок вкусил блеск и красоту Дня, вечером – чтобы ему были ведомы тайны Ночи. В зимнее время поили похлебкой из высушенных клубней кандыка (растение из семейства цикламеновых). Кормили кедровыми орехами и прочими деликатесами, заготовленными впрок. И обязательно испрашивали – чего бы она еще хотела вкусить. Желание непременно исполнялось. На каждое новолуние на восходе солнца женщину окуривали дымом горящей ветки душистого можжевельника. Каждое действо, жест непременно сопровождались словами благопожелания, говорилось о том, что этого Ребенка ждут, Он желанен, в Нем нуждаются…

И так на протяжении всех этапов взросления: и когда пройдет сорок дней после родов, и когда исполнится год, затем три года, семь и двенадцать лет. После этого совершался новый уровень ритуалов на всем его жизненном пути.

Кадр из фильма Т.Н.Мукановой «О чем сказала мне Катунь»

А вот пример типичной обрядовой песни:

«Белый цветок на холме,
Сказав, мой Алтай, расцвел.
Дитя, четырех лет,
Сказав, мой Бурхан, помолилось.
Синий цветок на лугу,
Сказав, мой Алтай, расцвел.
Ребенок, шести лет,
Сказав, мой Бурхан, помолился».

В 18 лет я впервые села в плацкартный вагон поезда «Бийск – Москва», поехала в столицу, чтобы поступить в вуз, и в дороге испытала настоящий стресс при виде бесконечной Степи перед глазами. Пейзаж без гор вносил в душу чувства незащищенности и смятения…

На вторые сутки из-за потери аппетита (чай отдавал ядовитой хлоркой) – заболела. И только на четвертые сутки, подъезжая к столице, захотела есть. Вдруг почувствовала запах какао – официант из вагона-ресторана кому-то из пассажиров нес заказ. Я с жадностью протянула руки к чашке – волшебный напиток поднял тогда меня на ноги.

Когда же поезд прибыл, наконец, в Москву, и ноги ступили на Комсомольскую привокзальную площадь, снова испытала шок – везде и всюду глаза видели лишь серый камень зданий и асфальт. К тому же беспрерывный гул машин, казалось, сводил с ума. Большого труда стоило перебороть себя, чтобы сразу же не вернуться назад, домой, в свежую зелень, тишину и прохладу Алтайских гор, припасть к горной речке и пить, пить студеную воду…

Вопрос: Знали ли Вы тогда о тенгрианстве? Выполняли ли Ваши близкие обряды?

Ответ: До 23-х лет мне не довелось слышать, что есть такое понятие «тенгрианство». Ведь что было – взрослые хоть и соблюдали на бытовом уровне, в кругу семьи, обычаи и ритуалы веры, однако названия своей веры не озвучивали. Соблюдали табу в целях самосохранения. Люди настолько были напуганы репрессиями конца 20-х и 30-х годов, что никто и не смел вслух признаться, что он верит в Бога.

Только после окончания вуза, общаясь с продвинутой алтайской интеллигенцией, шестидесятниками Горно-Алтайска (центр Горно-Алтайской автономной области, ныне Республики Алтай Российской Федерации), я впервые услышала этот термин.

Тенгрианство – это вера в Верховного бога – Тенгри.

Через богатейший фольклор всего тюрко-монгольского мира, одухотворенные обряды и ритуалы, исторические памятники и письменные источники просвечивает сияние бога Тенгри. Как зерно умирает в земле ради того, чтобы превратиться в колосистое поле, так и тенгрианство – предтеча монотеизма – сокровенным Первознанием легло в основания мировых религий.

«Тенгрианство – это плащ, который покрывает собой плечи всех религий», –

утверждал в своем докладе профессор Реми Дор на региональном коллоквиуме IFEAC (Французский институт исследований Центральной Азии), Алматы, 2004 год. А вот что сказано об этом в книге английского ученого-этнографа Э.Б.Тайлора «Первобытная культура», Москва, 1989 г., с.450: «В образе монгольского Тенгри виден переход людей от понятия о небе к понятию о небесном боге, а затем к понятию о боге или духе вообще. Стоит только проследить все это, стоит только далее вдуматься в описание культа неба у древних тюрков… как совершенно бесспорной становится правота Кастрена, финского ученого 19 века. Последний утверждает, что учение о божественном небе лежит в основе первых представлений не только о небесном боге, но и о высшем божестве вообще – представлений, которые, спустя века после обращения этих народов в христианство, слились с понятием о христианском Боге».

Тенгрианство возникло на основе народного мировоззрения и традиций, бесценного опыта, в которых главным являлось поклонение Природе и Космосу, почитание Памяти предков, глубинное осознание гармонии Мира и Жизни.

Вопрос: Когда Вы поняли, что Вы тенгрианка, и сознательно стали принимать участие в обрядах, следовать заветам предков?

Ответ: Мои близкие неукоснительно соблюдали тенгрианские ритуалы и обычаи, но только, как я уже сказала выше, в частном порядке. Национальные религиозные молебствия, и даже общенародные праздники «Чага байрам» – «Новый год» по-алтайски, «Дылгаяк» – «Весеннее равнодействие» и «Эл ойын» были под строгим запретом начиная с 20-х годов прошлого столетия. Все названное было принято считать «пережитками прошлого». Возобновились они в связи с перестройкой и особенно в начале 90-х годов.

Хотя во многих алтайских селениях всегда находились два-три человека, тайком справлявшие ритуалы и обряды своей веры где-нибудь в горах подальше от людских глаз… Благодаря таким подвижникам и сохранились эти религиозные представления. Иначе за 70 лет запрета все позабылось бы.

Сама не зная того, тенгрианкой я была, можно сказать, с самого детства. Бытовые обряды – такие как «Восход Солнца», «Угощения От-Эне (Огня)», «Приветствие новой Луны», «Расчесывание волос», «Остригание ногтей», «Восхождение на гору», «Переправа через реку» и многое другое соблюдала всегда, со спокойной уверенностью в том, что ничего преступного в том, что я делаю, нет. Так учили старшие. Но, конечно, делалось все это без всякого афиширования. Например, в условиях студенческого общежития «Молитву благодарности» на ночь проговаривала мысленно, едва шевеля губами, чтобы девочки по комнате не услышали и, не дай Бог, не подняли на смех, не посягнули на сокровенное…

В годы моего студенчества, насколько знаю, во всех больших городах существовали национальные землячества. Это такие мини-объединения, на которых по большим праздникам собирались земляки. Мы общались, обменивались новостями и по обычаям своего народа исполняли некоторые ритуалы.

Уверена, эта добрая традиция живет и в наши дни.

Вопрос: Как Вы оказались на «Казахфильме»? Как были приняты с Вашей национальной темой? Кстати, интерес к национальным культурам народов СССР был частью идеологической политики…

Ответ: На «Казахфильме» я оказалась, можно сказать, как «протеже» моего мужа, одного из первых мультипликаторов Казахстана, Флобера Муканова. Он начинал свою трудовую творческую жизнь вместе с основателем казахской анимации Аменом Абжановичем Хайдаровым.

Мне с алтайской тематикой удалось безболезненно и органично вписаться в сценарный репертуар мультцеха. В казахском кино у руководства в то время находились такие личности, как главный редактор киностудии М.М.Ауэзов, заместитель директора С.Т.Таукелов, председатель Госкино КазССР О.О.Сулейменов, упомянутый выше А.А.Хайдаров, редактор мультипликационного цеха Б.Р.Нугербеков. Они протянули руку помощи мне, представителю малочисленного родственного народа, у которого не было своей киностудии. Ведь Алтай – это прародина тюрков, и интеллектуальная часть казахской элиты, истинные носители народной памяти, по сей день с неизменным пиететом относятся к этому факту седой древности.

К тому же интерес к национальной теме народов СССР, действительно был частью идеологической политики в области художественного творчества, а тем более кино.

Вопрос: Когда Вы приступили к работе над «Кайчи», вкладывали Вы в авторскую идею религиозный смысл? Возможно ли это было тогда, в 80-е годы? Или это наше общее заблуждение о том, что рогатки цензуры были столь острыми?

Ответ: Анимационный фильм «Кайчи» (сначала он назывался «На кругу нагретой земли») был задуман в 1980 году, а создан в 83-м…

Религиозного смысла не вкладывалось – в те годы такое в голову не приходило. Было лишь горячее желание, как говорит центральный персонаж фильма, старый кайчи: «Воспеть доброе имя моего народа». В Советском Союзе патриотизм воспитывался с раннего школьного возраста. И вообще, когда сегодня иные деятели культуры пытаются закрасить наше прошлое при Советах только черной краской – это неправильно, несправедливо, неумно, неблагодарно.

Поэтому, если и были цензурные рогатки, то только в отношении художественного воплощения выбранной темы. Надо отметить, что в создании фильма «Кайчи» огромную роль сыграла его художественный руководитель И.Н.Гаранина, одна из ведущих режиссеров «Союзмультфильма».

Именно Ида Николаевна настояла на первоначальном варианте сюжета, предложенного мной, именно благодаря ей фильм приобрел эпический масштаб.

Редакционная коллегия «Казахфильма» благосклонно, практически без поправок, приняла откорректированный ею сюжет «Кайчи» и красивый поэтичный текст, написанный сценаристкой М.В.Соловьевой.

Вопрос: Расскажите подробнее о работе над фильмом. О вкладе художников, в частности – Елены Бейсембиновой. Мы знаем Бейсембинову как художника, тонко чувствующего природу.

Ответ: Честно говоря, без Елены Бейсембиновой, без ее участия, фильма попросту не было бы. Ведь мультипликация, как сказал Юрий Норштейн, – это реальность, созданная художником.

В самом начале работы над фильмом, мы вчетвером (четверо его создателей) – Гаранина И.Н., супруги-художники Арсен и Елена Бейсембиновы и я – отправились в десятидневную командировку на Алтай для сбора иконографического материала. Был февраль месяц, зима, а события в фильме разворачиваются в летнюю пору. Моим художникам надо было «на полную катушку» напрячь воображение – в графических контурах зимнего пейзажа увидеть живописное лето.

Арсен сделал первоклассную раскадровку в карандаше, ну, а образ Алтая и цветовую раскладку многочисленных персонажей фильма создала Елена. Труд ее уникален. За короткий срок войти в инокультурную среду, перевоплотиться в характеры и дать их зримые образы… Попробовал бы кто-нибудь другой! На это способен лишь художник с отвагой в сердце.

Кроме того, во всем, что делает эта художница, есть новаторский подход. Она никогда не боялась экспериментов. Так и в нашем фильме Лена использовала роспись масляной краской по стеклу – написала пейзаж с лесистыми холмами и сочной травой. А когда водрузила свою роспись на мультстанок, и оператор подсветил ее снизу и сверху, то весь пейзаж как по волшебству преобразился – он завибрировал, ожил. И тогда взору предстала величественная панорама рукотворного Хана Алтая – Царственного Алтая.

Низкий поклон Художнику за ее бесценный труд, золотые руки и душу истинного Мастера.

Вопрос: Насколько важно, по-Вашему, знание молодежью традиций предков? Исполнение ритуалов? Считаете ли Вы, что возвращение к истокам возможно для большого количества людей, в особенности молодежи?

Ответ: Знание молодежью традиций предков чрезвычайно важно. Это ее опора и защита. Глубинное, осмысленное знание традиций, а затем осознанная, радостная готовность исполнения и соблюдения ритуалов и обрядов в повседневной жизни – это и есть тот фундамент, на котором строится личность человека, способного поднять традицию на новую высоту.

А потому возвращение к истокам – неизбежное условие развития для подавляющего большинства оптимистично мыслящих людей. Но здесь, во всем духовном пространстве традиции, необходим момент некой коррекции, отбора тех постулатов и принципов, которые должны соответствовать духу времени, его запросам и нуждам. Сегодня, безусловно, это вопросы экологии: «экология сознания», «экология души», правильное формирование которых позволит на новый уровень поднять «экологию среды, места обитания», иначе говоря, все то, что составляет главную проблему нашего времени.

Приведу выдержку из фильма «О чем сказала мне Катунь» (Катунь – название реки в Горном Алтае, она символ Алтая). Это благодарственная ода-молитва, озвучивает ее руководитель мистерии Акай:

– По горам Вашим мы ходим, из рек и озер Ваших мы черпаем и пьем воду Вашу, у полы Вашей расселяемся и живем, в объятиях Ваших ночуем, чтобы

Кадр из фильма Т.Н.Мукановой «О чем сказала мне Катунь»

не прерывался наш род людской, давший жизни зародыш – ребенка, давший белый скот, зверей и птиц, деревья и травы. Небесный Отец наш, священный Кан-Алтай – будьте благословенны, будьте благословенны!

Чувство благодарности Земле-Воде-Небу и готовность защитить этот свой кров в меру своих сил – чисто тенгрианский пассаж. Это чувство было полным и всеобъемлющим, например, для моей бабушки Кокулевой Биле (1904 г.р.) и ее ровесниц и ровесников.

Мне уже в семилетнем возрасте бабушка объяснила, что нельзя грязные вещи стирать в реке. Нужно набрать в тазик воду и стирать на берегу, и ни в коем случае не сливать грязную воду в реку. «Там вниз по течению живут люди и пьют воду из этой реки», – сказала она мне тогда. Даже грязь с ладоней она велела смывать на бережок.

Свой бесценный опыт общения с людьми традиции я частично отразила в своем творчестве.

Вопрос: Все ли, о чем Вы хотели рассказать зрителю, удалось Вам донести в фильме «О чем сказала мне Катунь»? Считаете ли Вы, что проведение обряда получилось впечатляющим и убедительным на экране?

Ответ: На то время, когда снималась картина, главным для меня было передать ее исповедальный тон. Героиня фильма (она – горожанка) в трудную минуту жизни обретает духовную опору в обществе людей своего детства, жителей далекого горного селения, собравшихся на религиозное молебствие «Сары бюр» – «Желтая листва».

Красивые и торжественные, полные глубинного смысла ритуалы и обряды, связанные с почитанием Природы и Космоса, очищающе воздействуют на душу героини фильма.

Со своей задачей, полагаю, я справилась. Однако многие зрители после просмотра высказывали сожаление о том, что в фильме не раскрыта философия тенгрианства. Замечание справедливое. Вот уже который год обдумываю сюжет

сиквела с названием «Дяжыл бюр» – «Зеленая листва». Замысел в главных чертах готов, осталось изложить на бумаге.

Мне трудно судить о качественной стороне проведения древнего обряда, так как «Желтая листва» 2003 года в селении Теленгет-Сортогой – мой первый и пока что единственный опыт участия в подобного рода мистериях. И он, этот опыт, мне очень нравится. Что скрывать, в один из моментов обряда даже испытала состояние мистического экстаза: чувство беспредельной свободы теплой волной охватило вдруг все мое существо, я как бы раздвоилась, поднялась на высоту птичьего полета, и оттуда наблюдала все происходящее с собой и окружающими…

В разговоре о фильме «О чем сказала мне Катунь» непременно хочу упомянуть имя кинооператора Болата Сулеева. Он подлинный мастер своего дела, профессионал; вдвоем с ассистентом Данияром Байдаралиным в течение полутора часов, пока разворачивались большие и малые события мистерии, они ничем не нарушили размеренный ход молебствия. При этом видеокамера зафиксировала буквально все этапы действа – ничего не пропустила. Съемку подвижной камерой Болат производил, что называется, на одном дыхании, материал отснял монтажно, с композиционно точными кадрами, красиво, поэтично и чувственно.

Нет сомнения в том, что во всем его душевно-духовном строе, где-то на генетическом уровне, глубоко и прочно угнездилось, так же как и в Елене Бейсембиновой, полнокровное тенгрианское мироощущение жизни.

Точно так же, я уверена, можно было бы сказать и о каждом из нас, жителе планеты Земля. Но кто-то уже духовно готов осознать в себе благодарного защитника Природы, Космоса, Жизни и предпринимает активное усилие в этом направлении, как, например, сотрудники Вестника «Зеленое спасение», а кто-то еще, увы, не проснулся…

Беседу вела Надежда Беркова

Оператор как боец...

Евгений Усов,
руководитель фото- и видеоотдела Гринпис России, г.Москва, Россия.

Отделение Гринпис в СССР было открыто в 1989 году. Официально в этой организации я работаю с 1995 года. До этого времени жил в Петербурге. Когда узнал, что в Москве открылось представительство такой известной общественной организации, мне захотелось ближе познакомиться с людьми, входившими в Гринпис. Его филиал был создан при подразделении Международного фонда за выживание и развитие человечества, в 1989 году в СССР довольно сложно было открыть такой фонд. Располагались они недалеко от старого Арбата.

Я стал приезжать из Петербурга в Москву и несколько лет сотрудничал с Гринпис как доброволец. Это был самый конец 80-х, начало 90-х. В организации работали несколько иностранцев и наши, россияне, советские люди. Мне повезло, пару раз столкнулся с человеком-легендой – Дэвидом Мактаггартом. Он долгое время был главой Гринпис Интернэшнл.

В 95-м я начинал как координатор кампании по борьбе с токсическим загрязнением Волги. Тема оказалась очень сложной. Почти неподъемной. Огромная часть населения сосредоточена в волжском бассейне. Наверное, в этом регионе России самая высокая плотность размещения промышленных и сельскохозяйственных объектов. Проблемы Волги оказались столь разнообразны и настолько многочисленны, что охватить их было крайне сложно. Мы провели ряд исследований, сделали определенные выводы. Наша работа с тех пор продолжается. Из последних акций – проход судна Гринпис «Белуга» по Беломорско-Балтийскому каналу из Петербурга в Москву. Обследовали Волгу на предмет загрязнения особо опасными веществами.

Потом я стал заниматься работой, непосредственно связанной с моим образованием (закончил факультет журналистики). Это обязанности пресс-секретаря, сотрудничество с журналистами телевидения, радио, газетчиками, организация пресс-конференций. Тогда ведь еще не было Интернета.

Поначалу мы не имели ни финансовых, ни ресурсных, ни кадровых возможностей, чтобы производить собственные видеоматериалы. Поэтому пользовались видеороликами, которые приходили из других офисов, к примеру, из видеостудии штаб-квартиры Гринпис Интернэшнл, которая находилась в Амстердаме. Их создавали зарубежные операторы или операторы наших телеканалов.

Многие события, которые происходили здесь, в России, имели очень серьезный резонанс в мире. В частности, памятно чрезвычайное происшествие 1994–1995-го годов – катастрофический разлив в Республике Коми. Из космоса заметили большое нефтяное пятно в районе Уфимска. Тогда были сняты потрясающие материалы, которые и стали взрывным началом нашей видеоработы.

После этого стало понятно, что российское подразделение Гринпис не может обходиться без собственной видео- и фотосъемки. Надо самим отправляться на места, самим фиксировать происшедшее на пленку.

Эти события зачастую столь масштабны, что буквально просятся, чтобы их показали людям. Часто проблема не только в том, что происходит что-то ужасное, катастрофа, трагедия… Проблема в том, что никто об этом не знает. Расстояния огромные. Доехать до места не могут даже инспектора контролирующих органов. Так было, и так есть. Другого способа информирования не существовало, его нет и сегодня. Ведь официальная информация достаточно причесана, она не дает объективной картины происходящего, особенно в далеких регионах.

С 97-го года мы уже пытались что-то делать сами. Купили видеокамеру модели Hi8 (тогда она казалась нам суперкамерой!), приобрели штатив. Такой аппаратурой уже можно было вести съемки видеосюжетов для показа по телевидению.

Одну из первых значительных съемок мы провели в Саратовской области, где компания «ЛУКойл» незаконно поставила в заказнике буровую вышку и начала искать нефть.

Это была очень смешная история. Местный чиновник и лукойловские специалисты договорились до того, что они планируют превратить Саратовскую область чуть ли не во второй Кувейт. А Гринпис, понимаешь, мешает им заниматься развитием нефтедобычи в стране, подрывает государственные устои и прочее, прочее, прочее. Вся эта история закончилась провалом. Ничего они не нашли…

Снимали мы тогда периодически, нерегулярно, материалы передавали на телеканалы. Потом всерьез задумались над тем, чтобы не просто вести черновые съемки, а создать собственную видеостудию, делать какие-то подборки, может быть, даже замахнуться на жанровые сюжеты, репортажи для ТВ.

На календаре уже был 2000-й год. Помогли коллеги из штаб-квартиры Гринпис. У нас появилась бетакамовская двойка магнитофонов. Теперь мы могли сформировать достаточно профессиональную министудию, подбирать для телевизионщиков необходимые им кадры, начали сами заниматься монтажом. Тогда же мы купили профессиональную камеру CANON XL. Это был очередной шаг вперед, шаг к повышению качества. Теперь можно было думать о создании видеопродукции, репортажей, клипов и даже документальных фильмов.

Первый сюжет нашей студии, созданный на бетакаме, – небольшая видеозарисовка о Байкале, где мы впервые побывали в 2000 году. Надо сказать, что она очень неплохо «поработала», людям понравилось. Тогда еще было мало видеосюжетов о Байкале, даже в прибайкальском регионе.

Некоторое время спустя я побывал в Байкальском заповеднике. Экскурсовод рассказывала, что они занимаются экопросвещением, в частности, в Бурятии, и показывают фильм о Байкале, в свое время подаренный Гринпис России. Это очень здорово, потому что школьники увидели нерпу в фильме и поразились: оказывается, это такое симпатичное млекопитающее, покрытое мехом, живет в воде. До этого просмотра многие были уверены, что нерпа – это рыба. Мы познакомились ближе с экскурсоводом. Она была очень рада, что столкнулась с человеком, имеющим непосредственное отношение к фильму.

Наша цель – образование и объяснение. Прежде всего, хотим показать красоту пейзажей, животных, важность того или иного ресурса природы, уникальных экосистем. Разъяснить их роль в поддержании биосферы в состоянии, необходимом для нашего выживания. Мне не очень нравится слово «пропаганда», в его содержании есть что-то наступательное, напоминающее советское время. В понятии «пропаганда» есть политическая, насильственная окраска, связанная с не совсем цивилизованными действиями. Многие из нас помнят, как работала военная пропагандистская машина…

Мы не хотим просто грубо организовывать людей, зомбировать их или вбивать им в голову наши взгляды. Потому стараемся показать и объяснить, насколько крепко человек связан с природой, почему ее надо охранять. Естественно, рассказываем, чем занимается Гринпис, почему мы считаем это важным. Стараемся все делать ненавязчиво, чтобы это не было похоже на промывание мозгов, которого предостаточно в нашем мире. Не зря уже давно устоялся такой термин, как green washing – «зеленое промывание». Имеется в виду использование политическими и коммерческими структурами каких-то экологических проблем, экологических принципов в своих целях, которые, в общем, к экологии отношения не имеют.

Нельзя сказать, что мы способны оперативно реагировать на все события, которые происходят в нашей огромной стране. Мы стараемся откликаться на наиболее важные из них, готовить репортажные материалы, посылаем фотографа или видеооператора туда, где что-то происходит. Так частенько бывает. Мы сотрудничаем с журналистами официальных СМИ, поддерживаем друг друга.

Очень часто телекомпании, газеты, информагентства не могут физически, либо по идеологическим соображениям, послать человека на место происшествия. Если тема вписывается в их редакционную политику, мы с готовностью предоставляем им наши материалы. Не всегда удается оказаться на месте в то время, когда, например, из трубы хлещет нефть… У нас существует обширный фото-, видеоархив. Журналисты, готовящие сюжет о каком-то чрезвычайном событии, могут использовать картинки для иллюстрации темы. И не обязательно кадры, снятые на месте происшествия, а однотипные, подобные. Это определенная специфика журналистской работы.

В 2011 году, слава Богу, ничего экстремального не было, за исключением торфяных, лесных пожаров, на которые периодически наши ребята выезжали. Пиковая ситуация была в 2010 году, когда мы много ездили, тушили, фотографировали, снимали.

Параллельно с участием и проведением природоохранных мероприятий, наша группа создает документальные фильмы для экологического образования. Стоит отметить один из последних – «Лесной склад». В нем популярно показана роль леса в жизни человека. Подробно рассказывается, какие леса произрастают в России и как важно их сохранять, так как жизнь каждого из нас зависит от того, сколько лесов произрастает на планете. Часть информации мы дали схематично, потому что 20-30-ти минут явно недостаточно, чтобы рассказать о пользе леса. Ведь лес – это источник древесины, ягод, лекарственных средств, определенной социальной самостоятельности человека. Возможно, в будущем мы сделаем несколько отдельных фильмов об этих полезных свойствах леса.

Отдельно стоит упомянуть наши материалы по всемирному природному наследию. В 2011 году нам удалось побывать в замечательном месте Якутии – Ленских столбах. Оно имеет все основания в ближайшее время быть включенным в Список всемирного природного наследия. Это часть долговременного проекта Гринпис. Одна из главных его задач – придание международного охранного статуса определенным территориям, чтобы затруднить их промышленное освоение. Очень важен проект и с просветительной точки зрения. Обилие негативной информации производит впечатление, что Россия – территория химических полигонов, радиоактивных свалок, гниющей древесины, зловонных речек. Но Россия – это огромные территории пока еще не тронутой природы, специфической и уникальной в масштабах планеты. Нам есть чем гордиться и есть что сохранять. У нас есть прекрасные природные уголки, о которых должны знать и которые должны увидеть на экране не только граждане нашей страны.

Как-то нас, операторов, назвали авангардом, бойцами Гринпис. Действительно, нам часто приходится быть на переднем крае, как на войне… Если говорить с юмором, исходя просто из требований операторского искусства: человек с камерой должен быть впереди, чтоб не снимать спины. Он должен быть лицом к лицу с тем, что снимает.

Часто оператор попадает в те же переделки, что и наши сотрудники, сторонники и волонтеры, участвующие в акциях. Бывало, и в речки падали, и льдом покрывались, когда в декабре нашу лодку поливали водой из брандспойта с корабля, перевозившего ядерные отходы по Финскому заливу. Всякое случается. На пожарах бывают очень опасные ситуации. Как-то горела трава, я с видеокамерой и фотоаппаратом убегал от вала огня. Пришлось просто бегом бежать, спасаться в луже. Многие наши ребята и жизнью рискуют: например, при тушении торфяных пожаров в лесу очень высока вероятность падения деревьев, у которых подгорают корни. На пожарах в последнее время из-за этого погиб не один человек. Опасно и там, где высокий уровень радиации или химического загрязнения. Это достаточно серьезная работа, надо быть весьма осторожным, чтобы и живым остаться, и кадры хорошие снять.

У нас не киностудия, не телеканал, соответственно наши возможности крайне скромны. Работают всего три «бойца» – фотограф, режиссер и оператор. Я и режиссер, и оператор, и начальник, в одном лице. Стараемся делать всё вместе, по возможности друг друга подменять, чтобы и оператор мог быть

фотографом, и фотограф мог снимать на видео. С одной стороны, это хорошо, потому что специалист широкого профиля быстрее найдет себе применение. Скучать не приходится. Снимаем репортажи, документальное кино, готовим аналитические материалы, которые можно использовать в телепередачах и программах. Мне как журналисту приходится брать интервью. Снимаем для номинаций территорий в Список всемирного природного наследия ЮНЕСКО, для подготовки учебных пособий и видеолекций на разные темы: о пользе леса, о проблемах уборки мусора и т.д.

Наша задача не выдать быстренько в эфир что-то такое, чтобы зритель увидел и сразу проникся нашей мыслью, а показать происходящее так, чтобы человек в первую очередь задумался и выработал свою точку зрения, осознал, сделал мыслительное усилие. Главное – дать человеку пищу для размышления. Поэтому мы очень серьезно подходим к созданию образовательных сюжетов, видеолекций, фильмов.

Неоднократно участвовали с нашей продукцией на телефестивалях в Ханты-Мансийске, в Иркутске – на фестивале экологических фильмов «Человек и природа», съездили на несколько зарубежных кинофорумов. «Оскаров» мы пока не заработали. Но надеюсь, что все впереди, дипломы у нас есть. Участие в фестивале – это уже своеобразное признание, потому что если на конкурс приходит 200 работ, то отбирается из них меньше сотни, а уж если получаем диплом – это вообще замечательно.

Иногда и сам выбираюсь на фестивали, потому что не только показ фильма и получение диплома или статуэтки имеют значение, очень важно общение. Приезжают люди, обмениваются опытом, впечатлениями, темами. Если вариться только в собственном соку, то очень быстро превращаешься в какое-то каменное изваяние, сложно становится реагировать на меняющиеся реалии. Общение необходимо, чтобы обратить внимание на то, что раньше не замечал, увидеть что-то странное, что-то красивое, что-то необычное в том, мимо чего проходил сто раз и даже голову не поворачивал. Вообще знания, умения – такие ценные вещи, за которые надо бороться, к чему надо стремиться постоянно. Развитие, развитие, развитие – это главное.

Организаторы фестивалей каждый раз стараются пригласить выдающихся людей, тех, у кого стоит поучиться. В октябре 2011 года завершился фестиваль «Человек и природа» в Иркутске. Там проводилась специальная киношкола, на которой выступали известные мастера, наши российские кинематографисты. С удовольствием сидел, слушал рассказы и смотрел. Лекторы, назовем их даже учителями, привезли с собой массу интересного, показывали свои работы иркутской молодежи, студентам, участникам фестиваля. Все прошло с большим успехом. Очень полезно…

Фильмы свои распространяем везде, где только можно, всем, кому интересно: по школам, по экологическим организациям, по запросам. Человек может написать, позвонить, сказать, что хотел бы иметь такой-то фильм. Обращаются люди, которые, например, хотят где-то прокрутить наш клип. Пожалуйста! Главный распространитель, вероятно, наш видеоканал на YouTube. Там всё, что сделано на сегодняшний день – около 500 различных видеоматериалов:

репортажи, зарисовки, клипы, фильмы. Если кто-то не может скачать материал с YouTube, то мы предоставим диск. Наши клипы показывают на мониторах в электропоездах, идущих в аэропорты столицы. В крупных торговых центрах, магазинах. Демонстрировали на уличных экранах Москвы.

Время от времени для наших сторонников, для тех, кто хочет познакомиться подробнее с той или иной проблемой, с той или иной темой, мы по вечерам проводим прямые трансляции из офиса через Интернет. И люди после работы, сидя дома за чашкой чая, смотрят, общаются в онлайновом виртуальном пространстве.

Вторая моя специальность, которая помогает в работе, – экологическая география. Закончил я также киношколу для экологов. Но главное образование все-таки получаешь с годами. Это и опыт, и общение, из которого черпаешь немало полезного. Один из главных ключей к успеху – самообразование. Сколько и как бы ты ни учился в вузе, всего не выучишь, и потому продолжаешь учиться всю свою жизнь.

Имея образование журналистское, кинематографическое, в какой-то степени литературное, становишься и менеджером, потому что много времени и сил уходит на организацию дела. Тот, кто хоть раз самостоятельно вел какой-то проект, поймет меня.

Меня как-то спросили, как я оцениваю вклад своих товарищей. Он неоценим. Огромная благодарность, низкий поклон, всем, кто участвует в нашей нелегкой работе. Деятельность экологов – одна из важнейших, одна из благороднейших на планете наряду с такими почитаемыми профессиями, как воспитание детей и врачевание.

Именно экологи, защитники природы, испытывают огромный дефицит благодарности, большой дефицит внимания. Незаслуженно! Поэтому, пользуясь представившейся возможностью, хотел бы сказать всем своим

Создание питомника в Донской школе-интернате. Тульская область. Апрель 2003 года. Фото Гринпис России

коллегам, знакомым и незнакомым – огромное вам спасибо! Вы просто молодцы! Вы лучшие люди на этой планете! Главное – не опускать руки, не успокаиваться. Бывает, охватывает отчаяние, но наступает новый день, и снова берешься за дело. Движет энтузиазм, оптимизм, а иначе вообще ничего не получится.

Иногда люди говорят: «Вам что, больше всех надо? Зачем вы вмешиваетесь? Зачем вам это нужно? Живите спокойно. Жить надо для себя!»

Жить для себя – это чересчур просто, чересчур скучно. Это неправильно. Совсем неправильно. Нередко приходит мысль… может быть, это звучит громко, но она приходит – никуда не денешься: если не я, то кто?

Может быть, я или кто-то из моих коллег хотели бы поехать на дачу, посидеть там год-другой у прудика, грибы, ягоды собирать, огурцы выращивать, цветочки. Но каждый, кто остается на переднем крае, периодически задает себе вопрос: если я уйду, кто заменит меня? Это не тот случай, когда «отряд не заметит потерю бойца». В отличие от конца 80-х – начала 90-х, когда экологическое движение получило большое распространение и зеленая идеология захватила многих, сейчас нас слишком мало. Любой на счету. Образуется огромная брешь от ухода даже одного человека.

Записала Ирина Курьянова

Ангел моря

Памяти Жака-Ива Кусто

Сергей Куратов,
Экологическое общество
«Зеленое спасение»,
г.Алматы, Казахстан.

«Я есть море, и море во мне».
Жак-Ив Кусто

Начало весеннего дня не предвещало ничего неординарного. Тем неожиданнее было известие, переданное всеми радиостанциями мира, потрясшее миллионы людей в нашей стране и за рубежом: «Впервые в истории человечества в космос запущен корабль с человеком на борту!» Так наступило утро космической эры, с которой земляне связывают столько надежд.

Первые главы истории космической эпохи пишутся яркими красками: многоместные пилотируемые корабли, выход человека в открытый космос, полет на Луну, орбитальные станции, рейсы «Спейс Шаттла». Все дальше и дальше улетают космические аппараты – Венера, Марс, Сатурн. Люди стремятся вырваться за пределы нашей планеты, как оперившиеся птенцы пытаются выпорхнуть из материнского гнезда.

Но спустя несколько десятилетий после первого полета человека в космос земляне вынуждены признать парадоксальную истину – большая часть нашей маленькой планеты, ее моря и океаны изучены меньше, чем космическое пространство.

Этот огромный фантастический мир давно притягивал внимание человека, но лишь его поверхность была доступна людям, и только некоторым смельчакам удавалось заглянуть в неведомые глубины. Может быть, именно поэтому изучение океанов шло без лишнего шума, без победных реляций и сенсационных репортажей. Мир без солнца, мир безмолвия ждал своих пионеров, не менее дерзких и пытливых, чем пионеры космоса. Одним из них стал Жак-Ив Кусто[1].

Жак-Ив Кусто – французский океанограф, изобретатель, автор множества книг и кинолент – раз и навсегда был очарован подводным миром. «Однажды воскресным утром 1936 года – это было в Ле Мурильоне, близ Тулона, – я

[1] Жак-Ив Кусто (Jacques-Yves Cousteau) – родился 11 июня 1910 года в городе Сен-Андре-де-Кюбзак, Франция, умер 25 июня 1997 года в Париже.

окунулся в воды Средиземного моря, надев очки Фернеза. Я служил тогда на флоте рядовым артиллеристом, был неплохим пловцом и преследовал одну цель – отработать свой кроль. В тот момент я думал о море лишь как о соленой среде, разъедающей мне глаза. И вдруг мне открылось поразительное зрелище: подводные скалы, покрытые зарослями зеленых, бурых, серебристых водорослей, среди которых плавали в кристально чистой воде неизвестные мне дотоле рыбы. Вынырнув на поверхность за воздухом, я увидел автомашины, людей, уличные фонари. Затем снова погрузил лицо в воду, и цивилизованный мир разом исчез; внизу были джунгли, недоступные взору тех, кто движется над водой. Бывает, на вашу долю выпадает счастливое сознание того, что жизнь разом изменилась; вы прощаетесь со старым и приветствуете новое, бросаясь очертя голову навстречу неизведанному. Так случилось со мной в тот летний день в Ле Мурильоне, когда у меня открылись глаза на чудеса моря»[2].

Любительские погружения с маской предопредели дальнейшую судьбу и профессиональную деятельность Кусто. Стремление увидеть больше и познать таинственные глубины привело к изобретению в 1943 году совместно с Эмилем Ганьяном акваланга и созданию водонепроницаемой кинокамеры собственной конструкции. С этого момента Кусто стал не только исследователем морских глубин, но и их кинолетописцем.

С 1942 по 1956 год Кусто снимает двадцать документальных фильмов[3]. В 1950 году, получив кредит от Томаса Лоэла Гиннесса, Кусто приобретает бывший минный тральщик, после войны переоборудованный в паром и переименованный в «Калипсо»[4]. Зимой 1951 года корабль был оснащен для океанографических исследований и начал собственную одиссею.

В Индийском океане и Средиземном море Кусто вместе с Луи Малем[5] снимает фильм «В мире безмолвия», который в 1956 году получает «Оскара» – приз Американской академии кинематографических искусств и наук[6] – и Пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля[7]. В 1964 году новый фильм – «Мир без солнца», и снова премия «Оскар»!

На «Калипсо» проводят испытания оборудования для подводного телевидения, кинокамер для подводных съемок, фотоаппаратуры. С 1968 Кусто начинает снимать телесериалы, по одному или несколько фильмов в год.

В середине 70-х его работы увидел советский зритель. В одной из лент, демонстрировавшихся по Центральному телевидению, рассказывалось о необычном эксперименте в Красном море. Группа смельчаков-аквалангистов создала подводный городок на дне лагуны и проводила длительные научные исследования. Съемки подводного поселения выглядели словно кадры

---

[2] Ж.-И. Кусто. В мире безмолвия; http://lib.ru/NATUR/KUSTO/mir_bezmolwiq.txt.

[3] The Cousteau Society, http://www.cousteau.org/media/movies. Полную фильмографию Ж.-И.Кусто смотрите: http://www.cousteau.org/media/movies.

[4] Ж.-И. Кусто. Интервью журналу «Курьер ЮНЕСКО». – Январь 1992, с.9.

[5] Луи Маль (1932-1995) – известный французский кинорежиссер, оператор, продюсер, сценарист.

[6] The Academy of Motion Picture Arts and Sciences; http://awardsdatabase.oscars.org/ampas_awards/DisplayMain.jsp?curTime=1357406253744.

[7] Festival de Cannes; http://www.festival-cannes.fr/en/archives/artist/id/17584.html.

фантастического фильма. Акванавты открывали новую планету, настоящий космос, и это покорение оказалось не менее сложной, опасной и почетной задачей.

В 1980-х и 90-х годах состоялась новая встреча с героями ранних фильмов, и благодаря сериалам «Подводная одиссея команды Кусто» (1977-1982), «Повторное открытие мира - 1» (1986-1990), «Повторное открытие мира - 2» (1992-1994), мы узнали о новых исследованиях и приключениях Кусто.

Сравнивая эти ленты, видишь, какой огромный путь прошел автор, как менялось с годами его мировоззрение, взгляд на взаимодействие общества и природы. На новом витке истории по-новому оцениваешь события прошедших десятилетий. И тем более отрадно, что старые кадры не только не потеряли притягательной силы, но, превратившись в своеобразный памятник времени, портрет эпохи, не утратили актуальности. Чем же покоряли фильмы тогда, в середине семидесятых, и чем привлекают сейчас?

Первые фильмы Кусто проникнуты идеями научно-технической революции, верой в безграничные возможности прогресса, надеждой на освоение неисчерпаемых ресурсов океана! В последних строчках сценария фильма «Мир без солнца» он пишет: «Научное исследование и промышленное освоение глубин будет расширяться с каждым годом и стоить значительно меньше, чем освоение космических просторов. На дне морей будут выращиваться питательные водоросли, добываться полезные ископаемые, ведь сейчас разведывают и добывают нефть в морских глубинах»[8].

Кусто мыслил категориями 60-х годов. Мы, зрители, тоже не были исключением. Многих захватила волна общего энтузиазма. Мы с трепетом следили, как акванавты шаг за шагом проникали в неведомый, чужой, нереальный, враждебный мир, где обитают существа, которые словно вышли из кошмарных снов. Вместе с членами экипажа гордились победами и переживали поражения, разделяли убежденность ученых в необходимости покорения стихии и были уверены, что разум возьмет верх в борьбе с природой! Мы уже предчувствовали будущий триумф человечества, как предчувствуют свое могущество молодые львы, резвящиеся на просторах саванны.

Так возникало чувство покорителя и завоевателя, чувство превосходства, уверенность в бесспорной правоте и в том, что человеку дано право распоряжаться жизнями других существ. Быть может, оно порождено нашей цивилизацией, с избытком оснащенной всевозможной техникой, или идет от Бога, передавшего всех живых существ под владычество человека[9]? Это вопрос, на который вряд ли можно найти ответ. Научно-техническая революция довела чувство превосходства до наивысшего накала. В 1950-е и 60-е годы отношения человечества с природой напоминали поведение подростка, который, начав понимать окружающий мир, испытывать восхищение самим собой, своими способностями и умом, проявляет пренебрежение к окружающим людям, принимает поспешные решения. Человечество было очаровано возможностями, которые открывал научно-технический прогресс.

[8] Ж.-И. Кусто. Мир без солнца. – Л., 1967, с.95.

[9] Библия. Бытие. 1:1; 26.

Не был в этом отношении исключением и Кусто, когда снимал первые фильмы, принесшие ему известность: «В мире безмолвия» и «Мир без солнца». «Калипсо» – судно, оснащенное новейшим оборудованием; миниатюрная подводная лодка «Дениза» – «ныряющее блюдце», парящее в океанской пучине, подобно межпланетному кораблю, под торжественные звуки музыки; светящиеся иллюминаторы подводных домов; десятки кинокамер; подводные скутеры; специальные прожекторы для съемок; сложнейшая звукозаписывающая аппаратура. Вот символы торжества человеческого разума над «коварной и бездушной» природой.

Каждая экспедиция, каждый новый проект 50-х годов сопровождался, по воспоминаниям Жан-Мишеля Кусто (сына Кусто), новыми и новыми изобретениями. Они многое делали впервые, они были первопроходцами. Кусто, сын века техники, изумлял зрителей полетом технической мысли, который разворачивался на фоне завораживающего спектакля подводной жизни.

Первые кадры фильма «В мире безмолвия» сняты очень выразительно и образно. Аквалангисты, погружаются в неведомую бездну с зажженными факелами в руках, а в финале звучит уверенность в будущих победах: «Мы затронули только поверхность моря. Настанет день, и мы проникнем в глубины». В фильме «Мир без солнца» мечты о покорении океана начинают приобретать реальные очертания, и кажется, что уже ничто не остановит человечество на этом пути. Подводное поселение «Преконтинент-2» представлялось прообразом многочисленных лабораторий будущего, которые позволят начать освоение мира без солнца.

Режиссер фильма Жак-Ив Кусто стремился показать важность и в то же время обыденность момента. Простые парни с крепкими мышцами, короткими стрижками, парни, которым не чужды маленькие житейские слабости, чувство юмора, делают тяжелую работу, достойную настоящих мужчин. В их руках современнейшая техника и новейшие научные приборы. Им некогда скучать, они постоянно заняты делом, скупы на слова, а в редкие минуты отдыха беседуют о том, что видели, наблюдали, открыли.

Впередсмотрящий «Калипсо» замечает группу китов-кашалотов. Редкая удача. Можно приблизиться к ним, провести научные наблюдения. Начинается погоня. Киты всё ближе, ближе, и вот они совсем уже рядом. Удар! «Калипсо» на полном ходу случайно врезается в кашалота. Команда наблюдает за раненым гигантом. Киты не бросают товарища, окружают, плывут с ним рядом, поддерживают его. На судне все восхищены солидарностью китов и, увлеченные, не замечают как китенок, пытаясь уйти от назойливых преследователей, делает неловкое движение... и гребной винт «Калипсо» разрубает ему спину. Бедное животное борется за жизнь, но рана слишком серьезна, кит не в силах плыть за товарищами, истекает кровью, и люди, только что причинившие ему боль, решают прервать его мучения. Выстрел из винтовки… Жаль кита. Но трагедия на этом не заканчивается.

Кровь животного привлекает акул, они начинают разрывать на куски еще теплую тушу. Члены команды не могут без содрогания смотреть на хищников, в них просыпается первобытный ужас и ненависть моряков всех

поколений к акулам. Начинается их избиение. Оператор Пьер Гупиль долго и тщательно показывает детали, и лишь скупые авторские комментарии дополняют происходящее на экране. Раньше в эпизоде, длящемся более десяти минут, многие – оператор, члены команды «Калипсо» да и зрители – видели справедливый акт возмездия свирепым хищникам, морским убийцам. Теперь, когда смотришь эти кровавые кадры из фильма «В мире безмолвия», с трудом верится, что они сняты Кусто. Спустя несколько лет он напишет: «Акулы – неотъемлемая часть подводной среды. Они относятся к самым совершенным и самым красивым творениям природы»[10].

Это конфликт, порожденный идеей превосходства человека над природой, пренебрежением к ее особенной, непонятной для нас жизни. Даже Кусто, с первых шагов в подводный мир проповедовавший лозунг «познай, люби, защищай»[11], не мог быть полностью свободен от стереотипов мышления своего времени. Завоевание началось![12]

Тем более знаменательным является то, что, узнавая все больше и больше о жизни океана, Кусто одним из первых осознал ущербность потребительского отношения к природе и одним из первых поднял голос в ее защиту. Жан-Мишель вспоминает, что, анализируя экологические последствия деятельности человека, отец существенно изменил свои взгляды. Он стал не только неутомимым исследователем океанов, но и их защитником.

Кусто всегда притягивало небо, и если бы не автомобильная авария и травма, полученная незадолго до окончания летного училища, он стал бы летчиком морской авиации. Океан неожиданно предоставил ему новую возможность. «Под водой человек может летать, как ангел», – сказал как-то Кусто. В своих фильмах он по-прежнему парит с аквалангом в океанских пучинах, подобно их ангелу-хранителю.

Если фильмы 50-х и начала 60-х годов показывают мир глазами исследователя, покорителя глубин, то в конце 60-х все отчетливее ощущается чувство тревоги за будущее океанов, приходит осознание необходимости действовать. В 70-е, 80-е и 90-е годы – призыв Кусто звучит на весь мир, его деятельность вызывает восхищение и удивление. В 1973 году он создает «Общество Кусто» с целью защиты и улучшения качества окружающей среды для живущих и будущих поколений[13]. Теперь это голос философа, устремляющего взор в грядущие столетия и призывающего землян к действию во имя спасения жизни на планете!

Долгие годы путешествий, исследований, наблюдений и размышлений позволили Кусто собрать обширный научный материал о разрушительной деятельности людей. Кусто стал совестью нашего времени, взвалив на себя

---

[10] Ж.-И. Кусто, Ф.Кусто. Чтобы не было в море тайн. В кн.: Могучий властелин морей. – М., 1997, с.195. В книге описывается поедание акулами туши китенка, но об избиении акул не упоминается – см. с.31-34.

[11] Ж.-И. Кусто. Интервью…, с.10.

[12] В 2004 году «Общество Кусто» организовало экспедицию на место съемок фильмов «В мире безмолвия» и «Мир без солнца». Они исследовали экологические последствия «нашествия» туристов на берега Красного моря. Merriam C.L. Silent World Revisited. Calypso Log. March 2004.

[13] The Cousteau Society, http://www.cousteau.org/about-us/what-we-do.

тяжелую ношу грехов человеческих перед природой. Он увидел обратную сторону прогресса – обезображенное лицо планеты, то, что многие до сих пор предпочитают не видеть.

Экономический послевоенный бум обернулся неожиданной стороной. Массовое потребление требует постоянного увеличения производства. Добыча полезных ископаемых, вырубка лесов, изготовление множества нужных и ненужных товаров, миллионы тонн отходов порождают невиданные прежде разрушение, загрязнение и истощение окружающей среды. Природа, тысячи лет перерабатывавшая продукты жизнедеятельности человечества, перестала справляться.

По мнению Кусто, «одной из самых больших опасностей, угрожающих Земле, является перенаселенность. Возможно, удастся прокормить 10-12 миллиардов человек, но это, пожалуй, все, что мы сумеем сделать». Теперь уже Кусто скептически оценивает возможности прокормить человечество за счет ресурсов океана. В интервью, данном в 1991 году корреспонденту «Курьера ЮНЕСКО», он говорит, что рассчитывать на обильные ресурсы моря – «…смехотворное представление. Ресурсы моря сокращаются. Рыболовство и так уже ведется слишком интенсивно... Я помню, в начале моей деятельности 10% потребляемого протеина давало море. Сегодня, в связи с ростом населения, этот показатель составляет примерно 4-5%. А завтра, когда людей станет в два раза больше, он упадет до 2%»[14].

В начале 70-х Кусто и его сын Филипп начинают съемки фильмов, посвященных глобальным экологическим проблемам. Увлеченный подвижнической деятельностью отца, Филипп с малых лет жил, а потом и работал на «Калипсо», ставшем для семьи Кусто настоящим домом. «В наш век рациональности, научности и окупаемости мы отплывали без какой-либо конкретной цели, без драконовских ограничений во времени, не обязанные

Кадр из фильма «Науру: остров или планета?»

[14] Ж.-И. Кусто. Интервью…, с.12.

ни перед кем отчитываться. Плыви, куда тебя поманит. Наша единственная задача, единственное дело – смотреть и видеть»[15]. Филипп планирует сериал «Оазис в космосе», но в 1979 году нелепая случайность обрывает его жизнь.

После смерти сына Кусто хотел отойти от дел. Но жизнь продолжается, и в 1985 году (ему уже 75 лет!) он начинает новый проект. Строит судно, приводимое в движение силой ветра, называет его «Альсиона»[16]. Он решает начать новую кругосветную экспедицию, в задачи которой входит изучение экологического состояния рек, озер, морей и океанов; ради сохранения всех форм жизни на Земле. Команда Кусто должна заново открыть мир, именно эта мысль превратилась в подзаголовок телевизионного сериала – «Повторное открытие мира - 1».

Маршруты «Калипсо» и «Альсионы» пролегали через горячие экологические точки планеты. Атолл Мururоа – французский ядерный полигон; хищнически истребляемые леса Амазонии; Науру – некогда крошечный цветущий тропический остров, превращенный в пустыню; Аляска, залив Принца Уильяма, где «черный прилив», вызванный аварией танкера «Эксон Валдиз», погубил тысячи животных и птиц; атолл Трук, где находится одно из самых крупных скоплений кораблей, погибших во время второй мировой войны, и многие другие районы мира, где происходили менее приметные ежедневные трагедии.

Главным героем фильмов становится жизнь во всех ее проявлениях. И не имеет значения – чья жизнь. Человек присвоил себе право разделять живой мир по принципу полезности или бесполезности. Природа не имеет таких критериев. Она связывает всех воедино, и каждый организм имеет свое место и значение в цепочке жизни. «Избавиться от вирусов – превосходная идея, – говорит Кусто. – Однако она влечет за собой огромные проблемы. Высокая смертность от эпидемий помогала природе компенсировать высокую рождаемость. … Как покончить со страданиями и болезнями? Это благородное стремление… Попытки осуществить его могут поставить под угрозу будущее нашего вида»[17], т.е. человека. Весь сериал проникнут благоговением перед жизнью, идеей миролюбия, проповедником которой выступал философ Альберт Швейцер.

В новой серии фильмов пропал страх перед неведомыми существами «мира без солнца». Ощущается истинное восхищение разнообразием форм жизни и неустанной фантазией природы. Исчезло навязывание природе человеческих моральных принципов справедливости. Охотясь на рыб, морские львы не убивают их сразу, а лишают подвижности, создавая запас пищи, и съедают по мере надобности. Авторы сериала приходят к мысли о том, что природа не знает таких понятий, как жестокость, милосердие, лицемерие: здесь отсутствуют понятия добра и зла. Но мы не имеем права осуждать природу!

Проблема человека и его роли на планете всегда занимала важное место в фильмах Кусто. Но авторская позиция предстает в измененном виде. В отличие

[15] Ж.-И. Кусто, Ф.Кусто. Чтобы не было в море тайн, с.15.

[16] The Cousteau Society, http://www.cousteau.org/technology/turbosail. «Альсиона» – Алкиона – в греческой мифологии дочь бога ветров Эола.

[17] Ж.-И. Кусто. Интервью…, с.13.

от ранних картин человек рассматривается не как венец творения, а скорее как первый среди равных. Кусто рассуждает о месте человека в сложной цепочке жизни и порой сомневается в «правоте» и «мудрости» цивилизованного общества.

В своих путешествиях он стал чаще посещать страны, где еще обитают народы, сохранившие уклад жизни традиционного общества. Побывав на Андаманских островах и увидев рациональную систему лесного хозяйства, Кусто и члены его команды были искренне удивлены. Тракторы на лесоразработках были заменены слонами, вырубка деревьев значительно сокращена и велась выборочно, на месте срубленных высаживали деревья той же породы. «Самое большое счастье Андаманских островов в простоте»[18], – такими словами заканчивается фильм.

Мудрость этих людей привлекает Кусто и побуждает предпринять ряд экспедиций в отдаленные уголки Новой Гвинеи, Австралии, бассейна реки Амазонки, Индонезии. Традиционные общества накопили бесценный опыт общения с природой, которого так часто не хватает человеку цивилизованного мира. Рыбаки Мальдивских островов при ловле рыбы руководствуются простым принципом: «Надо ловить рыбы столько, сколько необходимо твоей деревне, тогда рыбы будет всегда достаточно». Кусто иронизирует: «Как же сейчас выросли деревни!»[19] «Один американец истощает ресурсы нашей планеты в большей степени, чем двадцать жителей Бангладеш. Большой вред наносит бессмысленное потребление, на которое ориентировано наше общество. Это порочный круг, сравнимый только с раковой опухолью»[20].

Благоговение перед жизнью преображает несколько холодноватую документальную манеру, характерную для фильмов первых лет. Все чаще и чаще показ исследовательской работы акванавтов перемежается с прелестными сценками из жизни моря. Вот рачок деловито расчищает вход в свое убежище; вот камера с любовью наблюдает жизнь в коралловом лесу. А чего стоит вальс, исполняемый каменным окунем – меру, по прозвищу Жожо![21]

Последние фильмы Кусто наполнены живописными картинами морской жизни. Члены команды решают провести ночное погружение[21]. Теперь оно не пугает аквалангистов, а, наоборот, манит необычностью красок и форм, динамикой живой материи моря. Надеты акваланги, подготовлены камеры, опущены световые приборы, аквалангисты погружаются и видят фантастическую картину, которая удивляет даже их, подводных старожилов! Тысячи, миллионы анчоусов, маленьких рыбок, плотной массой окружают пловцов. Свет ламп меркнет в этом живом водовороте. Рыбы молниеносно перемещаются в его лучах, то пульсируя, то сжимаясь, то создавая невообразимые движущиеся фигуры. Оператор, почувствовав привлекательность происходящего, снимает не нуждающуюся в комментариях игру природы! Неземная красота земной жизни! Вглядываясь в эти кадры, задаешься вопросом – что это? Живопись, кино, кинематическое искусство или нечто совершенно новое, возникающее благодаря взаимопониманию природы и человека?!

[18] Фильм «Андаманы – невидимые острова». 1990.
[19] Там же.
[20] Ж.-И. Кусто. Интервью…, с.13.
[21] Фильм «Индонезия II. Суматра. Сердце моря». 1992.

Отдельные фильмы сериалов порой отличаются отсутствием цельного сюжета. Объясняется этот «недостаток», скорее всего, тем, что некоторые из них превратились в фильмы-эссе, фильмы-рассуждения, где сюжетная канва утрачивает ведущее значение и на первое место выступают авторские размышления. «Андаманы – невидимые острова», «Путешествие на край света», «Мадагаскар: душа острова», «Живое море», «Сердце моря» – названия фильмов говорят сами за себя. Комментарий, исполненный глубокого философского смысла, открывает нам Кусто-мыслителя, интеллектуала, мудреца.

Одной из самых впечатляющих лент последних лет деятельности Кусто является фильм «Науру: остров или планета?»[22], где он размышляет о будущем планеты Земля. Некогда цветущий тропический остров на свою беду оказался богат фосфатами, которые используются в качестве удобрения. Их добычу начали колонизаторы, после ухода которых появилась надежда на процветание, так как доходы стали поступать в государственную казну. Но разработки привели к уничтожению лесов и опустыниванию. Началась трагедия маленького острова и его народа. Теперь плодородной земли не хватает даже для обеспечения жителей продовольствием. Основные продукты питания привозят из других стран. Необычный для жителей рацион привел к массовым заболеваниям сахарным диабетом и ожирением. Европейская цивилизация, а точнее ее пена, принесла разрушение национальной культуры и религии. Безделье стало уделом большинства, а миграция – счастливым уделом богатых. Загрязнение моря превратило его в бесплодную пустыню. «Мусор кругом, – комментирует автор происходящее на экране. – Кажется, что он размножается!» Последние кадры демонстрируются под звуки реквиема.

К сожалению, опасения Кусто оказались пророческими. В 1980-х годах добыча достигла своего пика, а затем залежи фосфатов истощились, и она резко упала. В это же время цены на фосфаты пошли вниз. Все это привело к падению государственных доходов. Правительство, чтобы покрыть нехватку средств, стало прибегать к иностранным займам, и к 2000 году страна превратилась в должника[23]. Будут ли люди настолько разумны, чтобы остановить безумие на Науру и в других странах, или судьба острова – это сценарий недалекого будущего, ожидающего нашу планету? Ответа на этот вопрос мы не знаем и сегодня[24].

---

[22] Фильм «Науру: остров или планета?», другое название – «Науру: каменная планета». 1992.

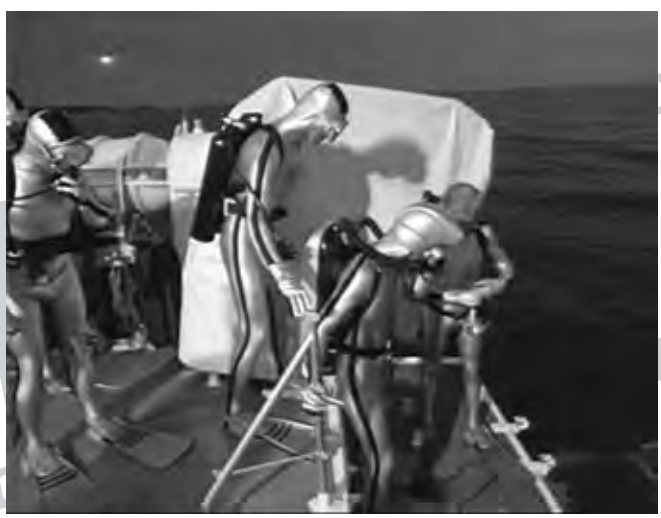
[23] Paradise well and truly lost. Greed, phosphate and gross incompetence in a tropical setting: the history of Nauru really is stranger than fiction: http://www.economist.com/node/884045?story_id=884045.

[24] Тарик Чекчак (Tarik Chekchak) директор по науке и окружающей среде Общества Кусто и Команды Кусто: «После конференции в Копенгагене встречи, посвященные экологическим вопросам, идут одна за другой. Но у нас появляется неприятное ощущение, что мы являемся свидетелями серии экологических «мюнхенских сговоров». В 1938 году в Мюнхене нацистская угроза и антигуманистические грязные притязания оказались недостаточными, чтобы мобилизовать мир для отпора пагубной логике. Это привело к миллионам смертей в годы второй мировой войны. Сравнение вызывающее, однако изменение климата, разрушение важнейших мировых экосистем, разграбление и подкисление океанов, множество экологических заболеваний уверенно ведут человечество к временам хаоса, если мы не поменяем нашу траекторию достаточно быстро». Position Cousteau - Rio +20. http://www.cousteau.org/news/rio-cousteau-declaration. Команда Кусто (Equipe Cousteau) – дочерняя организация Общества Кусто, созданная в 1982 году во Франции.

В 1992 году в Рио-де-Жанейро, заканчивая свое выступление на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Кусто сказал: «Я желаю, чтобы здесь, на конференции в Рио, главы государств и их делегаций ясно осознали крайнюю необходимость радикальных нешаблонных решений. Вы имеете исключительную возможность изменить курс развития мира, но только если будете решать проблемы радикальным методом. Люди Земли с волнением ожидают появления нового маяка. Это наша обязанность, мы держим в руках будущее новых поколений»[25].

Опросы общественного мнения показали, что Кусто – популярнейший человек Франции. Он сеял идеи мира, добра, равноправного партнерства природы и человека. Поэтому стал широко известен и в других странах. Его усилия не пропали даром, семена надежды дали всходы.

Как-то командор Кусто увидел с вертолета крошечный островок в форме сердца. Море открыло сердце человеку, посвятившему ему лучшие годы своей долгой жизни. Кусто понял душу моря, и море поверило ему. «Я осуществил величайшую мечту нашего времени, – писал Кусто в своем дневнике. – Я соединил любовью человека и море. Я, не похожий на море. Я обниму его и сольюсь с ним! Я есть море, и море во мне».



Кадр из фильма «Науру: остров или планета?»

[25] Position Cousteau - Rio +20: http://www.cousteau.org/news/rio-cousteau-declaration.

В некоммерческом кино – всё живое

Светлана Иванова,
музыковед, композитор,
г.Алматы, Казахстан.

Надежда Беркова. Светлана, у Вас два образования – композитор и музыковед.

Светлана Иванова. По сути, эти специальности дополняют друг друга. Я бы даже сказала, нет такого композитора, который не был бы музыковедом.

Н.Б. Какая музыка в детстве произвела на Вас сильное впечатление? Что побудило Вас заняться творчеством?

С.И. Если быть до конца откровенной, то у меня остались смутные воспоминания о детстве, особенно о том, что касается учебы. Помню, как лет в пять или шесть что-то подбирала на фортепиано, разглядывая картинки в детском журнале «Мурзилка».

Постоянно импровизировала, вслушивалась в аккорды, пела.

В семь лет меня отдали в музыкальную школу. По правде, и на занятиях я не упускала возможности импровизировать.

В шесть-семь лет я, конечно, еще не понимала, кто такой Вивальди и почему музыку Баха и Моцарта считают красивой. Уроки музыкальной литературы казались на редкость скучными, а музыка – непонятной. Дома с бо'льшим удовольствием слушала вместе с папой пластинки Каунта Бейси, Гленна Миллера, Дюка Эллингтона и училась у него отстукивать румбу. Импровизируя в детстве, уходила в себя. Уже тогда мне было понятно, что на этом языке можно открыто говорить обо всем, что на душе, и быть при этом в «плаще-невидимке». На языке музыки можно передать все оттенки тонкого мира.

Глинка сказал: «Музыка – душа моя!» Я чувствую то же самое. Наверное, музыку можно сравнить с водой. Какое место занимает вода в жизни на планете Земля, такое место занимает музыка в моей жизни.

Н.Б. Нам довелось побывать на защите Вашей дипломной работы – симфонической картины «Музыка для оркестра». Эта музыка вызывала в воображении картины раздольных степных просторов, колыханья ковыля под порывами ветра, буйства горных потоков. По-видимому, есть какая-то закономерность в том, что Вы откликнулись на предложение

экологической организации писать музыку к фильмам, видеосюжетам, посвященным природе? Наверно, Ваше согласие связано с определенными мировоззренческими установками?

С.И. Для того чтобы полнее ответить на этот вопрос, я немного отклонюсь от темы и попробую поразмышлять, – что и откуда происходит.

«…Ягоды бересклета рдели в серебряном блестящем кувшине, четко вырисовываясь в солнечных лучах. Казалось, они торжествуют – что ж, кому же еще ликовать как не им, олицетворению того, что погубило – или спасло, быть может? – человеческую жизнь. …При свете звезд, в блеске солнечных лучей, в лунном сиянии, в полях и лесах, на вершинах холмов, на речных берегах; цветы, птицы в полете, лепет ветра, изменчивая игра света и красок – все, что приводит в отчаяние человека, решившего извлечь из них пользу, она (Алисия) брала и обнимала бездумно, бесцельно и была счастлива. Кто осмелится сказать, что лучшее в жизни досталось не ей?...

Да что же такое красота, если не сочетание определенных форм и цветов, придающее вещам дополнительную ценность – повышенную ценность на людском рынке!…

Взяв палитру, он (Скудамор) смешал на ней темно-красный краплак, белила, ультрамарин. Но что это? Кто-то вздохнул у него за спиной. Нет, никого не видно!

«А, черт побери! – подумал он. – Это же несерьезно!...» И он принялся писать в своей знаменитой манере веточку бересклета» (Дж. Голсуорси «Бересклет»).

Два различных взгляда, два типа отношений к окружающей среде, два основных мировоззрения – коммерческое и некоммерческое.

В любой сфере деятельности человека заметно преобладает потребительское отношение к природе, идет неравная борьба этих двух мировоззрений.

Люди все меньше замечают неповторимые мгновения живой природы, начиная с привычных нам «диалогов» представителей городской фауны и «парковой флоры», продолжая галереей «небесной палитры», заканчивая красотой гор и степей. Для многих людей видеть, например, в дереве живое существо стало своего рода атавизмом.

Но человек зависит от природы от сотворения мира и по сей день. Древний человек, обожествляя окружающую среду, ощущал себя частью огромного мира, звеном природной системы. И он знал – нарушение хотя бы одного звена повлечет за собой серьезные последствия, как для всей системы, так и для самого человека. У древних народов существовали различные культы, большинство из которых связано с природой. В наше время племена, населяющие изолированные острова и живущие «параллельной» жизнью с цивилизованным миром, соблюдают так называемый «обряд прощения» за отнятую жизнь в пользу другой жизни. Например, племена Калахари просят прощения у убитого животного или срубленного дерева.

В мире, где господствует потребительское отношение к природе, вырубают леса, истребляют животных, загрязняют реки и моря, хотя «сильные мира сего» знают, какими будут последствия таких действий.

Н.Б. Вы написали музыку к публицистическим сюжетам «Пассажиры забытых полустанков», «Земля не принадлежит человеку», к лирической зарисовке «За окном». Как рождалась эта музыка?

С.И. Знакомство с сотрудниками «Зеленого спасения» состоялось в 2004 году. Этот год можно считать моим поступлением в настоящую школу композиции. Первые опыты: музыка к названным Вами фильмам – скорее ученические. В каждой последующей работе используется приобретенный опыт и решаются новые задачи.

Опираясь на достижения науки и техники, мы можем добиться нужного восприятия того или иного видеоряда, – все зависит от цели. В кино звуковое сопровождение играет особую роль связующего звена между видеорядом и зрителем. Причем отказ от музыкального фона не меняет сути, так как в этом случае могут звучать природные звуки. Именно их древний человек пытался копировать и стилизовать, создавая музыкальные образы.

Давайте рассмотрим два примера взаимодействия музыки и видеоряда и их воздействия на зрителя.

Видеоряд: дерево, свежая листва, играющая на легком майском ветерке; в просветах ветвей виднеется небесная голубизна; игра света и тени. Крупным планом – неповторимые мгновения жизни каждого листочка, насекомых, – словом, дерево дышит, оно живет; оно будто что-то говорит или шепчет, а может, оно танцует…

Музыка: легкая, мелодичная, сопровождаемая ненавязчивым битом.

Эффект восприятия: невольно создается впечатление, что дерево «танцует» под эту музыку. Возможная цель: создать ощущение легкости и приятного созерцания. Другими словами, цель – эстетическое восприятие дерева (подобные образы возникают в зарисовке «За окном»).

Музыка: стилизация восточной этнической музыки с использованием народных звукорядов, отличающихся от мажоро-минорной системы.

Кадр из фильма «За окном»

Импровизация: музыка как живое существо, родственное дереву. Музыка устной традиции, существующая во множестве вариантов, неустойчивая в своих элементах при повторном исполнении, гибко следующая за настроением и движениями дерева.

Эффект восприятия: создается эффект одушевления дерева – оно живет по своим законам, говорит с нами на своем языке. Музыка лишь помогает прочувствовать мир, который так близко и одновременно так далеко.

Цель достигнута: у зрителя возникает трехмерное, глубинное восприятие. Теперь он видит не только красоту дерева. В подсознании, на уровне генетической памяти, он ощущает родство с ним. То есть музыка связывает природу и человека.

Как пример приведу фрагмент из «Земли…» – так звучит наигрыш восточного инструмента – уда.

Думается, музыку к видеоряду можно писать по-разному: сознательно и интуитивно. Область сознательного подхода структурирована и исследуется музыковедами не одно столетие на примерах произведений мировой музыкальной культуры. Композиторы применяют стилизацию природных звуков, сложившиеся штампы, выражают личное отношение к увиденному и пережитому. Чаще всего при сознательном подходе к написанию музыки на автора влияет так называемый «темперамент» и характер визуального образа.

К примеру, вряд ли окажутся уместными басовые, грубые тембры при изображении птиц, цветов, мелких животных.

Совсем по-другому пишется «интуитивная» музыка (не имеет отношения к интуитивной музыке как направлению в музыкальном искусстве XX века).

Интуитивный подход в написании музыки изучается музыковедами и, в большей степени, психологами с использованием специальной сенсорной аппаратуры. Последние исследования ученых посвящены «звучанию» мысли, «звучанию» растений. Хотя мне думается, то, какие импульсы руководят душой человека, известно, пожалуй, только его подсознанию, и однозначных заключений здесь быть не может.

Отвечая на вопрос, адресованный мне, как я пишу музыку, я могу лишь ответить, что специально над этим не задумывалась. Но когда я пытаюсь сочинять музыку, выдумывая ее, у меня ничего не получается. Музыка рождается в душе, и, чтобы это произошло, мне нужно пережить душевное волнение.

Н.Б. Музыка к видеозарисовке «За окном» получилась импрессионистической. Для нее характерны акварельность, нежность, вибрация звуков, которые очень соответствуют дрожанию тополиной листвы, трогательному безмолвному общению горлинок.

С.И. Наверное, музыка в зарисовке «За окном» близка к импрессионизму. Это действительно музыка-впечатление. Я хотела ненавязчиво «озвучить» настроение природы, присущее каждому времени года.

Н.Б. Как писалась музыка и вокализ к фильму «Земля не принадлежит человеку»? Какая задача была поставлена: представить минорное драматическое решение темы в эмоциональном характере музыки?

С.И. Практически все, что звучит в этом фильме, – это один лейтмотив, звучащий в исполнении скрипки и голоса-сопрано. В музыкальном отношении именно эта тема задает эмоциональный тон – это как голос Матери-Земли.

Видеоряд в сочетании с закадровым текстом заставляет переживать душевное волнение и задуматься над происходящим. Возникают мысли о том, что от отдельного человека почти ничего не зависит. Один человек – я, кто-либо из моих близких – не может решительно повлиять на ход событий, независимо от силы его желания что-то изменить. Отсюда и появилась музыкальная тема Земли, ибо, если заговорит Земля, то человечество вынуждено будет ее выслушать.

Н.Б. Влияют ли визуальные образы на ритм музыкального фрагмента?

С.И. Следовать или не следовать монтажному ритму фильма зависит от поставленных задач. Если ставится задача детально усилить звучанием музыки каждый элемент фильма, то следование монтажному ритму обязательно.

Если задача музыки создать общий настрой, то подчинение монтажному ритму зависит от восприятия видеоряда композитором.

Каких-то четких правил, я думаю, не существует.

Н.Б. Вы подробно и увлекательно рассказываете, как возникает аудиовизуальный образ в зависимости от целей, поставленных авторами фильма. Не приводит ли это к ограничению Ваших творческих возможностей, возникновению штампов?

С.И. В массовом искусстве главенствуют понятия «востребовано – не востребовано», «выгодно – не выгодно». И потребитель искусства, и законодатель мод ориентируются на определенный «стандарт». Подобное можно наблюдать в коммерческом кинематографе и популярной музыке. Причем все виды коммерческой деятельности тесно переплетены. Обществу навязывают «модный» образ жизни, определяющий стиль одежды, поведения, музыку, развлечения, напитки, и в конечном итоге конкретное восприятие действительности, в том числе и явлений природы. Люди становятся легко управляемыми, готовы платить последние деньги, чтобы получить очередной продукт коммерческих идеологов. Так действует рынок, и если ты производишь что-либо, не вписывающееся в идеологические рамки, на тебя не обратят внимания массы…

Сфера некоммерческого искусства не менее привлекательна, однако имеет уже не массовый характер, а скорее элитарный.

Я не имею в виду экспериментальные работы модернистов и авангардистов, которые стремятся соригинальничать во что бы то ни стало. Речь не идет и о тех проектах, которые ставят коммерческую цель – выгодно продать. Есть область «живого» искусства – т.е. отражение происходящих событий и явлений в социуме и в природе через призму собственных уникальных душевных переживаний. И я думаю, в некоммерческом искусстве – всё живое. Штампы тоже возникают, но по другим причинам.

Н.Б. Как Вы создаете музыкальные образы природных явлений?

С.И. Мне думается, что зрительное и сенсорное восприятие явления или образа определяют звучание музыкальной темы. Все зависит от чувствительности человека, созерцающего, например, ландшафт, от

того, насколько тонко он чувствует волновые частоты земли. Хотя можно использовать и наработанные штампы.

Н.Б. В каких случаях возникает идея контрапункта, то есть сознательного создания несоответствия музыкальной темы визуальным образам?

С.И. Идея музыкального контрапункта чаще всего продиктована сюжетом самого фильма.

Если фильм ставит эстетическую задачу – показать красоту природы, то контрапункт не нужен. Но в том случае, когда говорится об угрозе исчезновения природных объектов, музыкальный контрапункт усиливает восприятие и переживание зрителя.

Н.Б. Спасибо за беседу. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Литературные страницы

Вожак, или Тень волчицы

Литературный сценарий художественного фильма

Рафаел Айрапетян,

кинодраматург,

г.Москва, Россия.

1. В лесу.

Раннее утро в заснеженном мартовском лесу. Двое охотников шли по глубокому рыхлому снегу в самой чащобе. Оба были бородаты, только у того, что помоложе, борода небольшая, а у того, что постарше, она закрывала грудь.

Старый шел впереди. Внезапно молодой кинулся в сторону большого дерева и наклонился над землей.

– Семеныч! Есть след!

Семеныч подошел, кинул взгляд и отвернулся.

– Старый. Сколько тебя учу, Васька, а все без толку. Неужели не видишь, что снегом припорошен, а сверху уже и ледяная корочка есть?

– Да я думал, может, просто ветром намело, – попытался оправдаться молодой, поспешая за егерем.

– Да и не нужен нам лось. У него сейчас мясо смолой пахнет.

Они продолжали идти по чащобе. День выдался ясный. Солнце ярко блестело в небе. Охотники вышли на небольшую лужайку. Вдруг из-под ног молодого вылетел огромный глухарь и, тяжело взмахивая крыльями, полетел в глубь леса. Молодой сорвал ружье, выстрелил два раза подряд, но промазал, а егерь спокойно прицелился и одним выстрелом снял птицу. Она камнем упала на границе между открытым пространством и лесом на небольшой сугроб, из которого торчали валежины и сухие ветки. Молодой побежал за глухарем и, наступив на основание сугроба, попытался взобраться наверх, но нога его неожиданно провалилась куда-то вглубь. Василий стал ее вытаскивать, но вдруг лицо его исказила боль, и он дико закричал. С трудом выдернув ногу, он упал. Из образовавшейся щели выскочила разъяренная волчица и накинулась на лежащего охотника.

– Стреляй, Семеныч! Стреляй! – кричал молодой, пытаясь схватить волчицу за шерсть, а та вертелась ужом, рвалась к его горлу. Семеныч подбежал к ним и попытался выстрелить. Но в этом клубке было не разобрать – где волчица, а где уже теряющий силы человек. Наконец егерю удалось разрядить ружье в уже грызущую шею Василия волчицу. Та едва слышно заскулила, даже застонала, а затем распласталась над логовом и затихла. Из норы послышалось кряхтенье и слабый разноголосый вой. Семеныч уронил ружье в снег.

У Василия все лицо было залито кровью. На губах пузырилась пена. Он пытался говорить, но лишь хрипел и выталкивал из себя кровавую слюну.

– Молчи! Побереги силы, – сказал Семеныч.

Придерживая одной рукой голову Василия, он вытащил из скинутого рюкзака бинт и вату и попытался наложить повязку на горло, хотя ясно было, что это бесполезно. Вскоре Василий затих, устремив серые глаза в холодное небо. Семеныч стащил шапку, все еще придерживая на коленях его голову, но уже покачиваясь всем телом в слепом отчаянии и безнадежности.

А из черного зева логова мерцали огоньки глаз осиротевших волчат.

2. На кладбище.

Священник, размахивая кадилом, говорил нараспев:

– Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Отец Марии, не старый еще человек лет пятидесяти, вложил горсть земли в руку дочери. Она хотела резко швырнуть ее, но в последний момент что-то остановило Марию, и она нехотя и почти равнодушно бросила землю вниз. Дед дал горсть земли и семилетнему внуку Андрейке, который нерешительно взглянул на мать.

– Ну, бросай, – сказал дед. – Земля ему пухом.

Мальчик растопырил пятерню, и земля осыпалась вниз. Дед аккуратно бросил свой комок в изголовье гроба. Затем пришедшие на похороны – человек тридцать, в основном молодых людей, стали подходить и бросать в могилу смешанную со снегом мерзлую землю. Одновременно с этим двое могильщиков стали засыпать ее, орудуя совковыми лопатами. Потом все пили водку из небольших граненых стаканчиков и пожимали руки Марии, Андрейке и деду.

Отец Марии, обращаясь к собравшимся, сказал:

– А теперь просим к нам, помянуть нашего Васю.

Он нахлобучил шапку на Андрейку, надел свою, тронул за локоть дочь:

– Пошли, дочка.

Мария качнулась, Андрейка схватил ее за руку, и они пошли.

И все потянулись с кладбища, оставив позади черную могилу в окружении грязноватого мартовского снега.

3. Поминки в квартире Марии. Вечер.

Гости уже разошлись. За разоренным столом, на котором еще стояли грязные тарелки, пустые бутылки и блюда с остатками снеди, сидели Мария и дед. Уставший Андрейка спал одетый на диване, сжимая в руках деревянного Буратино. Две пожилые женщины стали убирать тарелки со стола. Мария не вполне трезвым голосом вскрикнула, обращаясь к одной из них:

– Да оставьте вы! Тетя Вера! Я потом сама уберу!

Тетя Вера отмахнулась.

– Сиди уж. Мы все сделаем.

Мария приподнялась было с места, затем махнула рукой. Дед, сидевший подперев голову, приобнял ее и сказал:

– Сиди, Машенька. Еще наработаешься, успеешь.

Маша прижалась головой к отцу.

– Папа… Как же так? Ну как же так, а?

– Ну что тут скажешь… Одно – твоя-то жизнь не кончилась. А она еще вон какая у тебя будет.

– Какая? Какая теперь жизнь?

– Ну что ты, что ты! Рано себя хоронить. Да и мужик вон у тебя растет.

Он мотнул головой в сторону дивана. Маша отстранилась, смахнула слезы.

– Да, – сказала она. – Вот и с ним как… В школу готовить надо.

– Да в порядке все будет, вот увидишь. Меня вроде в бригаду берут – дачу строить. Летом обещали.

– Все деньги ушли, – она кивнула на уже полупустой стол. – А там столько всего надо, в школу-то.

– Да ну! А ты помнишь, как в первом классе с букварем спала? Мы с матерью тебя от него отодрать не могли.

Маша вздохнула.

– Слушай, а наверное, мама наша там Васю встретила?

– Где? – непонимающе уставился на нее отец.

– Ну… там…

– А-а, – понял он. – Встретила. Только ты теперь пойми – у них свое, а у нас свое. Жить надо.

Она опять вздохнула и сказала:

– Надо.

4. На кладбище. Майский день.

Дедушка с внуком устанавливают оградку на могиле Василия. Дед прилаживает к деревянной ограде дверку. Андрейка поддерживает ее, чтобы легче было привинчивать скобы. Внезапно он поднимает голову и пристально смотрит на деда.

– Дед, а почему тогда над ним дядя пел?

– Чтобы его Бог простил.

– А разве надо, чтобы Бог простил?

– Ну конечно. Это всем надо.

– А Бог всех прощает?

– Всех.

5. Столовая. Яркое майское утро.

На кухне столовой работали двое – Мария, которая переворачивала котлеты на большой сковороде, и тетя Вера, грузная пожилая женщина. Она что-то помешивала в большой кастрюле. У стены стоял небольшой стол, а за ним сидел Андрейка и ел жареную картошку.

– Здравствуйте, красавицы! – на кухню вошла молодая ухоженная женщина в светлом плаще, чуть постарше Марии.

– Тетя Наташа, – закричал Андрейка и с разбегу повис на ней. Маша торопливо отставила в сторону сковородку с котлетами и побежала к сестре. А та уже голосила, обнимая Андрейку:

– Сиротинушка ты мой!

Затем она подалась навстречу сестре, не выпуская Андрейку, уже сжимавшего в руках гостинец – шоколадку.

– Машенька! – теперь уже они рыдали в два голоса.

Немного успокоившись, Маша подвела Наташу к тете Вере.

– Тетя Вера, а это сестра моя, я вам рассказывала. Она уже несколько лет в Москве. Родила недавно. Сына. Поэтому и на похороны тогда не смогла приехать.

Тетя Вера приветливо кивнула.

– Как же! Мне Маша все уши прожужжала – сестра в Москве, сестра в Москве! Очень рады.

Через некоторое время они все сидели за столом в кухне. Пили чай, закусывая вафельным тортом.

– Твой-то хоть детдомовский был – ни отца, ни матери – ты да Андрейка и все. А у моего родни навалом. Только как узнал про ребенка – так и поминай, как звали.

– Ну, совсем опаршивел народ! Ей богу! – возмущенно воскликнула тетя Вера.

– Да. Тяжело мне одной поднимать.

– А ребенок-то с кем остался? – спросила Маша.

– У хозяйки оставила. Я у нее комнату снимаю. Только вечно это продолжаться не может.

– Так, может, лучше тебе сюда переехать? – предложила тетя Вера.

– А чего я здесь не видела? – вдруг ощетинилась Наталья. – Отец вон – здоровый мужик, а без работы сидит, у нее на шее, – она мотнула головой в сторону Маши. – А в Москве хоть какая-никакая, а работа есть.

Она немного помолчала, затем решительно произнесла:

– Собирайся, Машка. Я потому и приехала, чтобы тебя отсюда забрать.

– Как? Прям так – забрать?

– А что? Работу я там тебе подыскала – по профилю, – она махнула в сторону кухонной плиты. – А она ждать не будет.

Андрейка переводил взгляд с матери на тетку и обратно. Он был встревожен и даже приподнялся на коленях, чтобы обратить на себя внимание.

– А как же он? – растерянно спросила Мария. – Мне ж его в школу готовить надо.

– Тем более! А тут на какие такие деньги готовить будешь, а? Там им знаешь сколько всего надо? И обувь, и одежду, и сумку, и принадлежности разные! А так ему же лучше будет. Денег будешь им с дедом высылать.

– А отца вроде в бригаду берут… Он же не согласится.

– Да согласится, куда он денется. Много он в той бригаде наработает. А так – и тебе поможет и внуку. Ладно. Отца я на себя беру.

И, понизив голос:

– Да там, если хочешь, и замуж выйти можно. Мужиков – море.

– Это она дело говорит, – внезапно поддержала Наталью тетя Вера. – Не век же тебе без мужика вековать.

– Да ну что вы, при мальце, – застеснялась Мария.

– А что малец? Малец вон взрослый уже. Ну что, Андрейка, сможешь прожить с толком?

– А как это – с толком?

– Как? Самостоятельно!

Андрейка поднял на мать глаза, затем прижался к ней потеснее и вздохнул:

– Смогу.

6. Отъезд. Квартира Марии.

Ранним утром Мария сидела за столом с отцом. Они пили чай.

– Ты, отец, не беспокойся, я, как на работу устроюсь, так и денег вам начну высылать. Вы пока перекантуйтесь тут на картошке.

– Ну что ж, может быть, так правильнее. Не знаю. Все равно бригада и без меня распалась. Только без работы тошно. Может, и мне в Москве работу подыщете? Ты скажи Наталье, а то она все нос воротит, мол, только тебя в этой Москве и не хватало. А что – в Москве плотники не нужны, что ли?

– Пап, ну ты же знаешь, что пока ты с Андрейкой здесь будешь. Что ж зря сейчас болтать?

Он помолчал, долил себе чаю и, размешивая сахар, сказал:

– Значит, мое дело стариковское – внуков нянчить, на печи лежать?

– Ну, папа! – остановила его Маша.

Он еще помолчал немного и добавил:

– Ну, в общем, все будет в порядке, не беспокойся. Я ведь все-таки Наталью в этом вопросе поддерживаю. Надо тебе в Москву ехать, пока возможность есть. Так что у тебя здесь опора всегда найдется, не волнуйся.

Мария поцеловала спящего мальчика, затем взяла со стула небольшой чемодан. Отец проводил ее до дверей. Она накинула легкий плащик, обняла отца. Он махнул рукой:

– Ну, с Богом!

Она вышла, затем вдруг из дверей сказала:

– Ой, забыла совсем. Андрейка просил братику игрушку отвезти. Дай его Буратину, а то возвращаться не хочется.

Отец вынес деревянного Буратино.

– Вези. А я ему еще сделаю.

– Ну, все. Счастливо.

– Счастливо, дочка.

Мария ушла. Он сел на стул и замер, упершись одной рукой в обеденный стол. Мальчик, проснувшись, увидел печального деда.

– А где мама?

– Уехала, – махнул рукой дед.

Мальчик быстро оделся, схватил со стола кусок хлеба и бросился вон из дома.

– Я ее догоню.

– Да ты что, она утром рано уехала.

Но мальчика уже и след простыл.

7. На улице. Утро. Крыльцо подъезда.

На улице было холодно. Вначале Андрейка побежал к железнодорожной станции, затем постепенно перешел на шаг, потом повернул обратно к дому. У

дома он присел на ступеньки. К нему подошел знакомый кот, который потерся о его ногу и замурлыкал. Мальчик вытащил краюху хлеба, дал кусочек коту. Тот понюхал, с видимым отвращением дернул лапой и присел рядом. Андрейка принялся жевать, но кот вдруг вздыбил шерсть и негодующе застонал. На тротуаре мирно стоял пес, который заинтересованно смотрел на мальчика, жующего хлеб. Он был похож на шотландскую овчарку, но при вытянутом носе и длинной шерсти был гораздо миниатюрнее своих отдаленных предков. Хотя это был не щенок, а вполне взрослое животное.

Пес сделал несколько шагов и почти ткнулся носом в отвергнутый котом кусочек хлеба, когда тот взвыл еще сильнее и резко замахнулся, готовясь ударить наглеца. Мальчик бесстрашно схватил кота и оттащил его назад. Пес спокойно взял хлеб и отошел в сторонку. Мгновенно расправившись с едой, он приблизился к своему защитнику и положил ему лапу на колени. Андрейка потрепал пса по голове. Тот попытался лизнуть его. Мальчик захохотал и откинулся назад. Оскорбленный и возмущенный кот наблюдал за ними, по-прежнему напружинив тело и подвывая. Мальчуган обнял пса и прижался лбом к его удлиненной морде.

8. Мария в Москве. Лестничная площадка.

Мария позвонила в дверь. За дверью раздалось рычание. Она робко позвонила во второй раз. Опять раздалось рычание. Затем дверь приоткрыла бабушка, которая, глядя в щелку, спросила:

– Вам кого?

– Здравствуйте. Я сестра Наташина.

– А-а, приехали. Ну, заходите.

Она открыла дверь.

9. В квартире.

Мария шагнула внутрь и почти сразу была атакована огромной догиней. Чемоданчик полетел в сторону.

– Джина! Не сметь! На место! – безуспешно кричала бабушка.

Мария от неожиданности взвизгнула, защищаясь, пыталась оттолкнуть огромную морду, оскалившую зубы на уровне ее глаз. Догиня положила лапы ей на плечи и попыталась лизнуть в губы. Мария от страха помертвела и осела на пол. Бабушка оттащила Джину за ошейник и увела в кухню. Затем вернулась в прихожую со стаканом воды, помогла Марии встать.

– Вы уж извините. Она у нас такая добрая, кормилица моя.

– Д-добрая? – заикаясь, произнесла Мария и без сил опустилась на стоящий у двери стул.

– Вот, выпейте. Успокойтесь. Ну как? Полегчало?

– П-полегчало.

– А вы всегда так заикаетесь или только сейчас?

– Всегда. А…а… то есть… сейчас.

– Ну, это пройдет, пройдет. У нас всегда так – как кто войдет, так заикаться начинает. А потом проходит.

– А я… не привыкла.

Бабушка подобрала чемоданчик и сказала:

– Ну все, вставайте. Давайте знакомиться. Я Галина Григорьевна.

– Мария… то есть Маша.

– Ну ладно. Пойдемте, я вам вашу комнатку покажу. И с племянником вашим познакомлю.

10. В комнате у Наташи.

Хозяйка ввела Марию в комнату, где в коляске спал младенец.

– Ваня, Ванюша, – позвала Мария.

– Не буди, – шепнула бабушка.

– На отца моего похож, – тоже шепотом сказала Мария.

В это время раздался звонок в дверь.

– Это Наташа? – рванулась к двери Мария.

– Да нет, не похоже. Она в это время всегда на работе. Я лучше на всякий случай собаку выпущу.

Она вышла, вывела из кухни собаку. Маша наблюдала сквозь приоткрытую дверь. Звонок повторился, на этот раз настойчивее.

11. Прихожая.

Бабушка открыла дверь и ойкнула:

– Ой! Шурка! Откуда ты?

В прихожую вошел мальчик лет двенадцати с авоськой.

– Откуда, откуда… Из лесу, вестимо. Привет, бабка!

– Здравствуй, внучек.

Она обняла внука и поцеловала. Маша отошла от двери.

Все это время Джина вела себя очень странно. Едва вошел мальчик, она

обнюхала его и отошла, не стала к нему ласткться. Мальчик поставил авоську на пол и позвал ее:

– Джина! Ко мне!

Джина глухо заворчала и ушла на кухню.

– Видишь, помнит, как ты в прошлом году ей хвост подпалил.

– Да ну, бабка! Глупый был. Ничего, мы с ней разберемся.

– Не смей ее трогать, понял!

– Да понял я, понял. На, держи, это тебе, – он протянул ей авоську.

– Что это?

– Грибы сушеные, еще с осени остались.

– Вот спасибо! Вот угодил, так угодил! Ну, проходи, проходи в комнату. Наверное, голоден?

– Как волк!

12. В комнате.

– А ты один приехал? А родители где?

– Ну, где им еще быть? В деревне остались. А я на электричку и сюда. На несколько дней. Не возражаешь?

– Да нет. Только родители-то в курсе, я не поняла?

– Ой, да им до меня и дела нет.

– То есть как это – дела нет?

– Бабка, оставь все эти страсти – ах, родители, ах, они не знают, ах, они беспокоятся! Пока они там очухаются, я уже домой вернусь.

Бабушка сникла и села на диван.

– Что, все пьют?

– И не просыхают.

Бабушка закрыла глаза и сказала:

– Капли дай. На старом месте.

Когда он накапал ей лекарство, она выпила его, вздохнула и сказала:

– Ну что ж, оставайся.

13. Комната Наташи.

Мария пеленала младенца, когда в комнату пулей влетела Наташа и захлопнула за собой дверь.

– Ты чего? – удивилась Маша.

– Когда ж это кончится?

– Что?

– Да сука эта опять выскочила… Тварь паршивая! Ой, здравствуй, сестренка!

Они поцеловались.

– Кормила?

– Да. Аппетит у него – будь здоров! – она показала пустую бутылочку.

Наташа взяла на руки ребенка и гордо оглядела свое чадо.

– Ну, как тебе племянник?

– Слушай, а тебе не кажется, что он на папу нашего похож?

– Да ну! На папу! Он в своего отца. Отца-подлеца. Ну, ладно. Рассказывай. Как тебе Москва? Ты ведь давно здесь не была?

– Давно. Слушай, а у вас тут в метро дети маленькие ходят, денег просят. Ведь это ужас какой-то!

– Да, это будет у тебя перед глазами каждый день. Привыкай. Этих детей бездомных здесь как собак нерезаных.

– Вроде как мы у себя там и беднее живем, а такого нет у нас. Просто нет.

– Да что это они тебя так заботят? Да они, если хочешь знать, побольше нашего зарабатывают.

– Разве в заработке дело? Они же брошенные…

– Сказки они рассказывают, а ты и уши развесила.

14. Вечером в комнате у Наташи.

Вечером в комнате Наташи за накрытым столом сидели Галина Григорьевна, Мария, Шурка и Наташа. Наташа разливала по рюмкам водку. Шурка подставил стакан.

– Перебьешься, – сказала Наташа и налила себе. Бабка стукнула его по руке со стаканом.

– Ну, ты чего дерешься? У нас вон все пьют – и ничего. А вам жалко, что ли?

– Мал еще, – сказала Наташа. – На вот, пей.

И она налила ему напиток из бутылки с изображенным на ней Буратино.

Наташа подняла стаканчик с водкой.

– Ну, за твой приезд, сестренка! Чтоб все у тебя здесь сладилось.

– За тебя, Машенька, – чокнулась бабушка и выпила.

Шурка махнул стаканом и опрокинул его прямо в рот. Затем заправски крякнул и занюхал рукавом рубашки.

– В школе-то учишься? – спросила Маша.

– В шестой перешел. Только чего я в этой школе не видал? Учителя все козлы и педики.

Маша поперхнулась огурцом, Наташа в удивлении воззрилась на Шурку, а бабушка влепила ему подзатыльник.

– Кто тебя этому учит? – с гневом спросила она.

Он отвел ее руку.

– А чего меня учить? Я сам все вижу. Думаешь, им до нас дело есть? Им самим жрать нечего. Чего это они ради нас будут жилы рвать?

– Нет, но ведь они же вас учат чему-то, – сказала Маша.

– Учат. Все про наше счастливое детство твердят. Потому что так в книжках написано. А где оно, это счастливое детство? Они же сами во все это не верят.

– Уймись ты, болтун, – осадила его Наташа. – Они, может, хотят, чтобы вы в будущее верили.

– А это-то зачем? Мы в своем будущем и так уверены, – удивился Шурка.

– Дубина ты стоеросовая, – обругала его бабушка.

– Боже мой, у меня же Андрейка в этом году в школу пойдет…

– Да не слушай ты его, – сказала Наташа. – Озлобленный он какой-то. Давайте лучше выпьем. За детей.

И первая подняла стакан.

15. Встреча с собаками. Утро. Перед домом.

На другой день, выбежав из дома, Андрейка сразу заметил сидящую в

ожидании собаку. Но на этот раз она была не одна. Рядом устроилась грязная болонка. Андрейка поздоровался с маленьким колли – тот подал ему лапу. А лапу болонки пришлось тряхнуть самому – она еще не умела здороваться.

– Ну, здравствуй! И ты, здравствуй!

В сопровождении собак отправился он к столовой, в которой работала мать до отъезда.

16. Столовая.

Повариха встретила его радушно:

– Это кто к нам пришел? Как живешь, Андрейка?

– Хорошо живу. С толком.

– Ого! С толком! Хорошее дело! Мать-то уехала?

– Уехала.

– Есть хочешь?

– Да.

– На вот, поешь гарнира. Со вчерашнего дня осталось.

– А у меня теперь друзья есть, – похвастался Андрейка, наворачивая гречку.

– Друзья? Хорошее дело, – продолжая что-то помешивать, сказала она.

В это время женщина, стоявшая на раздаче, обернулась и крикнула:

– Вера! Народ жалуется – говорят, котлеты подгорели.

– И так сожрут, – зычно крикнула тетя Вера и отставила большую кастрюлю на край плиты.

– Тетя Вера, – закончив есть, сказал Андрейка. – А можно, я у вас костей наберу?

– Э-э, брат, больно ты шустрый. Костей… Они, вишь, денег стоят. У меня их по сто рублей за ведро берут. Постой, а тебе-то зачем?

– Это не мне. Это для друзей.

– Ну и друзья у тебя! Это вот эти вот, что ли? – взглянув в окно, спросила она.

– Они.

– Ну, нашел друзей! Ох, и грязные они у тебя! Ну, на вот, ладно, отдай по одной.

И сама захохотала, удивившись своей неожиданной доброте.

– Спасибо, тетя Вера! – радостно закричал Андрейка и даже обнял ее, прямо так, с зажатыми в руках костями.

– Ну, беги, беги. Вишь!

17. Перед столовой.

На улице он отдал кости собакам. Те схватили их и унесли с тротуара, где сновали люди, в подворотню и принялись самозабвенно грызть.

По улице шел мальчик чуть постарше Андрейки с удочкой на плече. В левой руке он нес кукан с нанизанной рыбой. За ним степенно трусил большой ирландский сеттер.

– Э-эй, мальчик, – окликнул его Андрейка. Тот остановился.

– Ну?

– А твоя собака рыбу ест?

– Еще как!

– А ты сам наловил?

– А то кто же?

– А меня научишь?

– А удочка у тебя есть?

– Нет. Удочки нет.

– Ладно. Я свою возьму. Накопаешь червей, а утром здесь встретимся. В пять часов.

– Так рано?

– Да это еще поздно! Смотри, не опоздай – я ждать не буду! Ну, пока. А то меня мама ждет.

– Пока.

Мальчик с собакой отправились дальше, а Андрейка махнул рукой своим:

– Пошли.

Те схватили кости и двинулись за ним. По дороге Андрейка поднял пустую консервную банку.

18. В палисаднике возле дома.

В палисаднике возле своего дома он начал ковырять в земле щепкой.

– Ну! Помогайте! – сказал он собакам.

Маленький колли подошел, начал рыть землю лапами. Болонка тоже подошла, но прилегла рядом, продолжая глодать косточку.

– Вот! – торжествующе вскричал Андрейка, указывая на появившегося в земле жирного червяка. «Землекоп» брезгливо сморщил нос и отвернулся.

19. Первая рыбалка. Квартира. Раннее утро.

Утром следующего дня Андрейка проснулся от трезвона будильника. Было четыре тридцать. Дед поднял голову:

– Ты что не спишь?

– Мне надо, дед.

– Куда ты ни свет ни заря, постреленок?

– Я, дед, на рыбалку иду, – лихорадочно одеваясь, сообщил мальчик.

– На рыбалку? Иди, – уронил голову на подушку дед. Потом спохватился. – А удочка?

– Мне принесут!

Схватив на кухне краюху хлеба, Андрейка выбежал на улицу, прихватив по пути банку с червями.

20. Встреча с собаками. Перед домом.

На улице, несмотря на ранний час, его ждали – на этот раз уже пять собак. К болонке и колли прибавились овчарка и две дворняги. При его появлении они вскочили и выжидающе посмотрели на него. Андрейка даже немного растерялся.

– Ого, – выдохнул он.

Вначале почему-то подошел к овчарке и протянул руку. Она подала лапу. По очереди он поздоровался со всеми, затем разломил краюху на куски, раздал им. Знакомство состоялось, и Андрейка быстро пошел к назначенному месту. Собаки бежали рядом.

21. Встреча с мальчиком у столовой.

У столовой уже стоял мальчик с собакой. В руке он держал две удочки. Увидев Андрейкино сопровождение, мальчик удивился:

– Это все твои, что ли?

– Мои.

– Здорово! А как их зовут?

– Зовут? Никак.

22. На улицах городка.

Они уже шли по направлению к реке. Сеттер спокойно шествовал рядом с другими собаками.

– То есть как это? Так не бывает. Всегда есть имя. Вот я, например, Пашка, а это – Джек. А тебя как зовут?

– Я Андрейка.

– А собак?

– Сейчас придумаем. Этот, – он указал на колли, – пусть будет Буратино.

– А почему Буратино?

– Похож потому что.

– А остальные?

– Эта, – он указал на болонку, – Белочка.

– Этот, – он указал на овчарку и задумался.

– Джульбарс! – подсказал Пашка.

– Да, Джульбарс. А это Дружок и Шарик.

– Погоди, – Пашка наклонился и осмотрел Дружка. – Это не Дружок, а подружка. Лучше пусть будет Машкой.

– Нет, Машкой нельзя. Машей мою маму зовут. Пусть лучше будет Жучкой.

Они подошли к берегу реки.

23. Берег реки.

– Только здесь надо тихо разговаривать. А то всю рыбу распугаем. На. Держи, – Паша протянул Андрейке удочку.

– А что надо делать?

– Давай-ка своих червей. Вот смотри. Червяка на крючок. Потом поплевал и закидывай.

– А плеваться зачем?

– На удачу.

Они забросили удочки. Сеттер лениво лег на берегу, а остальные собаки с напряженным вниманием следили за поплавками. Вскоре у Пашки поплавок дернуло и повело в сторону.

– Во! Смотри, что сейчас будет.

Он ловко подвел рыбу к берегу, а затем так же ловко подсек ее и вытащил небольшого карася.

– Почин есть.

Сеттер подбежал к Пашке, и тот дал ему рыбу. Другие собаки с явной завистью посмотрели на него, а затем повернули головы к Андрейке.

– Сейчас, – не очень уверенно сказал Андрейка.

Спустя некоторое время, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, на кукане у Пашки оказались нанизаны шесть небольших рыбок, а Андрейка безнадежно смотрел на свою удочку. Собаки были явно огорчены.

– Ну, пора закругляться, – сказал Пашка. – Ничего. Первый блин всегда комом. На вот, – протянул он кукан. – Дай им.

– Не нужно. Мне надо самому их накормить, – тихо сказал Андрейка.

– Ну, давай так. Сегодня мы их вместе покормим. А завтра у тебя дело пойдет, ладно?

– Ладно, – нехотя согласился Андрейка.

Собаки расхватали рыбок.

– Ничего, – сказал им Андрейка. – Завтра я вам столько рыбы наловлю!.. Еще и останется.

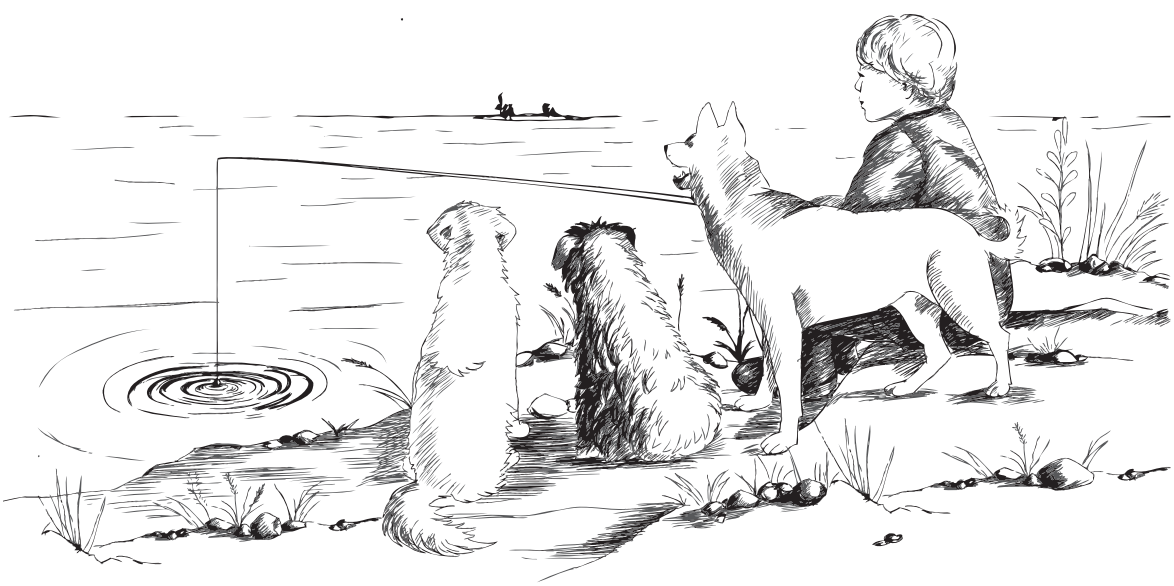
24. Москва. Утро. Прогулка Наташи и Марии с ребенком.

Наташа с сестрой рано утром гуляли во дворе, катя перед собой коляску с ребенком.

– Да, – вспомнила Наташа. – Забыла тебе вчера сказать – насчет работы я уже договорилась. В начале следующей недели, в понедельник, к одиннадцати быть на месте и приступить к своим обязанностям. По специальности. Кафе небольшое, но симпатичное.

– Далеко?

– Минут сорок отсюда на метро. По московским меркам нормально.



– Нормально, – кивнула Маша.

– Сначала поваром, ну а со временем перетащу тебя к нам в ресторан официанткой. Правда, будем с тобой в разные смены работать. Так за ребенком следить легче.

– Конечно, Наташ. Будут у него две мамы.

– У ребят наших мамы две, а отца ни одного.

Они помолчали.

– Слушай, Наташ, а чего ты в этой квартире-то поселилась, с этой собакой ненормальной? Неужели лучшего ничего себе не нашла?

– Эх, Машка, да стала бы я тут селиться, если б могла что-нибудь поприличнее найти? Просто москвичи с ребенком постояльцев не берут. И тут хоть тресни – нет и все! Как ни крути, а для меня ребенок – обуза тяжкая.

– Главное, что он у тебя есть.

Наташа вздохнула и ничего не ответила.

– А здесь как устроилась?

– А здесь бабка сама рада любого взять. К ней-то из-за этой самой псины никто и не суется. Вот она меня и взяла на безрыбье. Да я ведь ей еще и за ребенка приплачиваю. За уход, прогулки там, кормежку… Дорого получается, да уж куда денешься?

Опять возникла небольшая пауза.

– А что ж она ее кормилицей называет? Чтоб такую псину прокормить… На нее-то, наверное, все деньги и уходят?

– Все верно. Только ведь она чистопородная, два раза в год щенят приносит. А они больших денег стоят. Бабка их продает. С того и богатеет.

– Щенят продает? – удивилась Маша и даже остановилась.

– Ну да. А чему ты удивляешься? Хорошее дело.

– Да нет. Наверное, хорошее. Может, пойдем уже? Ты же говорила, что тебе к десяти на работу.

– Успею. Хотя, пожалуй, ты права. Еще покормить надо.

Они направились к дому. Неожиданно Наташа толкнула в бок сестру.

– Гляди!

Наискосок от них, за торцом дома появился Шурка с огромной сумкой, набитой пустыми бутылками. Он появился в пространстве между домами и исчез за ними.

– Во куркуль, а? – засмеялась Наташа.

– Без дела не сидит, зарабатывает, – рассудила Мария.

– Это, что ли, дело – бутылки собирать? Скоро он и попрошайничать начнет.

– Да ну, скажешь тоже.

– Да такой за копейку удавится.

25. На лестнице.

Маша несла ребенка, а Наташа коляску. Перед дверью в квартиру Наташа поставила ее на бетонный пол.

– Погоди, посмотрю – здесь она?

Она открыла дверь, заглянула внутрь, затем махнула сестре рукой:

– Проходи!

Маша занесла ребенка в комнату и, пока Наташа готовилась кормить его грудью, выскочила в коридор.

26. В коридоре.

Подойдя к двери кухни, за которой заскреблась Джина, она приоткрыла дверь. Джина немедленно высунула голову, пытаясь проскочить в коридор. Но Маша только осторожно погладила ее по голове и сказала:

– Бедненькая ты собака.

После чего протолкнула эту голову внутрь кухни и захлопнула дверь.

27. У столовой.

У столовой ребята попрощались.

– Удочку пока оставь у себя. Как рыбу ловить, ты уже знаешь. А я каждое утро на том же месте. Пока.

Пашка ушел. Андрейка тронулся было по направлению к своему дому, но собаки неожиданно сели, хотя Андрейка звал их за собой.

– Ну, пошли, чего встали?

Овчарка повернулась и пошла в подворотню. За ней потянулись все остальные собаки. Буратино оглянулся на Андрейку, как будто приглашая его за собой, и тот, поколебавшись, двинулся за ним.

28. Заброшенное строительство.

Вскоре они привели его к заброшенной стройке, где навалом лежали большие бетонные блоки. Возле щели, которую образовали два блока, сновала взад и вперед такая же овчарка, как и знакомый нам Джульбарс. Она просовывала лапу в щель, взвизгивала и волновалась. Из щели доносилось тонкое щенячье повизгивание. Собаки обступили встревоженную мать. Они были явно взволнованы. Андрейка растолкал их, разглядел внизу небольшого щенка. Он просунул в расселину свою детскую руку, с трудом ухватил кутенка и, наконец, вытянул его наружу. Мать схватила щенка зубами, виляя хвостом то ли от радости, то ли из благодарности, и нырнула с ним в небольшую дыру между блоками. Все собаки завиляли хвостами, а Буратино вскочил на задние лапы и облизал Андрейку. Затем они по очереди стали исчезать в дыре.

29. В норе.

Буратино оглянулся на Андрейку, и тот пополз вслед за ними, оставив удочку снаружи. Внутри оказалось довольно удобное большое пространство, образованное стоявшими впритык друг к другу блоками, поверх которых были навалены доски. В щели между ними проникал солнечный свет. Здесь хватало места всем. В углу уже лежала овчарка, к которой прилипли четверо щенков. Она вылизывала их, дотягиваясь розовым языком до каждого. Один из щенков, переползая через другого, скатился вниз.

– Куда ты? А ну-ка…

Андрейка подхватил его и приложил к соску матери. Мать снова облизала сына, а затем благодарно лизнула и Андрейкину руку. Он погладил собаку по спине и прижался щекой к ее шее.

30. Первая встреча с незнакомцем. Улица.

Андрейка, окруженный собаками, шел по улице с удочкой. К нему обратился парень лет двадцати в кожаной куртке, с сигаретой в руке.

– Привет, пацан!

– Привет, – настороженно ответил Андрейка и остановился, понимая, что парень хочет поговорить. Собаки тоже остановились и уставились на незнакомца.

– Будем знакомы! Степан!

– Андрейка! – пожал он протянутую руку.

– Куришь? – спросил парень, подавая ему сигарету. Андрейка отрицательно замотал головой.

– Зря. Я в твои годы уже дымил без счета.

Андрейка молчал, не понимая, что нужно этому парню.

– Твои собаки? – тот, наконец, приступил к сути дела.

– Мои.

– А чем кормишь?

– Рыбу ловлю.

– Ха! Рыбу! Да они у тебя при таком рационе скоро светиться будут.

– Почему светиться?

– В рыбе фосфор, а он светится. Это я к тому, что собакам твоим нормальная еда нужна, а не эта рыба.

– А где же ее взять, нормальную еду?

– Во! Усекаешь! Для нормальной еды деньги нужны.

– У меня денег нет.

– Могу помочь.

– Как?

– А так. Хочешь – будем твоих собак в Москву возить? Там в переходах собакам просто так деньги кидают. Из жалости.

– В Москву?…

– Ну! В Москве-то бывал?

– Нет. Но там моя мама.

– Ну, маме про эти дела знать не обязательно. Просто можно с утра в Москву, а вечером обратно. Кучу денег получишь.

– Мне не надо кучу. Мне надо, чтобы только их накормить.

– Ну не надо – так не надо. Ну, так что – едем?

– У меня дед.

– Да что дед! Ты что ему – нянька, что ли? Зато собаки сыты будут. Я все устрою. Ну?

Андрейка наклонил голову в раздумье, но затем отрицательно замотал ею и прошел вперед.

– Зря, – крикнул ему вслед парень. – Выгодную возможность теряешь.

И еще раз повторил разочарованно:

– Зря.

31. У дома.

У дома Андрейка повернулся к собакам и сказал:

– Я домой пошел. До завтра.

Собаки присели, понаблюдали, как он поднимается по лестнице к двери подъезда, затем, как по команде, повернулись и пошли по своим делам.

32. На площадке перед входом в подъезд.

На площадке у подъезда лежал и грелся на солнышке кот, которого Андрейка попытался погладить. Но кот вместо того, чтобы заурчать и потереться об Андрейкину штанину, вдруг вздыбил шерсть и завыл, точно так же, как он это сделал в прошлый раз в день знакомства с Буратино.

– Чего ты?

Но кот продолжал выть, глядя на Андрейку, и даже шагнул назад.

– Дурной какой-то, – сделал вывод Андрейка и вошел в подъезд.

33. Квартира.

Дверь квартиры открыл встревоженный дед.

– Где ж ты бродишь, сукин ты сын?

– Дед, а мне удочку дали! Вот! – Андрейка показал деду удочку, пытаясь уклониться от ответа.

– Ну и где ж твоя рыба?

– Рыба… Плавает пока.

– Постой, постой, а чем это от тебя пахнет?

– Чем?

– Да от тебя ж псиной воняет! А ну марш мыться!

Андрейка кинулся в ванную. Дед встал в дверях.

– Слушай, а это ты весь хлеб съел? И вчера тоже?

– Я, – умываясь, ответил Андрейка.

– Ну-у? А я думал, может, мыши завелись. Видно, растешь.

– Расту, дедушка, – вытираясь полотенцем, проговорил Андрейка.

34. Комната Наташи.

Мария спала в кресле перед коляской, в которой лежал ребенок. Ребенок закряхтел, потом тонко заплакал. Маша не просыпалась. Привлеченный плачем, в комнату заглянул Шурка.

– Эй, – сказал он. – Ребенка кормить надо.

Поскольку Маша не реагировала, Шурка покачал головой, взял на руки малыша и вышел с ним в коридор.

35. Коридор.

Здесь Джина попыталась дотянуться до ребенка, чтобы облизать его, что при ее росте было несложно. Шурка осадил ее:

– Лежать!

Джина нехотя легла. Шурка пристроил ребенка к ее животу и приказал:

– Стереги его! Я сейчас.

Затем он прошел на кухню, из которой доносились звуки бравурного марша.

36. На кухне.

На кухне Шурка открыл холодильник, вытащил из него бутылочку с молоком, вставил ее в стоящий на столе специальный агрегат и включил его.

37. Комната Наташи.

Внезапно Маша проснулась и первым делом обнаружила, что ребенка нет в коляске.

– Ой! Где же он?

Сначала она озиралась вокруг. Затем опустилась на колени и начала ползком обыскивать комнату, заглядывая под стол, под кровать и даже под стоящий в углу шкаф. В конце концов, она выскочила в коридор.

38. В коридоре.

Здесь на коврике у двери она обнаружила смирно лежащую догиню. Рядом с ней спокойно спал Ваня. Маша, обмирая от страха, осторожно подошла к собаке и попыталась взять ребенка. Но, едва она протянула руки, собака негромко зарычала. Маша отшатнулась и принялась возмущенно стыдить ее:

– Это что ж такое? Верни ребенка. Слышишь?

Но, поскольку собака оставалась в той же позе, Маша опустилась на колени и сказала уже просящим тоном:

– Отдай его. Это ж тебе не щенок какой-нибудь. Слышишь, отдай.

Собака вдруг заскучала, отвернула голову и положила ее на передние лапы. Маша легко схватила ребенка. Едва она поднялась, из дверей кухни с бутылочкой в руке показался Шурка. Увидев Машу, он несколько смешался.

– Ты! – сказала она. – Это ты ребенка взял, а?

– Да он плакал, а ты не слышала.

– Разбудил бы. И зачем его собаке оставил? Это ж тебе не щенок!

– Я только на минутку отошел, а ей стеречь приказал.

– Да как ты мог? А если бы она его покусала?

– Да ну! Собаки детей не трогают – это точно! Джина его, наоборот, охраняла.

– Балда ты! Настоящий балда! Теперь ребенка срочно купать надо.

– Да она чистая!

– Чистая? А ты? Думаешь, я не видела, как ты с грязными бутылками носишься?

– Да я руки мыл. Честное слово!

– Помолчал бы уж.

И она скрылась с ребенком в ванной комнате. Шурка так и остался стоять у дверей кухни. Затем повернулся, поставил бутылочку на кухонный стол, вновь вышел в коридор. Маша выносила уже выкупанного ребенка, когда Шурка с обидой сказал:

– Только ты меня этими бутылками не попрекай. Мне что – нравится утром рано вскакивать и искать их повсюду? С бомжами из-за каждой бутылки лаяться? Только что поделать, если в Москве деньги на улице валяются? Я ж эти деньги домой везу. Просто жить-то надо…

После чего развернулся и ушел в свою комнату. Маша посмотрела ему вслед, постояла, затем медленно пошла к себе.

39. Вторая рыбалка. Утро.

Андрейка держал удилище, дрожавшее от напряжения.

– Клюет! – закричал он.

– Держи, держи! – крикнул Пашка и кинулся к нему на помощь. Он схватил удилище, подтащил рыбу к берегу и выволок полуторакилограммовую щуку, которая билась о землю и широко разевала зубастую пасть.

– Ну и везет тебе! Я такую щуку в первый раз вижу!

Собаки вскочили в ожидании.

– Вы подождите еще, – просительно сказал Андрейка. – Можно, я ее деду отнесу?

Собаки снова улеглись.

Вскоре дело у него пошло, и он вытягивал рыбок одну за другой.

– Смотри, – сказал Пашка и забросил в воду небольшую палку.

Сеттер мгновенно ринулся в реку и, схватив палку, приплыл вместе с нею.

– А теперь твои.

Андрейка неуверенно посмотрел на собак, взял палку и бросил ее. Его четвероногие друзья кинулись в реку и поплыли к палке. Только болонка поначалу бегала вдоль берега и громко лаяла. Затем, решившись, вошла в воду и тоже поплыла вслед за остальными. К палке первыми успели Буратино и Джульбарс. Они ухватились за нее с разных концов и доставили Андрейке. Белочка плыла с видимым усилием. Андрейка вбежал в воду, чтобы помочь ей, подхватил на руки и вынес на берег. После купания она стала явно чище. Собаки выбрались на берег и принялись отряхиваться, забрызгав и Пашку, и промокшего Андрейку.

– Нет, давай лучше на берегу, – сказал он.

Мальчишки стали бросать палку, а собаки бегали взад и вперед. Но когда Андрейка бросил ее в сторону березы, она ударилась о ствол и, падая, застряла между ветвей. Собаки беспомощно сновали под деревом. Но тут отличился Джульбарс. Дерево росло под углом к земле, а не прямо вверх. Он вскочил на наклонный ствол и пополз вверх, цепляясь когтями за кору. Схватив палку и тем же путем вернувшись вниз, он подбежал к Андрейке. Буратино обескураженно поглядел вслед Джульбарсу, поднял лапу и оставил отметку на дереве. Пашка с Андрейкой захохотали и повалились в траву.

40. Встреча с незнакомцем. Улица.

Андрейка тащил щуку, цеплявшуюся хвостом за асфальт. Рядом степенно шли собаки. Недалеко от дома Андрейку остановил Степан:

– О! С уловом тебя!

– Спасибо, – ответил Андрейка и хотел пройти дальше.

– Ну что, надумал чего?

– Не могу я, – сказал Андрейка.

– Ну, тогда продай собак. А я уж найду, с кем они там стоять будут.

– Не. Они не продаются.

Он опять хотел пройти дальше, но Степан остановил его:

– Ну, тогда сдай в аренду.

– Как это?

– А так. Я собак в Москву отвезу. А ты просто будешь за них деньги получать.

– Нет, – твердо ответил Андрейка и пошел к дому.

Степан пошел рядом.

– Ну чего ты артачишься, не пойму. Ты ж вон и в Москве не был, а туда же – не поеду! Там денег куры не клюют, а ты здесь собак рыбой кормить будешь.

Андрейка остановился.

– Для них же заработаешь, – продолжал подначивать Степан.

– А если меня мама увидит? – засомневался Андрейка.

– Да откуда она там тебя увидит, – захохотал Степан. – Это ж огромный город. Там хоть год по улицам гуляй – знакомого не встретишь, не то что родную мать.

– Правда?

– Да кого хочешь спроси!

– Н-ну, ладно, – нерешительно сказал Андрейка. – А сто рублей там получить можно?

– Сто! Сказал тоже! Там и больше получишь.

– А когда надо ехать?

– В восемь утра будь на станции. Билет я куплю. Ну, пока, вожак.

И Степан, очевидно, опасаясь, что Андрейка изменит свое решение, покинул место встречи.

– Пока, – сказал Андрейка и поглядел вслед удаляющемуся быстрым шагом парню. Затем повернулся к собакам и сказал:

– Утром быть здесь. Ладно?

41. Дома.

Дед, увидев Андрейкин улов, запричитал:

– Кормилец ты наш! Как же ты такую зверюгу поймал?

– А мне друг помогал.

– Щучка-то молодая. Ухи наварим. Картошка есть. Эх, если бы еще и водочки! Ну ладно, руки мой, кормилец, обедать будем.

За столом Андрейка вертел в руках очищенную картофелину.

– Дед, я завтра поздно приду, ладно?

– Как это «поздно»?

– Ну, вечером.

Дед помрачнел и отложил вилку.

– Опять со своими псами?

– Да, – пряча глаза, сказал Андрейка.

– И охота тебе с ними возиться?

– Охота, – тихо сказал Андрейка. – Они мои друзья.

42. Комната Наташи. Ужин с креветками.

Маша сидела за накрытым столом в ожидании ужина. Малыш спал в своей коляске. В это время отворилась створка комнатной двери. В проеме вполоборота стояла Наташа, держа в руках что-то, скрытое за второй створкой.

– А теперь сюрприз, – сказала она. – Але-оп!

И внесла в комнату блюдо, на котором горкой лежали креветки.

– Ой, что это? – спросила Маша.

Наташа поставила блюдо на стол.

– Креветки. Деликатес морской.

– Деликате-е-ес, – протянула Маша. Затем спросила:

– Наташ, а мы что, одни будем это есть? Может, и их пригласим?

– Ты что? Ну, вчера повеселились, хватит. Они теперь сами по себе, мы сами по себе. Привыкай.

– Ну, ты ж говоришь, деликатес…

– Ой, да ну приглашай, если хочешь. Только бабка с собакой гуляет, да и не любит она этого. А Шурку… Ну, позови этого… охламона.

43. Кухня.

Маша выскочила в коридор и забежала в кухню, откуда доносился стук молотка. На полу сидел Шурка и приколачивал к табурету ножку. Увидев Машу, он кивнул ей и сказал:

– Смотри. Бабка утром с него чуть не свалилась. Старье.

– Да он ветхий совсем. Может, ей лучше новый купить?

– Как же, купит она, сквалыга старая.

– Да ну что ты опять ругаешься! Она ж тебе не чужая.

– Сквалыга и есть. Денег у нее – завались, только ей на собаку легче потратить, чем на себя.

– Да-а, тебя, видать, не переделаешь. Слушай, я вот зачем зашла. Давай к нам. Наташа деликатес принесла. Креветки. Пошли?

– А… Слышал. Ребята говорили – ерунда на постном масле.

– Нет, ну пойдем. Я сама их ни разу не ела.

– Ладно, – поставил он на место табурет. – Я только руки помою.

44. За столом в комнате Наташи.

За столом сидели Наташа, Маша и Шурка. Маша пыталась подцепить вилкой креветку.

– Руками, руками, – остановила ее Наташа. – Ломай здесь и здесь.

Она быстро очистила пару креветок и бросила в рот нежные кусочки.

– Вот так.

Шурка повертел в руках креветку, попробовал.

– Ерунда все это, чертополох.

– Почему чертополох? – нахмурилась Наташа.

– Да у нас раки в реке мелкие – и то в пять раз больше, чем эти… креветки. Ерунда…

– Не хочешь – не ешь, а другим не мешай. Ну как, вкусно? – обратилась Наташа к сестре.

– Ничего, вкусно. Только что в них особенного? И правда ведь, раки у нас в реке в сто раз вкуснее.

– Ничего, привыкнешь, – махнула на нее рукой Наташа.

– Еда, она ведь разная бывает, – продолжила она. – У нас в ресторане никто раков не просит. Всем только креветки подавай. Или еще чего похлеще. Вот они у нас грудами и остаются.

– Зажрались все тут, вот и все, – резко отрубил Шурка. – По мне лучше котлету съесть или вон колбасу, чем эту дребедень. Белиберда все это, баловство.

С этими словами он положил на хлеб колбасу и откусил здоровенный кусок.

Наташа уничтожающе посмотрела на него, а Маша сказала:

– Нет, Шур, это ж еда все-таки.

– Еда! Смех один.

Теперь Наташа уже смотрела на Шурку зло и неприязненно.

– Много ты в этой еде понимаешь, обормот! Это ты там у вас в деревне на колбасе живи да на картошке. А здесь тебе не деревня. Здесь цивилизация, ясно?

– Ци-ви-ли-за-ция, – произнес он по слогам. – Кому цивилизация нужна, а кому еда. Вот это, что ли, ваша цивилизация? – он поднял креветку и повертел ее в воздухе. – Собачья радость.

Наташа внезапно успокоилась.

– Ну что с тебя возьмешь! Ешь свою колбасу, ладно. Лимонад вон пей. Может, еще подобреешь от сладкого.

– Лимонад выпью. Только доброта нам ни к чему. Эта доброта ваша от дела отвлекает и до добра не доводит.

Маша удивленно всплеснула руками:

– Да как же так, Шурка?

А Наташа обхватила голову руками и, мотая головой, проговорила:

– Ой, дурак! Ну и дурак!

45. Станция.

В восемь утра Андрейка с собаками был на станции. Степан уже ждал его, держа в руках небольшую черную сумку.

– Привет! Сейчас поезд подойдет.

– А с собаками разве в поезд пускают?

– Все будет в порядке. Вот увидишь.

46. Электричка.

Подошла электричка. Андрейка взял на руки Белочку и вошел в вагон. Остальные собаки попрыгали следом. Степан вошел последним. Устроились они возле дверей салона, у первого окна. Народ на них косился, а одна бабка недовольно спросила:

– Ты что, малец, собаками торгуешь?

– Я не торгую, – опешил Андрейка.

– А ты что думаешь, в Москве своих собак не хватает?

– Да ладно тебе, мать, – вступил в разговор Степан. – Мы собак на выставку везем, ясно? За медалями.

– Вот этих?

– Да они, может, там лучше всех будут. Ну-ка, могут твои собаки показать что-нибудь эдакое?

Андрейка соскочил с лавки.

– Буратино, служи!

Буратино встал на задние лапы и с помощью Андрейки сделал пируэт на месте.

– Джульбарс, дай лапу.

И Джульбарс послушно дал лапу.

– Да им только в цирке выступать, – подобрела бабка. Она даже подозвала к себе Белочку и дала ей кусочек колбасы.

– Как, малец, не продашь собачку? – спросила она.

– Они не продаются.

– Жаль. Ладная такая. Ее бы помыть и прям лучше не надо!

– Приготовить билеты! – разнеслось по вагону.

Когда контролеры подошли, Степан дал им прокомпостировать оба билета.

– Ваши? – спросил контролер, указывая на собак.

– Да. Вот, – Степан дал ему двадцать рублей. Контролер спокойно взял деньги и прошел дальше.

– Видал? – спросил Степан. – Я говорил, что все будет в порядке!

47. Собаки на перроне вокзала. Колбаса и новые запахи.

На перроне московского вокзала собаки были немного напуганы обилием людей. Они сгрудились в кучу. Андрейка тоже был немного ошеломлен.

– Вот тебе и Москва, – сказал Степан. – Пошли, здесь недалеко.

Но внимание собак уже было привлечено лотком на колесах, который был забит торчащими палками колбасы, свисающими гирляндами сосисок, жареными курами и прочей снедью. Продавец занервничал, заорал:

– А ну пошли отсюда! Эй, пацан, забирай свою свору, пока они чего не стибрили. А ну, живо!

Андрейка схватил Джульбарса за загривок и оттащил его.

– Пошли. Ничего тут интересного нет. Пошли.

Собаки нехотя тронулись за ним, оглядываясь на богатый лоток.

48. Москва. В переходе.

Степан привел всех в переход недалеко от вокзала. Здесь уже стояла девочка лет десяти, в джинсах и легкой куртке, игравшая на аккордеоне. Перед ней лежал раскрытый футляр, где валялись и бумажные деньги, и монеты. В конце перехода маячил милиционер, который сразу направился к ним. Степан сам пошел навстречу, расстегивая карман на груди. Они переговорили, милиционер кивнул и вернулся на свое место.

– Все в порядке. Сядешь здесь, – Степан кивнул на картонный ящик у стены. – Сейчас все оборудуем.

Он вытащил из сумки большую жестяную банку и плакатик с надписью «Помогите животным на пропитание». Жестянку он поставил перед ящиком, а плакатик прикрепил скотчем к стене.

– Только все деньги в банке не оставляй. Как наберется немного бумажек – перекладывай в сумку. А сумку в коробке держи. Мелочь можешь не вытаскивать. Все понял?

– Все.

– Ну ладно, я пойду, у меня в Москве дел полно. В шесть вечера буду здесь. Жди.

– Э-э, а если у меня деньги отберут?

– Да кто на тебя с твоими собаками полезет? Что им, жить надоело? Ну все, пока. Удачи.

Андрейка кивнул. Не успел Степан отойти, как в банке звякнула первая монета.

– Спасибо, – крикнул Андрейка вдогонку уходящему дородному мужчине.

Рядом девочка что-то наигрывала на аккордеоне, посматривая на Андрейку. Лоб ее и волосы перехватывала розовая ленточка.

Прямо напротив Андрейки на стене перехода висел оборванный плакат с изображением Капитолийской волчицы и Ромулом и Ремом под нею с надписью: «Приходите к нам. Мы вам поможем! Банк "Суперкредит"».

Мимо шли люди. Время от времени раздавалось звяканье, и Андрейка говорил: «Спасибо!» Иногда в воздухе шуршала бумажка, и в банку падала смятая десятка. Собаки изнывали от жары, тяжело дышали, разевая рты.

Маленькая девочка лет шести шла, держась за маму. В руке у нее было мороженое, которое она с удовольствием облизывала. Увидев собак, девочка замерла на секунду, так что матери пришлось подтащить ее к себе. Они уже отошли к лестнице, когда малышка сорвалась с места, подбежала к Белочке и положила перед ней мороженое. Мама в негодовании схватила дочку, шлепнула ее довольно ощутимо по попке и закричала:

– Вот дура! Ну что за дура ты у меня!

Девочка захныкала, мать потащила ее дальше. Андрейка поглядел им вслед…

Собаки (за исключением Джульбарса) сгрудились вокруг Белочки. Мороженое было уничтожено в секунду, но жажды не утолило. Они опять улеглись рядом

с Джульбарсом, который тяжело дышал, вывалив язык. Наблюдавшая за ними девочка-аккордеонистка взяла стоявшую рядом литровую бутылку с водой и подошла к Андрейке.

– Дай им, – протянула она воду.

– Спасибо, – вскочил Андрейка. – Только... А куда же налить?

Девочка на мгновение задумалась.

– А знаешь что – лей прямо на землю. Ничего с ними не будет. Лей!

Андрейка с сомнением оглядел грязный пол, затем махнул рукой и стал лить воду прямо перед собаками. Они жадно слизывали ее.

– Ой, а тебе не осталось, – опомнился он, когда бутылка была пуста.

– Это ничего, только почему ты их не кормишь?

– А чем?

– Да чем угодно. Деньги у тебя есть. Вон магазинчик – там колбасы можно купить дешевой. И хлеба.

Андрейка помедлил, затем решительно опустил руку в банку и вытащил оттуда несколько бумажек.

– Сидите здесь, – приказал он собакам.

– И воды не забудь, – крикнула она ему вслед.

Вышел он из магазинчика с кругом колбасы, батоном хлеба, бутылкой воды и глубокой пластмассовой тарелкой. Собаки издали почуяли запах и побежали к нему, виляя хвостами. Он оделил их всех кусочками колбасы, налил воды в тарелку. Бутылку с оставшейся водой отдал девочке.

– Да ты-то сам почему не пьешь?

– Сначала ты.

– Ну, спасибо. Я Светлана. А ты?

– Андрейка.

– А тебя что, родители заставляют здесь стоять?

– Нет. Просто их кормить надо, – кивнул он на собак.

– А, так это тебе этот парень предложил попрошайничать?

– Почему попрошайничать? Они же для собак деньги дают.

– Ты-то для собак стараешься, а он же для себя. Правда?

– А ты не попрошайничаешь?

– Нет. Я зарабатываю. И родители мои не против. А твои?

Андрейка не ответил и отвернулся. Девочка отошла и вновь стала наигрывать на аккордеоне.

Неожиданно Буратино сорвался с места и засеменил за настоящей шотландской овчаркой, пытаясь обнюхать ее на предмет установления половой принадлежности.

– Пошел отсюда, блохастый, – занервничала хозяйка овчарки, натягивая поводок.

– Буратино, – осадил друга Андрейка. Буратино остановился, поскучнел и вернулся на место, всем видом показывая свое недовольство.

Девочка вновь подошла к Андрейке.

– А почему ты его назвал Буратино?

– Похож потому что.

Она опустила свой инструмент на землю, присела рядом.

– А ты про Буратино читал?

– Нет, просто у меня игрушка есть. То есть… была. А читать я пока не умею.

– Жаль. А то бы я тебе книжку принесла.

– А ты расскажи.

– Рассказать? Ну нет, так неинтересно.

– Мне дедушка говорил, что его папа был плотник и его из дерева сделал.

– Да. Но он потом из дома убежал.

– Убежал? А мама?

– Какая мама?

– А маму ему не жалко было бросить?

– Ну, какая у него могла быть мама? Он же деревянный!

– А-а… Ну да.

– Но там все хорошо кончилось. И в школу он пошел. Так что собаки – это хорошо, а в школу ходить надо.

– Я пойду. Это я пока только так. А осенью я пойду.

Она поднялась.

– Ну, мне на занятия надо.

– А какие сейчас занятия?

– По музыке.

Она уже укладывала в футляр аккордеон, когда он спросил:

– А у тебя собака есть?

– Нет.

– А хочешь, я тебе щеночка привезу? Будет как Джульбарс.

Защелкнув замки, она подняла футляр с аккордеоном за ручку.

– Нет, – с сожалением сказала она. – Не получится. Мне родители не разрешат.

И, видя, что он нахмурил брови, добавила:

– Нет, я собак люблю. Только их в квартире трудно держать.

И добавила:

– Ну, до завтра.

Он ответил:

– До завтра.

Андрейка остался один. Мимо шли люди. По-прежнему звякала мелочь и шуршали бумажки. Когда и Андрейка, и собаки уже изнывали от усталости, появился Степан. Он сделал приветственный жест.

– Ну как дела, вожак?

Андрейка вытащил сумку и подал ее Степану. Тот раскрыл ее и заулыбался.

– Ого! Да здесь миллионы!

Он вытащил оттуда стопку десяток – штук тридцать банкнот.

– Я немного потратил. На еду.

– Ну, потратил и потратил. Бог с ним. Будем считать это производственными затратами. А ну-ка, брат, держи карман шире.

– Чего?

– Подставляй карман, говорю.

Андрейка оттопырил карман штанов, и Степан опрокинул туда банку. Звонким потоком монеты устремились вниз и застыли упругим тяжелым комком.

– С почином тебя, брат!

– Спасибо.

Андрейка был доволен.

– А теперь поехали. Поезд ждать не будет.

Собаки уже вскочили. Степан сунул банку и картонку с надписью в сумку, и они отправились на вокзал.

49. В вагоне.

В вагоне народ все так же косился на них, но Андрейка ехал счастливый. И собаки вроде повеселели и оживились.

50. На перроне.

Выйдя на перрон, Степан махнул рукой.

– Ну, до завтра. В восемь утра – как штык!

– Буду.

51. Столовая.

Первым делом Андрейка со всей ватагой отправился в столовую. В кухню он вошел один. Тетя Вера выгребала из котла остатки гречки, пересыпая ее в небольшую кастрюльку. Подняв глаза, она увидела Андрейку.

– О! Вечер добрый! С чем пожаловал?

– Здравствуйте, тетя Вера! Мне, пожалуйста, ведро костей.

И Андрейка высыпал перед нею горсть мелочи. Изумленная тетя Вера вытерла руки о передник, разворошила горку монет и сказала:

– Так, так. Никак нищенствовать начал?

– Да нет. Это им дали, – он мотнул головой в сторону окна. Она поглядела туда, поняла.

– Ну, чудеса прям на свете, чудеса! Уже и собакам милостыню дают! На, забирай! – она выволокла из-под стола ведро с костями. – Погоди, пакет дам.

Она пересыпала кости в пакет.

– Иди, корми своих.

– Спасибо! – ликующе крикнул Андрейка и потащил пакет на улицу.

Тетя Вера поглядела ему вслед, взвесила на ладони монеты и покачала головой:

– Чудеса!

52. На улице.

Собаки бежали за ним, бросались на него, умоляя дать хотя бы косточку, но он быстро шел к заброшенной стройке.

53. В норе.

Он протащил пакет через узкий лаз и вывалил его содержимое в центре норы.

Собаки расхватали кости, но Андрейка отнял самую крупную у Джульбарса и преподнес ее кормящей матери. После чего сразу же заторопился домой.

– Ну ладно, мне домой пора. Чтоб завтра утром были на месте.

Он потрепал по шее Буратино, поцеловал в нос овчарку-мать и выбрался наружу.

54. В магазине.

По дороге домой Андрейка забежал в магазин. Подошел к продавщице:

– А сколько у вас стоит бутылка водки?

У продавщицы округлились глаза.

– Что-о?

– Маленькая… бутылка.

– Да хоть большая! Мы детей не обслуживаем.

– Мне для дедушки…

– Все. Иди отсюда, мальчик, иди.

Стоявший возле прилавка пьяненький человек в кепочке поднял палец и произнес, ни к кому не обращаясь:

– В жизни каждого русского человека наступает момент, когда он впервые узнает, что такое водка.

– Да лучше б ты ее и не знал! – упрекнула его продавщица.

– Не косчунствуй! Не трожь святое! Я ее, можно сказать, впитал с молоком матери, – вскинулся тот.

– Хоть бы мать свою не трогал, а?

Человек в кепочке опять поднял палец и замотал головой, пытаясь что-то возразить, но продавщица обреченно махнула на него рукой и, поскольку Андрейка стоял огорченный и не уходил, сказала ему:

– Возьми вон напиток «Буратино». Как раз и для тебя, и для твоего ненормального дедушки, который детей за водкой отправляет.

– «Буратино»? А он вкусный?

– Ну уж, слава Богу, не водка!

Андрейка высыпал на прилавок мелочь. Продавщица отсчитала немного, остальное с бутылкой подвинула к нему.

– На, забирай!

Андрейка кивнул и с гостинцем вышел на улицу. Пьяненький посмотрел ему вслед и развел руками:

– Потерянное поколение!

55. Квартира деда.

Дед встретил Андрейку в прихожей.

– Ну, где ж ты пропадаешь? Тебе скоро собаки эти семью заменят!

– Дед, смотри, что я купил! – по обыкновению пытаясь отвлечь внимание деда от щекотливого вопроса, закричал Андрейка и протянул ему пластиковую бутылку. Но маневр не удался. Дед взял бутылку, оглядел ее со всех сторон и удивленно спросил:

– Постой, постой… Как это – купил? Откуда у тебя деньги?

Андрейка понял, что попался. Он потянул носом воздух и закричал:

– Ой, ухой пахнет! Я руки помою!

Он побежал мыть руки. Но дед встал у двери в ванную.

– Нет, ты скажи сначала, откуда у тебя деньги? Ты что, их нашел?

– Нет, не нашел, – ответил Андрейка, выходя из ванной и вытирая руки полотенцем. – Их собакам дали.

– Как это – собакам? – удивился дед.

Но Андрейка побежал на кухню.

– Дед, я есть хочу! Давай твою уху!

Дед, удивленно покачивая головой, молча налил ему и себе по тарелке ухи, выставил хлеб, сел рядом.

– И все-таки, в жизнь не поверю, чтобы собакам просто так деньги давали. Ты ж и не врал никогда.

– Дед! Ну, мне их дали! Для собак.

– А ты их, значит, на себя потратил?

– А что, нельзя было?

Дед повертел бутылку в руках.

– Ну, если посчитать, что ты у нас за щенка сойдешь, значит, можно. Можешь пить, ладно, – добавил он и налил внуку в стакан напиток.

Андрейка, вовсю орудуя ложкой, кивнул головой.

– А ты?

– Я… Ну, мы ж с тобой как-никак родственники. Наливай!

56. Комната Наташи. Вечер. Наташа и Мария, Галина Григорьевна.

Поздно вечером Маша гладила детские простынки и пеленки, а Наташа на руках баюкала ребенка. В дверь постучали.

– Входите, – крикнула Маша. Наташа негодующе зашикала, указав глазами на засыпающего малыша. Мария осеклась и даже прикрыла рот рукой. Вошла бабушка.

– Вечер добрый, – поздоровалась она.

Сестры кивнули. Наташа уложила малыша в коляску. Галина Григорьевна прошла в глубь комнаты, присела в кресло, вздохнула и произнесла:

– Наташ, ты уж прости меня, старую, но тут такое дело…

Наташа остановилась посреди комнаты в предчувствии дурных вестей. Маша прекратила глажку и уставилась на Галину Григорьевну.

– В общем, уезжаю я. С Шуркой. Завтра утром к дочери еду.

– А как же мы, – ахнула Наташа.

– Да вы оставайтесь, живите. Только вот с ребенком как быть – не знаю. Обещала я тебе за ним присмотреть, да надо ехать…

Мария и Наташа молчали, глядя на нее.

– Но и ты пойми, – продолжала она. – У меня у самой дочь спасать надо. Вон Шурка собаками их зовет. Вконец озлобился. Не знаешь, кого и жалеть…

– Ладно, мать, поезжай, – угрюмо сказала Наташа. – Что-нибудь придумаем.

Галина Григорьевна привстала с кресла:

– Поеду, дочки. Да я ненадолго – на неделю. Только… – и она замялась.

Маша с Натальей переглянулись.

– Что? – вырвалось у Маши.

– Да вот ведь незадача… С Джиной-то гулять надо. Утром и вечером. Возьметесь?

– Ой, нет! – замахала руками Наташа. – Нет, этого не проси. Накормить – накормим, а чтоб этакую псину выгуливать… Да я к ней и подойти боюсь!

Галина Григорьевна огорченно развела руками.

– Что же с ней делать-то? Не с собой же везти…

Маша отставила утюг, который все еще продолжала держать в руке, и сказала:

– Я… попробую. То есть… я буду с ней гулять.

– Вот хорошо, вот славно, – обрадовалась бабушка, сорвалась с кресла и уцепилась за Машину руку. – Вот спасибо. Она покладистая, добрая. Только с ней главное – не упустить, чтоб случайно с кем не спуталась. Вообще-то у нее сейчас течки нет, так что она кобеля и не подпустит. Но, тем не менее, держи ухо востро – чем черт не шутит. А то она готова с первым встречным связаться. Мерзавка! Тут глаз да глаз нужен.

Продолжая говорить, она пятилась к двери, стараясь побыстрее ретироваться и завершить неприятную беседу.

– Ну ладно, утром еще успеем попрощаться. Ты уж извини, Наташа, что так получилось…

– Что-нибудь придумаем, – опять повторила Наташа, а бабушка исчезла за дверью.

Наташа бессильно опустилась на диван. Маша продолжила глажку, встряхнув пеленку и расстелив ее на гладильной доске. Но потом отставила утюг, подошла к сестре, села рядом.

– Может, мне завтра на работу не выходить? – упавшим голосом предложила она.

– Да ну, – махнула рукой Наташа. – Не бери в голову.

Потом она вдруг опустила голову на руки. Маша прижалась к ней, обняла ее за плечи.

Наташа подняла голову, сказала горько:

– Я ведь при нем. А жизни своей нет. Не могу так больше.

– Что ты, Натаха, – отстранилась Маша. – Что ты, уймись, о чем ты говоришь? Какая сейчас своя жизнь? Тебе ж надо его на ноги поставить.

– А кому я потом нужна буду?

– Терпеть надо, терпеть.

– Терпеть? Ты вон не вытерпела, в Москву приехала, сына бросила!

Маша ахнула и вскочила. Голос ее задрожал.

– Да как ты можешь? Ты же сама меня сюда вытащила?!

Наталья поняла, что переборщила.

– Ну ладно, ладно! Конечно, я тебя вытащила. Так ведь я ж тоже тебя спасти хотела. Сама знаешь, от чего.

Маша плакала, закрыв лицо руками.

– Ну, прости! Ну, давай с тобой отцовской наливочки выпьем.

Она вытащила бутылку и две рюмки.

Маша всхлипнула и опрокинула рюмку. Затем сказала:

– Дура ты! Разве ж я ради себя стараюсь? Для него же…

– Ну, дура я, дура.

Ребенок заворочался, захныкал. Обе мамы подскочили к нему. Одна покачивала коляску, другая убаюкивала, что-то напевая.

Когда он успокоился, Маша подняла голову:

– Что же с ним делать?

Наташа подошла к столу, налила в рюмку вишневый напиток, посмотрела на свет, как играет вино в хрустале, и сказала еще раз:

– Что-нибудь придумаем.

И опрокинула в рот тягучую жидкость.

57. На перроне. Степан, Андрейка и собаки.

На перроне стояли Степан, Андрейка и собаки. Но среди них почему-то не было Буратино.

– Ну что, поедем без твоего Буратино? – спросил Степан.

Андрейка покачал головой.

– Нет. Если он не придет, значит, с ним что-то случилось. Тогда не поедем.

– Да поехали. Семеро одного не ждут.

Андрейка нахмурился.

– Нет.

В это время послышался резкий гудок электрички.

– Смотри, билеты пропадут. Поехали.

Но Андрейка упрямо покачал головой.

В ту же минуту в конце перрона показался бегущий Буратино, который кинулся на грудь Андрейке. Прагматичный Степан улыбнулся. Кажется, даже собаки обрадовались.

– Ну, где ты бродишь, а?! – воскликнул Андрейка и поцеловал Буратино в нос.

– Ну все, пошли, пошли, – стал подгонять их Степан, поскольку электричка уже гостеприимно распахнула двери.

И все поспешили в вагон.

58. Коридор. Отъезд Галины Григорьевны и Шурки.

Рано утром Галина Григорьевна в коридоре давала последние наставления Марии. Рядом стоял одетый в новую легкую курточку Шурка. Джина скреблась когтями в дверь кухни.

– Тут главное – в поводок вцепиться как следует. Если она твердую руку чувствует – будет смирной, как овечка. Понятно?

– Понятно, – уныло сказала Маша.

– Наталья-то спит?

– Да, она сегодня на работу не пойдет.

– Ну, пусть спит.

Затем она оглянулась на Шурку.

– Ну что, пойдем, попрощаемся?

Они прошли на кухню. Джина жалобно гавкнула несколько раз. Затем

бабушка с Шуркой вышли, затворив за собой дверь. Маша успела забежать в свою комнату и вынести оттуда небольшой целлофановый пакет с конфетами «Золотой ключик».

– На, – протянула она конфеты Шурке. – Возьми на дорогу.

– Не, – ответил он. – Я конфеты не ем. Принципиально. Чтоб не привыкать.

И повернулся к двери.

– Ну ты, принципиальный, – сказала она. – Бери, раз дают.

Она сунула пакетик в карман его куртки.

– Привыкай.

Он смешался, затем по-взрослому протянул руку:

– Спасибо.

Бабушка взяла в руки две тяжелые сумки. Шурка молча перехватил их у нее.

– Ну, с Богом! – она перекрестилась. – Будьте все здоровы.

– Счастливо, – улыбнулась Маша. – Удачи.

– Удачи, – отозвался Шурка, сгибаясь под тяжестью сумок. Галина Григорьевна открыла дверь. Шурка вышел на лестничную площадку, бабушка в последний момент повернулась, перекрестила дверь Наташиной комнаты, Машу, а напоследок и дверь в кухню, откуда не доносилось ни звука.

– Ну, с Богом, – еще раз сказала она и вышла.

Маша кивнула и закрыла за ней дверь. Затем подошла к кухне, прислушалась. Там по-прежнему было тихо.

59. Коридор. Лестница в подъезде.

Маша открыла дверь кухни. Джина вышла в коридор, вопросительно посмотрела на нее. Она наклонилась к ее шее, прикрепила поводок к ошейнику, затем заглянула в глаза:

– Ну, пойдем?

Джина поняла, бросилась к двери, нетерпеливо повизгивая.

Уже на лестнице собака так натянула поводок, что Маша чуть не упала, но продолжала обеими руками держаться за пластмассовую ручку. Тем не менее, она пулей пролетела два этажа и выскочила на улицу вслед за Джиной.

60. Улица.

Здесь Джина остановилась, напряженно принюхиваясь, и вдруг кинулась в сторону автобусной остановки, видневшейся впереди метрах в ста. Она так рванула, что Маша мешком свалилась на землю, но поводка не выпустила.

– Остановись, дура! – кричала она. – Они давно уехали!

Но Джина с воловьей силой тянула вперед. Наконец Маша не выдержала, отпустила поводок. Джина стремглав бросилась к остановке. Маша, чертыхаясь, поднялась, отряхнулась. Прохожие оглядывались на нее, а она, прихрамывая и чуть не плача, побежала за собакой. А та сновала взад и вперед у остановки, пугая собравшихся здесь людей. Маша подбежала к ней, перехватила поводок, потянула ее к дому, сгорая от стыда.

– Что ж ты делаешь, скотина, – со слезами в голосе говорила она. – Что ж ты делаешь, а?

– Что за наказание на мою голову, – все сокрушалась она, подходя к подъезду. Здесь она оглянулась и обнаружила, что рядом с Джиной крутится какая-то дворняга.

– Пошел вон, идиот! – завопила она страшным голосом так, что испугалась и Джина, а приблудный кинулся улепетывать со всех ног. Маша опустилась на скамейку, сжимая поводок. Джина отошла к дереву, а затем подбежала к ней. Маша сказала устало:

– Мне ж с тобой еще целую неделю мучиться! Будь же ты человеком, дура!

Джина села перед ней с виноватым видом. Маша протянула руку, погладила ее по голове и вдруг вскрикнула:

– Боже мой! Мне ж на работу!

И бросилась наверх.

61. Переход. Встреча с матерью.

Андрейка подливал собакам воду в пластмассовую плошку, когда показалась Светлана, которая еще издали жестом поприветствовала его. Андрейка помахал ей в ответ.

– Привет, – сказал он.

– Привет. А ты уже на посту?

Он кивнул. Она раскрыла футляр, вытащила аккордеон, пробежала пальцами по клавишам.

В это время Мария сбегала в переход, торопясь на противоположную сторону. Андрейка поднял голову и прямо напротив себя увидел спешащую куда-то мать. Она, не заметив его, уже прошла вперед, когда Андрейка выпрямился с бутылкой в руке и отчаянно крикнул вдогонку:

– Мама!

Маша будто споткнулась, медленно повернула голову и посмотрела на него. Затем она сделала несколько шагов навстречу.

– Андрейка, – растерянно произнесла она. – Это ты?

– Я, мама, – кинулся он ей на шею.

Она обнимала его как-то отрешенно, непонимающе. Отстранив его от себя, она спросила:

– А… что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал? И что это за собаки?

– Я, – замялся он, – сам приехал. На электричке. Я вот для них деньги собираю. На еду.

И, поскольку она ничего не понимала, он добавил упавшим голосом:

– Это мои друзья.

– Ты, – с ужасом спросила она, – ты попрошайничаешь?

– Нет, – испугался Андрейка. – Нет, нет. Это же им на пропитание.

Лицо у Марии задергалось, пошло пятнами.

– Я же ради тебя все бросила, – с надрывом сказала она. – Чтоб у тебя к школе все было, чтоб вы с дедом не голодали.

Она вскочила, с гневом тряхнула его за плечи:

– А ты чем занимаешься, а?

И наотмашь ударила сына по лицу. Андрейкина голова мотнулась в сторону, он вначале закрыл лицо руками, затем бросился бежать к выходу. Собаки

окружили Марию, возмущенно лая, оттеснили ее к стене с плакатом. Она даже не пыталась сопротивляться, ошеломленная происходящим, но собаки не стали наседать на нее, а бросились вдогонку за своим вожаком.

Светлана с удивлением молча наблюдала за разыгравшейся перед ней сценой.

62. На улице.

Андрейка выскочил из перехода и оказался перед оживленной трассой Садового кольца. Он стоял в замешательстве, когда позади послышался лай и показалась стая. Собаки окружили его, возбужденно лая и как будто пытаясь ободрить в трудную минуту. За ними выбежала и Мария. Увидев сына, она закричала:

– Андрейка!

Андрейка выскочил на мостовую и побежал через дорогу, невзирая на поток снующих вокруг него автомобилей. Собаки бросились за ним. Мать тоже побежала следом. Они уже почти пересекли улицу, когда случилось несчастье. У самой бровки тротуара черная «Волга» задела Буратино, и тот отлетел в сторону, издав последний предсмертный вскрик. Андрейка на негнущихся ногах подошел к нему, взял на руки бездыханное тело. Голова пса бессильно повисла. Собаки притихли, стоя рядом. Мария порывалась что-то сказать, но, понимая драматичность ситуации, молча наблюдала за сыном. Он побрел в сторону вокзала. Собаки бежали рядом. Мать пошла за ними, стала о чем-то долго и сбивчиво говорить, то дотрагиваясь до его плечика, то забегая вперед. За шумом машин и общей суетой ее голоса не было слышно.

63. У дверей вагона.

У дверей вагона Андрейка остановился, повернулся к матери и сказал:

– Мама, ты не беспокойся, я больше сюда не приеду.

После чего он повернулся и вошел в вагон. Собаки попрыгали следом, только Белочка немного замешкалась, но тоже смогла прыгнуть.

– Прости меня, – запоздало крикнула она ему в спину.

Он ничего не ответил и прошел дальше в салон.

64. Вагон.

Была середина дня, салон оказался полупустым. Андрейка присел на свое обычное место у дверей. Собаки тревожно жались к его ногам. Вошедший вслед за ним крупный мужчина с бутылкой пива в руках просипел:

– Куда ты с дохлым псом в общий вагон прешь?

Андрейка поднял голову.

– Он не дохлый. Он спит.

И отвернулся к окну.

Мужчина уже нахмурил брови и хотел что-то возразить, когда сидевший рядом с Андрейкой старик осадил его:

– Ты ж вроде шел себе? Ну и иди. Чего к мальцу пристаешь?

Мужик сначала набычился, а затем махнул рукой:

– А ну вас всех!

Сделав глоток из бутылки, он прошел дальше. Вагон качался, голова Буратино моталась из стороны в сторону, хотя Андрейка старался удержать ее. Он не плакал, лишь иногда прижимался щекой к морде пса. Старик смотрел на него, и в какой-то момент протянул руку, сочувственно сжал худенькое плечико. Андрейка посмотрел на старика, опустил голову, затем вновь поднял ее и внезапно спросил:

– Дедушка, а это правда, что Бог всех простит?

Тот немного растерялся и замешкался, но ответил:

– Правда.

– И его?

– И его, – убежденно сказал старик.

Андрейка снова склонился над псом.

65. На станции.

Андрейка вышел на станции с Буратино на руках.

66. Поход через город.

Немного постояв, все они двинулись через весь город к кладбищу.

67. На кладбище.

Когда они, наконец, дошли до кладбища, Андрейка подошел к могиле отца и положил тело пса в ее изножье. Он огляделся и обнаружил возле соседней могилы обломанную старую лопату. Взяв лопату, он стал копать землю рядом с могилой. Затем посмотрел на собак и сказал им:

– Это мы должны вместе сделать.

Джульбарс первый понял, что от него требуется и начал рыть лапами землю. Жучка и Шарик присоединились к нему. А Белочка отказалась рыть могилу. Она подошла к Буратино и положила голову на его холодный бок. Вскоре могила была готова. Андрейка опустил на дно Буратино. Затем взял горсть земли и бросил вниз. После этого он стал осторожно сгребать землю, чтобы она медленно осыпалась в могилку.

– Вы тоже, – сказал он собакам.

Но Джульбарс опустился на все четыре лапы и положил голову на землю. Жучка и Шарик продолжали неподвижно сидеть, а Белочка заскулила. Андрейка засыпал могилу, затем сел рядом прямо на землю и заплакал.

68. У дома. Стычка со Степаном.

Когда Андрейка с собаками уже подходил к своему дому, дорогу ему преградил разгневанный Степан.

– Ты чего это, щенок, рабочее место бросаешь, а?

Собаки, услышав угрожающие нотки в его голосе, оскалили зубы.

– Я туда больше ездить не буду, – сказал Андрейка и хотел пройти к дому. Но Степан схватил его за плечо и грубо тряхнул:

– То есть как это не будешь?

Такого отношения к вожаку собаки стерпеть не могли. Джульбарс, рыча, бросился на Степана и вцепился в куртку. Остальные стали хватать его за ноги.

– А-а-а! – заорал Степан и кинулся наутек.

– Ну, погоди, сучонок! Ты у меня еще попляшешь, – донеслось уже издали.

69. Квартира деда.

Дома Андрейку встретил полупьяный дед с ребенком на руках. Он совал малышу старую Андрейкину игрушку – Буратино.

– О! Смотри, кого нам Бог послал!

– Откуда он у тебя?

– Это внук мой родной, а тебе брат двоюродный.

Андрейка подскочил к нему:

– Это Ваня?

– Он, он. Ну, вылитый я, а? Ну скажи, разве не похож? Наша кровь – кровиночка!

Андрейка протянул руки:

– Дай мне его.

– Держи. Только осторожно. Не урони. Наталья приезжала, оставила вот. Говорит, здесь ему веселее будет.

Андрейка держал на руках брата. Ребенок сосал соску и смотрел на него широко раскрытыми глазами.

– Теперь заживем. Наталья денег привезла. Каждый месяц приезжать обещала.

– А кормить чем будем?

– Чем их кормят? Молочком, кашками разными. Голодным не оставим.

– Не оставим, – кивнул Андрейка.

70. В комнате поздно ночью.

Андрейка спал в своей кроватке, когда послышался плач ребенка. Андрейка встал, зажег свет в большой комнате. Здесь за столом, свесив голову на грудь, спал дед. Перед ним стояла пустая бутылка. Ребенок заливался в своей колыбельке. Андрейка подошел к нему. Пустая бутылочка лежала рядом. Мальчик взял ребенка на руки, дал ему соску. Тот пососал немного, затем выплюнул ее и снова заплакал.

Несколько мгновений Андрейка стоял в нерешительности. Затем положил малыша на диван, стянул пиджак, который висел позади деда на спинке стула, расстелил на диване и закутал в него ребенка. Потом оделся сам, схватил с подоконника фонарик, взял на руки сверток и, не выключив свет в комнате, вышел на улицу.

71. На улице.

На улице было темно. Андрейка шел, освещая путь фонариком. Малыш не плакал, лишь кряхтел недовольно. Вскоре дорога привела их на заброшенную стройку.

72. В собачьей норе.

Здесь он отыскал вход в собачье убежище и протащил внутрь ребенка. Все собаки были здесь. Появлению гостей они обрадовались, окружили их, пытаясь лизнуть и того, и другого. Овчарка-мать не встала, поскольку щенята угрелись возле ее теплого бока, и ей не хотелось их беспокоить. Андрейка поднес к ней Ваню. Она облизала его лицо, а Андрейка сказал:

– Вот, принес тебе ребеночка. Его покормить надо.

Затем он приложил мальчика к ее светлому животу. Пришлось немного оттеснить в сторону щенят, которые повозмущались и вскоре успокоились. Ваня сам нашел сосок и зачмокал губами. Овчарка спокойно ждала, когда он насытится. Когда малыш перестал сосать, Андрейка взял его на руки и сказал:

– Спасибо… Машенька!

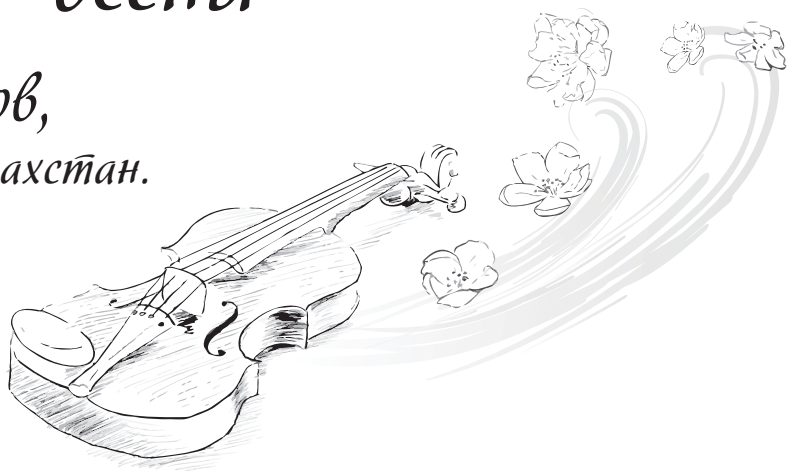
И поцеловал ее в нос.

После этого он снова положил ребенка рядом с ней, сам улегся тут же, и они заснули. Успокоились и собаки, улеглись вокруг Андрейки и его брата.

Лишь в полной темноте еще долго мерцали глаза овчарки-матери.

Музыка весны

Гани Баянов,
г.Алматы, Казахстан.



Мы с товарищем учились на последнем курсе художественного училища и снимали комнату в домике за парком. Много работали, часто за полночь. Утром спешили на занятия через парк к автобусной остановке.

Собирая материалы к дипломной работе, я бродил с этюдником по узким кривым улочкам, набрасывал эскизы. Друг иногда сопровождал меня, делал зарисовки. Мы тогда подолгу беседовали. Мой товарищ не расставался с очередным томиком стихов или прозы, который покупал или брал у друзей.

В тот раз был томик Бюхнера, недавно изданный. Читали по очереди. Нас волновала его судьба, яркая короткая жизнь, его проза.

Была середина мая. Яблони стояли в цвету. Красные крыши, беленые стены, зеленые ставни – все утопало в белой пене. И над всем этим изумрудом возвышался холм.

Мы любили гулять по парку в свободное время или когда возвращались с этюдов. Иногда забегали в кафе с открытой террасой, где заказывали чай или кофе. С каждым днем парк становился многолюднее и оживленнее. Это был старый парк, с могучими дубами, березовыми аллеями, мостиком над прудом, где с зимы сохло еще обнаженное дно. Пахучая клейкая молодая листва набирала силу. Иногда посреди ясного весеннего дня случался короткий дождь с громом, а в иные дни моросящая светлая пелена надолго закрывала солнце.

В один из таких дней вдруг брызнул дождь, и мы забежали в кафе. Заняв крайний столик у перил, заказали чай. Наблюдали, как крупные капли разбиваются о пол у деревянных решеток, падают на дорожку дубовой аллеи, превращаются в серебристую пыль, ударяясь о зонты спешащих прохожих.

Вслед за нами влетела стайка девушек. Они устроились за столиком напротив, оживленно переговариваясь, искоса поглядывали в нашу сторону. Вбежали две женщины, укрывшиеся одним дождевиком, стряхнули капли с плаща, встали у прохода, о чем-то разговаривая. Мужчина у стойки тянул кофе,

перешептываясь с буфетчицей. Дождь, так неожиданно начавшийся, судя по всему, зарядил надолго.

Мы и не заметили, как с боковой аллеи к террасе не спеша подошли девочка лет четырнадцати и пожилой мужчина. Девочка держала большой черный зонт, придерживая старика за локоть. Рядом плелась собака, прижимаясь к ногам хозяев. Они поднялись на террасу. Старик держался прямо. Его белые поредевшие волосы ниспадали на плечи. На шее был завязан тонкий шарф. Обеими руками он прижимал к себе потрепанный скрипичный футляр. Девочка сложила и стряхнула зонт, взяла под руку старика, подвела к свободному столику и осторожно усадила. Потом взяла у него футляр и положила на стол. Собака улеглась у ног хозяина, опустив вислоухую голову на лапы и печально глядя на него. Девочка подошла к стойке и заказала чай. Она была в теплых чулках и ботинках со шнурками. Из-под берета выглядывали две косички и челка. Старик, приняв чай, стал медленно пить. Девочка, обхватив стакан обеими руками, осторожно отпивала обжигающий напиток. Мы с любопытством поглядывали на странных гостей. Даже девушки притихли.

По крыше террасы, по листве, яркой траве и асфальту шуршал дождь. Он был негромкий и монотонный. Все молча вслушивались в эти звуки. В полупустых стаканах остывал чай. Старик отставил свой стакан и, сцепив хрупкие пальцы, сидел торжественный и строгий. Девочка, подперев голову рукой, о чем-то задумалась, глядя вдаль. Женщины, прислонившись к деревянным колоннам, все так же стояли у прохода. Мужчина у стойки, потирая пустой стакан, о чем-то молчал. Буфетчица, обхватив подбородок ладонями, молча смотрела на дождь. Из-под белого накрахмаленного платка выбивались рыжие пряди. Ее веснушчатое лицо светилось тихой улыбкой. Только девушки снова о чем-то шептались.

– Дедушка, сыграй, пожалуйста!

Девочка произнесла эти слова, не поднимая головы и не отрывая глаз от дождя. Руки старика вздрогнули, он разомкнул пальцы. Лицо просветлело. Немного подождав, еще вслушиваясь в дождь, он медленно повел рукой, нащупал футляр, осторожно коснулся потертой кожи и замер. Потом медленно поднялся, отодвинул стул и открыл футляр. Инструмент был завернут в бордовый бархат. Откинув его, старик бережно вынул скрипку и смычок. Поднес инструмент к подбородку, тихо тронул струны, затем привычно провел смычком, настраивая, и заиграл.

Девушки притихли, удивленно и восторженно глядя на музыканта. Одна из женщин у колонны обернулась на звук и замерла. Буфетчица, скрестив руки на груди, смущенно поглядывала то на музыканта, то на своего собеседника. Музыка набирала силу, полнила террасу, вытесняя шорох дождя. Она лилась между светлыми струями, таяла где-то в конце дубовой аллеи. Старик играл, чуть раскачиваясь в такт мелодии. Глаза его были закрыты, морщины разгладились, лицо светилось, и на ресницах сверкали капли, словно брызги дождя.

Музыка наполняла душу щемящей грустью, тревожила сердце. И этот светлый дождь, цветущая весна, будущее – все казалось значительным,

наполненным красотой и трудом… Музыкальный этюд заканчивался. Последние звуки, почти неслышные, долго трепетали в воздухе, пока не смолкли совсем. Старик опустил скрипку и замер.

Наступила удивительная тишина. Только с листьев падали капли и вдоль аллеи струились тонкие ручейки.

Но вот брызнул свет, и тысячи сверкающих солнц ожили на траве, на перилах, на листьях. Защебетали птицы. Заерзали на своих местах девушки, вскочили и высыпали на аллею, оживленно и весело перекликаясь, застучали каблучками по асфальту. Заторопились женщины, подхватив дождевик, пошли, переговариваясь, к выходу.

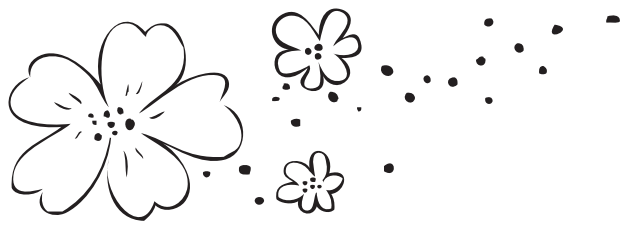
Старик, внимательно вслушиваясь в звуки оживающего парка, аккуратно сложил инструмент, завернув его в бархат, и закрыл футляр. Девочка поправила свой берет, складки на юбочке, взяла зонт и, поддерживая старика под руку, повела его к выходу. Собака, виляя хвостом, прошмыгнула между ног хозяина, побежала вперед, весело оглядываясь на старика и девочку. Они осторожно спустились с террасы, свернули на аллею и стали медленно удаляться.

Я долго провожал их взглядом. Музыка все не отпускала меня…

Заметки из кармана

(о людях с чистой душой, о цветах, птицах, дворниках и экологических акциях)

Елана Кудинова,
г.Алматы, Казахстан.



Планета дворников

Раньше всех в городе просыпаются дворники. Очень полезная профессия – дворник. Дворникам надо бы назначить самые высокие зарплаты, возможно, это поможет вернуть почет и уважение к профессии.

Дворники живут по принципу Маленького принца Экзюпери – «Проснулся, приведи в порядок свою планету!» Правда, нашим дворникам не приходится выпалывать маленькие баобабы, как это каждое утро делал Маленький принц. Помните, принц боялся, что если однажды утром он не выдернет с корнем пока еще крошечный баобаб, то баобаб может вырасти и разорвать своими огромными корнями всю планету. Планета-то маленькая.

Нашим дворникам приходится бороться уже с выросшими баобабами.

– Если не убирать, то через два дня люди будут ходить по колено в грязи и делать вид, что не замечают мусора! – говорит пожилой дворник.

Этот дворник поразительно похож на рыбака: длинные резиновые сапоги выше колен, в руках сачок, таким, наверное, можно было бы ловить рыбу. Этим сачком грустный «блюститель порядка» прочесывает один из центральных фонтанов города. Улов получается богатый: бутылки, фантики, окурки. Если по чистоте газовой плиты можно судить о хозяйке дома, то по «улову» городского дворника – о типичном горожанине.

Типичный горожанин – увы! – тот, кто не доносит до урны отходы своей жизнедеятельности. Бросает там, где сидел, около лавочки, на остановке, в фонтан. Типичный горожанин щелкает семечки на остановках, выплевывает окурки в канавы. Одним окурком меньше, одним больше. Все же так делают!

Типичный горожанин в жару пьет кока-колу, а тару от жидкости выкидывает из окна автобуса или собственного авто.

Может, все дело в недостаточном количестве урн в городе?

– Может, да, может, и нет, – «дворник-рыбак» сомневается. – Поставь здесь еще пять урн, возле них быстро вырастет гора мусора. Культуры нет.

Интересный факт. Раньше парк Горького гордо носил звание парка КУЛЬТУРЫ и отдыха. Сейчас слово «культура» куда-то стыдливо исчезло. Отдыхает, наверное.

Утром на зеленых машинах по центральным улицам ездят рабочие в зеленых безрукавках, работа у них такая – убирать за горожанами. Проснулся, приведи в порядок свою планету.

Выходит, это не наша планета? Или мы просто еще не проснулись?

Акция «Чистые реки»

Хорошая новость – акимат взялся за нашу речку! И стар и млад прибежали смотреть, что из этого доброго дела получится. Десятки груженых КАМАЗов вывозили из речки наследие прошлых лет и вываливали его на площадку, где раньше играли дети. Банки-склянки, бутылки, телевизоры, емкости, железные печки, спинки от кроватей, поломанные велосипеды… Такое богатство, поднятое со дна речки всего за несколько дней, не снилось и самому удачливому археологу!

Речка эта в народе недаром зовется Поганкой. За последние пятьдесят лет ее каждодневно поганили. Многие упаковывали мусор в мешки, которыми укрепляли берег для защиты от весенних паводков. По речке совершали каждодневные рейсы быстроходные пластиковые «корабли», имеющие обыкновение устраивать заторы в трубах. Поганить стало неотъемлемой народной привычкой, делом житейским, само собой разумеющимся. Поэтому-то народ очень интересовался происходящими изменениями. Как же мы будем жить дальше без поганства?

Сосед дядя Степа, мечтающий о приватизации речки, впал в уныние. На берегах у него был настоящий склад: трубы, мешки и прочие драгоценности прозябали здесь последние двадцать лет и никому не были нужны. А тут в один день их сдвинули с места!

В остальном всем понравилась чистка. Улыбающиеся жители с видимым удовольствием бросали пустые бутылки в неузнаваемо чистый канал, освобожденный от зарослей ивняка и карагача.

И лишь птицы плакали. В июле они готовят подросших птенцов к учебным полетам. А тут, вдруг, акция «Чистые реки». Тщетно горлинки уводили от гнезд страшные тракторы. В один момент все гнездовья: соловьиные, скворчиные, голубиные – были уничтожены.

А под камнем у дороги сиротливо сидел маленький пыльный лягушонок.

Невеста для сыночка

С утра за нашей калиткой раздаются протяжные возгласы соседки:

– Денечка, сыночек, ты что калитку открыл… скотина безрогая… Иди домой, я тебе уже кашку сварила, маленький ты мой.

– Рема, домой, тебе говорю, бродяга ты этакий!

Два пса – гроза всей округи – несутся вприпрыжку, словно они не собаки, а мальчишки. Ластятся, улыбаются в собачьи усы. За ними еще стайка мелких пародий на собак. Пять или шесть штук.

Соседка живет в своем придуманном очень светлом мире. Люди ее интересуют постольку-поскольку. Ни перед кем не извиняется, не обсуждает никого, косточки не перемывает.

Но если говорить о косточках, о них она знает все. Где купить куриные, говяжьи, по десять «копеек», да по двадцать с мясом, где фарш, а где голь… И вот парадокс, соседи, покусанные ее собаками, несут обрезки картофеля – разнообразить скудный собачий рацион. Невозможно долго сердиться на человека, который сам сердиться-обижаться не умеет.

– Ты видел, милок, невесту для моего сыночка? – это она у рабочего справляется. Работяга, только что удиравший от огромного клейменого алабая, переспрашивает:

– Невесту? Какую? Кому?

Ему невдомек, что невеста требуется шестимесячному Рему, Рембо, «сыночку», лапочке. На будущее, когда подрастет.

Убить виртуального кота

Около костра взрослые парни, уже отцы семейств, вспоминали, как они в детстве мучили кошек, били бутылки, взрывали порох, чуть не угнали КАМАЗ. И возник спор: хорошо это или плохо. Мужчины авторитетно заявили, что все мальчишки так генетически устроены, им надо что-то взрывать. Женщины возмущались, неужели все? А наши сыновья, эти милые малыши? Тоже??? Тоже будут привязывать к хвостам котов банки, стрелять из рогаток по птицам? И что, эта детская жестокость – неизбежность?!

– Не переживайте, женщины, – утешали мужчины. – Возможно, наши сыновья будут сидеть у компьютера, играть в стрелялки и убивать всего лишь виртуальных котов.

Но женщины не понимали. Чем же это лучше, если жестокость все равно остается?

Ничего не накапливается

– Чтоб она сдохла! Черт бы ее подрал!

– Что ты, так отзываться о людях!.. Разве так можно?

– Зато выскажусь, и у меня ничего не накапливается!

…Ничего хорошего не накапливается…

Подснежниковый год

Пропустить цветение подснежников – все равно что потерять весну. Есть что-то в этих цветах особенное... Вроде маленькие, скромные создания. А полюбуешься ими весной, и на весь год заряжен положительной энергией!

Идем любоваться на первоцветы нашего края – белые крокусы и синие ирисы Колпаковского. Эти краснокнижные цветочки – эфемероиды, от греческого «эфемерос» (однодневный) и «эйдос» (вид). Живут они недолго, и застигнуть их в цветении – настоящее счастье.

Одной дорогой со мной идет соседка – резиновые сапоги по колено. Она цветы скашивает и в мешок, на базар. Мы беседуем. Я говорю:

– За каждый сорванный подснежник сейчас штраф 584 тенге. Есть такой проект по защите горных растений. За дело взялась Организация Объединенных Наций.

Она сразу утрачивает ко мне доброе расположение:

– А я луковицы не рву. Только цветы срезаю.

Зеленая, жужжащая, благоухающая, наполненная тысячами маленьких жизней, нас встречает гора. Она с подножия до верхушки усыпана веснушками цветов. Этот год подснежниковый. Такое редко бывает.

Здесь наши дороги с соседкой расходятся. Вынимаю свое фоторужье, «перелетаю» от одного цветка к другому. Появляется настоящий охотничий азарт. Кажется, что там, за пригорком, цветов будет больше, и их действительно там больше. Кажется, что я сейчас увижу что-то совсем необыкновенное…

По мере удаления от людских тропинок, за тремя перевалами, цветы становятся все крупнее. И растут уже не по одному, а целыми семействами. Луковички, с которых в прошлом году не сорвали цветок, дали несколько деток.

В этом благословенном затерянном краю я нахожу свой клад. Целый букет нежнейших ирисов Колпаковского с изумительным запахом! Вот это букет! Такой не получала ни одна женщина на Восьмое марта! Потому что здесь каждый цветок развернут лепестками к солнцу. Потому что в одном из них приютилась божья коровка, в другом грелся белый паучок, а к третьему летела оранжевая пчела! Нос у меня желтый от сладкой пыльцы. И кто это сказал, что подснежники не пахнут?

Дети гор

На киргизском джайлоо ущелья Каракол, там, где люди такие же чистые, как горный воздух, мы остановились на ночевку у одной семьи. На первый взгляд – обычная чабанская семья, мужчины выпасают скот, женщины охраняют очаг в юрте…

Но что-то было в этих людях необъяснимо прекрасное, что завораживало нас, жителей миллионного города.

Самовар в юрту принесла тетушка Шаршаган, доброжелательная гостеприимная женщина, возраст которой невозможно определить по внешнему виду. Она лучезарно улыбнулась и предложила выпить чаю.

– Сидите, у нас традиция, гостям наливает чай хозяйка.

Неспешно, будто она владела целой вечностью, наливала тетушка Шаршаган в пиалы ароматный чай с густыми сливками. Такого вкуса может быть чай только в юрте, только приготовленный на живом огне, только со свежими сливками от тучных коров.

Потом хозяйка удалилась, сообщив, что с нами в юрте будут спать еще три мальчика, ее сыновья.

Солнце над ущельем встает поздно – в 9 часов, чабаны к тому времени уже успевают и коров подоить, и позавтракать, и коней угнать на верхнее пастбище.

Это нам, городским, по привычке хочется подольше поваляться в кровати. Но здесь не поваляешься, холодно! Не спасают ни теплые стеганые одеяла из овечьей шерсти, ни кошма, ни спальники. Продрогшие насквозь, мы выползаем на свет Божий. На нас с недоумением смотрит годовалый Кулунбек: чего, дескать, мерзнете? Мы с таким же недоумением смотрим на Кулунбека: малыш, как это ты не мерзнешь?

Чабанским детям мерзнуть некогда. Парнишки уже допиливают пилой-«дружбой» толстую ель для костра: «Это наш киргизский саксаул!» Семиклассница Айзада, внучка тетушки Шаршаган, доит корову.

Это только городские дети на вопрос, откуда берется молоко, могут ответить: делают на заводе, выпускают в тетрапакетах.

Дети чабанов точно знают, откуда берется молоко. Молоко – продукт, получаемый из сочных трав, солнца и прозрачной воды. Перед дойкой к корове сначала подпускают теленка. Теленок жадно чмокает, дергает сосок, молоко брызжет на его мордашку. Затем теленка опять привязывают подальше от коровы, пусть щиплет травку, иначе он не оставит молока для людей. Теленок недоволен. А молоко под ловкими руками льется струями в ведро. Совсем скоро из молока эти же умелые хозяйские руки сделают много других продуктов: сливки, айран (это кефир, больше похожий на простоквашу), курут (курт), пыштак (творог)…

Неторопливо выкатывается из-за высоких елок солнце. Мерно, как часы, урчит сепаратор – это тетушка Шаршаган перерабатывает молоко. Айзада подогревает ледяную воду на печке в казане, у нее есть еще одна обязанность – стирать вещи всей семьи. Ее четырехлетняя сестренка Гульзада носит в казан воду из речки. Ни слова недовольства, без обычных для городских детей капризов! Таков уклад жизни в горах. Все вносят что-то свое в общее дело.

– Гульзада первое лето с нами на джайлоо. В прошлом году всего четыре дня была, – говорит тетушка Шаршаган, с любовью посматривая на внучку.

Городской ребенок Илья – дитя центров раннего развития – показывает Гульзаде свои игрушки: яркие машинки, совочки, леечки. Для чабанских детей такое количество игрушек кажется явлением необычным. У Гульзады из игрушек – одна лишь кукла Маруська с подпаленными в костре волосиками и самосшитыми одежками.

Но кто знает, что лучше – множество искусственных пластмассок или живые цветы, бабочки, лошади, облака, просторы, реки, горы – необозримое богатство, которым безраздельно владеет маленькая Гульзада?

Илюшка упорно называет Гульзаду «длуг» и «мальчик», и я понимаю, что убеждать ребенка в том, что Гульзада – это девочка, бесполезно. Прическа короткая, штаны, в машинки играет, не хнычет, не плачет, воинственно покрикивает на собак и коров.

Мы все вместе, горные и городские, играем в вечные мальчишеские игры. Мы нагружаем Илюшкин КАМАЗ шишками и делаем для машинок гаражи под корнями ели.

– Сейчас накроем гараж крышей, – говорит двенадцатилетний Урмат. Он несет кору, ловко вбивает камнем опоры для крыши, обтесывает ножичком палки. В каждом движении Урмата видно суровое горное воспитание. В горах каждый маленький мальчик воспитывается прежде всего как хозяин, умеющий и костер разжечь, и корову подоить, и крышу дома покрыть. В год-два отцы сажают их с собой на лошадь, и в пять лет такому мальчику можно доверить целое стадо и подарить ему коня.

Урмат играет с нами, а сам на телят да лошадей посматривает, не убежали ли через речку? Впрочем, у Урмата есть отличные помощники – чабанские собаки. Только теленок хотел самовольно выбрать себе лужайку, как вроде бы дремлющий возле нас черный пес Акдос без подсказки мигом вернул беглеца на место. На мой восхищенный возглас Урмат отреагировал спокойно:

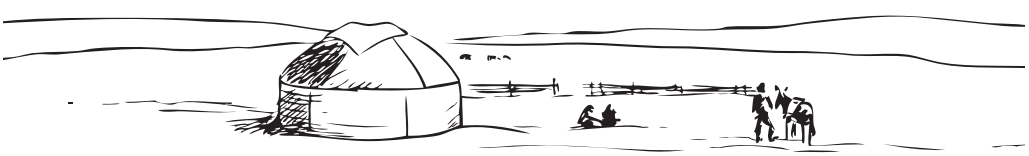
– Мы не учим собак пасти стадо. Этому их учит старшая собака – вожак. А у Акдоса пасти животных и охотиться – в крови. Он породы тайган, киргизская борзая.

К обеду собирается вся киргизская семья: отец семейства, несколько взрослых парней, мальчики, внучки. Я пытаюсь сосчитать их всех и сбиваюсь со счета.

– Сколько же у вас детей? – так и не сосчитав, спрашиваю у тетушки Шаршаган.

– Девять, – почему-то смущаясь, отвечает улыбчивая женщина. – Семь сыновей и две дочери. И внуков семеро. Самой младшенькой внученьке четыре месяца, она внизу в поселке, в лесхозе. Скоро вот два сына одновременно женятся, еще внуки будут.

…Когда говорят о людях с чистым сознанием, я всегда вспоминаю чудесную семью тетушки Шаршаган, ее девятерых детей, семерых внуков, у каждого из которых есть свое место под солнцем. Вспоминаю о редком трудолюбии, внимании друг к другу, неспешности и о жизни в гармонии с природой.



Гибискус

Это инопланетянин, внегалактический пришелец в моем саду. Фантастического цвета марсианских впадин. Прожилочки на лепестках словно пульсирующие вены. Пестик увенчан какой-то несусветной загогулиной – танец выдуманных индейцев замзибабвэ-пуанкарэ.

Крупный. Если сложить мои ладони, то он больше будет.

Красота неописуемая. Такой может сниться в самых прекрасных снах. Стоять в самых пленительных вазах.

Замечательный! А вот запаха, как, допустим, у скромного флокса метельчатого, нет.

День подсолнуха

Помню, в конце прошлого учебного года мы спрашивали у школьников: «Какие у вас планы на лето?» Кто-то собирался поехать отдыхать в лагерь, кто-то поваляться на диване, кто-то наиграться в компьютерные игры. Обычные детские желания.

И лишь одна девочка ответила мне тогда необычно, не так, как все.

Она сказала: «Я хочу летом вырастить подсолнух!»

Странное желание для девочки, живущей в самом центре большого пыльного города. Но желание было настолько сильным, что девочка нашла десять нежареных семечек (вы, знаете, оказывается, это очень трудно – найти нежареные и несоленые!). Она бережно положила их в коробочку во влажную вату.

Потом каждое утро бегала посмотреть – не проклюнулись ли росточки?

Это такое необъяснимое чудо, что в каждом семечке скрыта неповторимая информация. В семечке дыни спрятана сладость, в семечке перца – горечь, в семечке яблока только внимательный увидит тонну яблок, а в желуде – огромный дуб!

Подсолнушки проросли. Очень быстро, по-моему, уже на третий день. Десять маленьких живых змеек.

Через неделю мы вместе с юной мечтательницей высаживали подсолнухи

за городом в зеленом саду рядом с розами. Не успели мы опустить их в рыхлую землю, как начался дождь, мечтающий полить наши посадки.

Подсолнухи росли не по дням, а по часам, борясь за жизнь с гусеницами, собаками и засухами. Через месяц из десяти их осталось всего четыре. Но это были настоящие бойцы с толстыми стеблями и сильными листьями! Они, как и хотели, доросли до неба, переросли девочку в два раза! Они каждый день поворачивали цветущие головы вслед за солнцем.

А сегодня семечки поспели!

Перелетные птицы

Недавно с восхищением смотрела, как летит над рекой Или журавлиный клин. Крыло в крыло, в едином воздушном потоке, протяжно курлыча, возвращались странники домой с зимовки. По той же неизменной воздушной дороге, по которой тысячелетиями летали журавли. Летели они, снова возвещая о силе весны, о любви к земле, о красоте полей, о бездонности неба. Они не останавливались даже ночью, звезды бережно направляли их на верный путь. Время от времени сменяя вожака, стая продолжала полет.

А кругом цвела земля. Маки, тюльпаны, кукушкины слезки, ирисы и примулы провожали взглядами гордых птиц. И казалось, что каждый цветок, всеми силами тянущийся к солнцу, мечтает полететь вместе с птицами.

– Смотрите, лебеди! – вдруг раздается чей-то голос.

И вправду, за журавлями летят два лебедя. Такое зрелище для нас, горожан, явление вообще невиданное. Мы с замиранием сердца провожаем взглядами величавых птиц. Эх, и почему только у людей нет крыльев?

– Лебедь особая птица, – говорит один из наших спутников. – У нас, у казахов, есть такое поверье: если подстрелишь лебедя, то в твоей жизни все пойдет наперекосяк.

Молчим, каждый думает о своем…

Тишину нарушает заводная песня ласточки-береговушки. Ни с чем не спутаешь ее песенку: целую тираду произносит на одном дыхании. Прилетели

ласточки, голубушки! Как мало их осталось в городе! А ведь бывало, в каждом подъезде навьют, налепят гнездышек своих и ждут терпеливо, пока кто-нибудь дверь откроет, чтобы к себе домой попасть.

От нас, людей, во многом зависит будущее птиц.

Легенда о черном альпинисте[1]

Александр Лухтанов,
Алексей Марьяшев,
г.Алматы, Казахстан.

Радость первой победы

Где-то в портовых городах мальчишки грезят морем. Почти все книжки о приключениях связаны с плаванием по неведомым океанским просторам. Там морская экзотика, штормы, пираты, сокровища и даже людоеды. И все же Лешка был твердо уверен, что горы ничем не уступят всем морям и океанам. Он никогда не видел не только моря, но даже большого озера, поэтому морские просторы представлялись ему однообразной, плоской неинтересной пустыней. Плывешь много дней, а кругом все одно и то же: вода и вода. То ли дело горы, где на каждом шагу открываются новые картины: теснины, громады скал и вершин, снега, ледники, реки и водопады. Нет, море – ничто по сравнению с горами!

Что же так тянуло его к горным вершинам? Лешка и сам толком этого не знал и уж точно не смог бы объяснить. Но ясно, что не одно любопытство. Хотелось карабкаться по скалам, с замиранием сердца лезть все выше, ощущать себя птицей, со страхом заглядывать в пропасти, а выбравшись на макушку горы, сказать самому себе: я смог, я победил! Нет, Лешка не был честолюбив, и слава ему – ни к чему. Он искал настоящее дело, чтобы захватывало целиком. И нечего слоняться по улицам, когда горы рядом и ждут тебя!

К июлю в городе установилась жара. Площади и перекрестки полыхали жаром раскаленного асфальта. Лишь под сенью деревьев у журчащих арыков можно было найти спасение от духоты.

Ночи благоухали ароматами душистого табачка, липы… Из-за заборов красными гроздьями свисали черешни и вишни.

Горы стремительно освобождались от снега, обнажая черно-серый испод скал. Полностью оголились Кумбель и Большой Алматинский пик. Лишь под самой макушкой скалистой башни пика Абая остались рваные клочки снега.

Настало лучшее время для восхождений. Для этой цели Леся давно наметил вершины. «Возьмем Абая, а там рядом и Чкалов». Он уже обдумал и план предстоящего похода. Конечно, это была большая дерзость – идти сразу на

[1] А.Г.Лухтанов, А.Н.Марьяшев. Легенда о черном альпинисте. – Алматы, 2007. Главы из книги публикуются в новой редакции.

такие серьезные вершины, но для этого, как он считал, были все основания. Во-первых, казалось, что эти горы расположены ближе других, а самое главное, Лешка знал, как до них добраться. Доехать до Медео, а там уже путь ясен. Вершины все время стоят перед глазами, и заблудиться невозможно.

Как совершить восхождение, Леша представлял смутно. Ясно, что одному это не сделать, нужен надежный спутник. А еще веревка, чтобы идти в связке. По скалам лазать Леша уже пробовал на Медео. Веревку можно взять бельевую, у бабушки. Оставалось найти спутника. Шурка уехал с отцом в Киргизию, да еще неизвестно, согласился бы он. Оставался Витька – отчаянная голова, по прозвищу Брэк. Его уговаривать не пришлось. Он лишь засомневался: отпустит ли мать.

– Скажи, что поедем отдыхать на Медео, – сразу нашелся Лешка.

– Конечно, – обрадовался Брэк. – Вот бы еще раздобыть еды.

– Да, прихвати одеяло! – напомнил друг. – А я возьму у бабушки клеенку на случай дождя.

…Утром по тропе, ведущей меж елей, они поднимались на Чимбулак. В небе ни облачка. В прозрачном свежем воздухе вершины сияли нетронутой чистотой. Видимость такая, что различались каждая скала, ложбинка, бугорок. Под стать погоде и настроение самое боевое, и никаких сомнений в успехе.

– Вернемся, вот Шурка завидовать будет!

– Еще бы! Пусть-ка попробует сходить сам.

Давно уже елки остались далеко внизу, путь прокладывали напрямик по склону горы, пересекая скалистые гряды и овраги, пока не подошли к краю глубокой расселины. Лешка заглянул вниз и отпрянул назад. Каким-то ужасом веяло от этого бездонного провала.

– Ого! – присвистнул Витька. – Это тебе не лазанье по деревьям на Поганке. Давай-ка забирать левее.

Друзья выбрались на гребень. Перед ними открылась грозная картина. Прямо напротив, подавляя своей мощью, стоял пик Комсомола, весь закованный в лед, с зубцами скал на гранях вершины. Но самое главное – пик Чкалова, на который Лешка планировал второе восхождение, оказался на другой стороне глубокой пропасти. На дне ее лежал ледник. А ведь из города казалось, что вершины почти рядом. Такой оборот дела менял все планы и не входил в расчеты восходителей. Оба молча разглядывали ущелье, прикидывая возможный путь ко второму пику. Стало понятно, что он нелегкий, придется терять с таким трудом набранную высоту.

– Да, нехорошо получается, – прервал молчание Лешка, – здорово мы просчитались.

Но делать было нечего, нужно выполнять то, что наметили, и карабкаться вверх.

Вершина была еще далеко, а солнце уже клонилось к западу. Где-то за скалами чуть слышно рокотал водопад, далеко внизу прогремел камнепад.

К концу дня воздух стал еще прозрачней, а небо ясней. Чувствовалась высота. Облака проносились так близко, что их хотелось потрогать руками. Стоял июль, а под ногами лежал снег. Он хоронился у подножья самых высоких утесов, в расщелинах и ложбинах.

– Чудно! – признался Витька. – Скажешь дома, ни за что не поверят, что ходил по снегу.

– Это так, – подтвердил Лешка. – Хотя снег из города виден, а все равно, поверить трудно. Лучше уж никому не говорить.

Скоро снег превратился в жесткий фирн, на котором плохо держали ботинки. Кошек не было, идти стало скользко и опасно, поэтому решили выбраться на скалы. В каком-то киножурнале Лешка видел, как альпинисты шли гуськом, связавшись одной веревкой. Но там был снежный склон, хотя и крутой, но не настолько, как эти скалы. Сорвешься, веревка не поможет. Сверху удержать падающего невозможно, это Лешка понимал: слишком силен будет рывок, и тогда упадут оба. Зато идущий впереди вполне может подстраховать идущего следом.

– Брэк, будем страховаться веревкой, – предложил он.

– Конечно, – согласился тот, – будем идти по очереди, один следит, другой лезет. Вот только кошек у нас нет.

– Кошки – это по льду ходить, а здесь нужны крючья.

– Это …чтобы цепляться за выступы?

– Не цепляться, а в скалу вбивать.

– Как же его вобьешь, ведь камень – это не дерево.

– Вбивают в трещины, а потом веревкой за крюк цепляются.

– Чудеса! – удивился Витька. – Выходит, что альпинисты сами себя подвешивают?

– Получается, что так. Зато, если сорвешься, далеко не улетишь. Повиснешь на своем же крюке.

– Здорово, – согласился Брэк, – нам хуже, только на свои руки остается надеяться. Может, тогда вообще отказаться от веревки? – предложил он. – Она нам только мешает. Еще и камень зацепить может, а без нее и дело пойдет быстрее.

Чувствуя ответственность за друга, Лешка не согласился:

– Нет, без веревки нельзя. Так хоть у одного страховка есть.

Подумал и добавил:

– Только ты отвязывайся, когда я впереди иду.

Так они и лезли, карабкаясь по скалам от полки до полки. Лешка все время первым, Витька за ним следом. Но вскоре удобные полки кончились, а черная башня вершины маячила все так же далеко, как и два часа назад. Стало жутковато: уже столько прошли, а конца пути не видно. Да и скалы все круче. Уверенности поубыло, и неприятный холодок страха проникал в сознание мальчишек. Повернуть назад – эта мысль возникала не раз, но ни один из них не высказал ее вслух.

Несмотря на близость города, лежащего перед их глазами, оба чувствовали себя растерянно, заброшенными в места, где все живое обречено на гибель. Величие гор, отсутствие всякой жизни только подчеркивали человеческое ничтожество и бессилие перед могуществом природы. Но сознание того, что день на исходе и нужно спешить, начисто отметало всякие сомнения и страхи.

Когда подошли к основанию башни, стало ясно, что взять ее в лоб не удастся

– очень крутой подъем. Но слева к предвершинным скалам тянулся покатый ледничок. По льду без кошек не пройти, но между скалой и льдом образовалась небольшая щель, по ней-то и стали продвигаться. Вскоре уперлись в гладкое, зализанное ледником и камнепадами днище желоба. Из-за крутизны идти по нему стало опасно. Держась рукой за скалу, Леша внимательно осматривал возможные варианты пути.

– Что ты застрял?! – торопил Витька. – Придется снова выходить на скалы.

– Ну, так выходи, я страхую!

Камень, зацепленный веревкой, сорвался и загрохотал по кулуару. Не долетев до Витьки, он с размаху врезался в снег.

Здесь была самая трудная часть маршрута. Противный и коварный страх сковывал движения и заставлял дрожать пальцы и коленки. Но теперь подгоняла близость вершины. По крутой стене Леся обогнул наискось выпуклую почти гладкую скалу и, пройдя на всю длину веревки, выбрался на крохотную площадку. Витьку он уже не видел, поэтому крикнул:

– Страхую! Выходи по моим следам!

Обмотав веревку за выступ скалы, он опустился на четвереньки и стал выбирать ее под себя. Прошло несколько минут, пока он увидел друга.

Дальше было уже легче. Еще несколько выходов на длину веревки – и вот она, долгожданная вершина! Первая настоящая вершина в жизни!

Восторгу не было предела. Мальчишки задыхались от радости, цель достигнута, все страхи остались позади.

Далеко внизу лежал их родной город. Город, который они любили, где жили их родные и близкие. И вот они стоят сейчас на вершине, которую хорошо видно из любой точки города, но никто этого не знает. А как бы хотелось, чтобы кто-нибудь разглядел их здесь! Наверное, это можно было бы сделать с помощью сильного бинокля, но ведь они никого не предупредили.

– Ого-го-го! – крикнул Леша, и горы ответили эхом глухо и таинственно, – ого-го-го!

– Мы здесь! – еще громче заорал Витька, и горы разнесли его ломающийся и охрипший от холодного воздуха мальчишеский крик.

Леся замахал руками, и его тень на ближней вершине, тоже зашевелилась.

– Мы великаны! – закричал он. – Мы покорим вас, горы!

Эхо разнеслось по горам и заглохло где-то внизу, в долине, погружавшейся в вечерние сумерки.

Радость победы была так велика, что ребята даже забыли о том, что уже вечер, а ведь надо еще спускаться.

Когда оба наорались так, что охрипли, Лешка стал думать, как бы еще отметить победу, но на ум ничего не приходило.

– Надо поискать на вершине следы предыдущих восходителей, – догадался он. – Должны же они были что-то оставить.

И действительно, в сложенной кучке камней они нашли записку настоящих, взрослых альпинистов.

– Слушай, Лесь, надо быстрее сматываться, – опомнился Витька, – еще немного, и будет темно.

Солнце стремительно уходило за горизонт. Вершины уже наполовину погрузились в полумрак, и лишь на макушках еще играли золотистые лучи.

И только сейчас отчаянные смельчаки сообразили, что их ждет впереди. Спускаться по скалам придется в темноте, а спуститься нужно как можно ниже, иначе под своими тонкими байковыми одеяльцами, да еще без палатки, они просто-напросто замерзнут. Стало ясно, что они не успеют вернуться домой, как обещали, сегодня вечером. Им бы хоть как-то скоротать ночь!

Победители начали торопливый спуск в соседнее ущелье. Отчаянные головы, они направлялись в другую долину, противоположную от города не только потому, что спускаться здесь было легче! Они не собирались отказываться от второй части похода – восхождения на пик Чкалова!

Едва ли не на ощупь мальчишки лезли от полки к полке, пока тьма не поглотила все вокруг.

– Брэк, дальше идти опасно, – наконец признался Лешка. – Давай вставать на ночлег.

Они и представить себе не могли, что за ночевка ждет их на этих угрюмых скалах. Еще вчера изнывали от жары в душном городе, теперь же, чувствуя ледяное дыхание ночи, поняли, что им предстоит суровое испытание.

– Замерзнем, однако, – уныло сказал Брэк. – Говорят, что замерзающие не ощущают ни холода, ни боли. Снится сладкий сон, а на самом деле превращаешься в ледышку.

– Не замерзнем, – подбодрил его Лешка. – Как только ты заснешь, я тебя под бок!

У каждого было по одеялу. Прижавшись друг к другу, они могли бы укрыться двумя. Но одно пришлось постелить на землю – от скалы тянуло ледяным холодом. Другим укрылись с головой, стараясь собственным дыханием поддерживать тепло. Сверху набросили клеенку, так как ни палок, ни растяжек, чтобы закрепить ее, не захватили. Холод охватил сразу же и всю ночь не давал сомкнуть глаз. Ребята продрожали до утра, моля Бога, чтобы поскорее наступил рассвет.

Но утро настало такое морозное, будто пришла зима. Заиндевевшие в рассветной мгле кругом высились горные хребты. Дымчато-серые облака прижимались к их склонам. И красота эта казалась холодной, просто ледяной!

С первыми лучами солнца намучившиеся путешественники поднялись и, превозмогая холод, продолжили спуск по обледенелым скалам. От мороза клеенка стала жесткой, будто жестяной, и никак не хотела складываться.

Отсюда было рукой подать до Талгарского перевала, а там – прямая дорога в город. Но у мальчишек и мысли не мелькнуло отступиться от второго восхождения. Впереди стояла вершина пика Чкалова.

Еда давно кончилась, ведь они не рассчитывали на сегодняшний день. Смирились и с этим, решив, что один день как-нибудь перетерпят.

– Бедная бабушка! – вспомнил Леша. – Что она сейчас делает?

– Да, уж всыпят нам по первое число, – горевал Витька, зная крутой нрав своей матери.

– Ладно, какая теперь разница, прийти утром или вечером. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Кто знал, что эти вершины разделяет такая пропасть?!

Казавшиеся снизу единой цепочкой, горы здесь вдруг приобрели глубину. Они раздвинулись и вдаль, и вширь, одна отошла от другой. За очертаниями уже знакомых вершин показались другие, новые, не видимые ранее. Их столько, что не сосчитать, они уходят все дальше и дальше на юг, наверное, до самого Иссык-Куля.

Пик Чкалова, не имевший явно выраженной вершины, поразил вблизи мрачностью и бесформенным нагромождением скал. Он казался громадным чудовищем, безобразной жабой. Но они заставили себя преодолеть страх перед жуткими черными кручами и наметили путь. Вначале шли очень споро, бойко, преодолев большую часть пути по осыпям между вздымающимися вверх утесами, вышли к узкому камину с вертикальными стенками.

– Что будем делать, Брэк? – спросил Лешка, осматривая скальный желоб. Стенки его были почти без зацепок, будто вылизанные ветром. – Вернемся вниз и поищем другой путь или попробуем здесь?

– Попытайся расклинкой, как лазали между деревьями.

Витьке вовсе не хотелось терять высоту.

Сил оставалось мало. Упираясь в стенки камина руками и ногами, Леся поднялся на высоту трехэтажного дома. Дальше шли разрушенные, но уже не отвесные скалы.

– Давай, Брэк, я тебя страхую!

Витьке было легче подниматься, верхняя страховка придавала уверенность…

И вот, наконец, вершина. Радоваться уже не хватало сил. Оставили записку и начали спуск. Спустились благополучно, …правда, едва не угодили под рухнувшую каменную глыбу величиной с дом. Осколок скалы долго катился вниз, и гулкое эхо разносилось по длинному и узкому коридору кулуара.

Страха уже не было, как не оставалось и сил. Домой пришли такие измотанные, что еле передвигали ноги. Здесь их ждал большой скандал, но это уже не имело никакого значения. По сравнению с тем, что они испытали, все это было мелочью. Наверное, понимала это и бабушка. Когда улеглись первые самые бурные страсти, она сказала:

– Если ты не можешь без гор, то хотя бы предупреждай, куда идете! Где искать ваши никчемные, бренные останки? Что же мне, в милицию обращаться?! Да и не нужны вы ей! Расклюют вороны ваши кости!

С бабушкой все же можно было договориться, и с тех пор она стала начальником спасательных работ и хранителем контрольного срока. Уходя в очередной маршрут, Леша рисовал ей карту-схему и назначал дату возвращения. В случае исчезновения горовосходителей бабушка должна организовывать спасательные работы: идти к его друзьям и вместе с ними и верным псом Лордом отправляться на поиски ребят.

Кумбель

Лес умылся свежею росою.
Солнце разгоняет холодок.
Снова мир окрасил в голубое
Огонька походного дымок.
С. Кудерин

Большую часть мая стояла сырая погода. Когда начинается эта дождливая пора, алматинцев охватывает тревога. Больше всего опасаются теплого дождя.

– Теплый дождь растопит снег в горах, и тогда будет наводнение, – объясняла Шуркина мать.

Наводнения или селя боялись не меньше, чем землетрясения. На памяти старожилов слишком свежи еще были воспоминания о селе двадцать первого года. Тогда снесло едва ли не треть города. Напоминанием об этом событии служили занесенные илом и камнями дома по улице Карла Маркса и берега Малой Алматинки прямо у входа в Парк культуры и отдыха. И Леша, и Шурка хорошо знали эти места и огромные валуны, лежавшие в русле речки, пока их не раскололи каменотесы для кладбищенских памятников и облицовки арыков.

В этот раз страхи оказались напрасными. Прошумел летний паводок, промчав по Поганке потоки бурной воды, дожди кончились, проглянуло солнце, и стало видно, как поубавилось снега в горах. Его «съел» дождь, а с оставшимся быстро расправлялось солнце. Из снежно-белых горы стали полосато-черными. Елки, отчетливо видимые зимой, вдруг растворились в море зелени и травы, поглотившими склоны гор. Кумбель почти оголился, почернел, и лишь белые полосы снега узкими лентами спускались с его трехглавой вершины.

Мальчишкам не терпелось выбраться в горы. Давно уже было решено, что ближайшая их цель – Кумбель. Конечно, гора не бог весть какая, для Леши и Витьки – так, прогулка, а для Шурки и Срыма – первая настоящая вершина. «Старые горные волки» коварно посмеивались: «Посмотрим, как вы себя покажете в деле».

Первое серьезное препятствие – родители. Лешина мама уже привыкла: с ней проблем нет, а вот Шуркин отец дотошен и принципиален.

– Что вам там, на вершине, делать? Проверили ли вы состояние своего здоровья? – допытывался он.

А тут еще Леша некстати брякнул:

– Да он идет, как бык, пыхтит, как паровоз.

Это про Шурку.

– Вот-вот, – подхватил отец, – значит, одышка. Сердце не в порядке.

…Наконец, все позади. Сошли с автобуса у дома отдыха «Просвещенец». За плечами самодельные рюкзачки с байковыми одеяльцами, палаткой, сшитой из клеенок, скромный запас провизии. Как хорошо дышится в горах после душного и жаркого города!

Лагерь разбили у самого елового леса. Рядом, на дне глубокого лога, лежит снег – он еще не стаял с самой зимы. Из-под сугроба журчит и булькает ручеек.

Из сырой земли пробивается травка, молодая, зеленая, сочная.

Разожгли костер, поставили в котелке вариться кашу.

Стемнело, и стало холодно. Здесь – не как в городе, тут еще ранняя весна, снегом пахнет. Ребята повытаскивали из рюкзаков кто курточку, кто свитерок.

Пламя костра рвется вверх, раскачивая еловые ветви, искры мчатся наперегонки к самому небу. Хорошо!

Шурке и Срыму все необычно, все интересно.

– А не замерзнем ночью? – спрашивает Шурка.

– Ломайте еловые лапы, стелите под палатку, – дает указание Леша. Он за старшего, здесь он серьезен, не то что дома, где так и сыплет шуточками да остротами.

И вправду, земля сырая, можно и простудиться. Натянули палатку. Забрались внутрь. Крыша есть, но с боков холодит, зато мягко и пахнет хвоей.

А снаружи темно и… страшно. Боязно отойти даже на несколько шагов. Темнотища – хоть глаз выколи.

От новых и необычных впечатлений Шурке долго не спалось. А тут еще птица какая-то всю ночь до утра скрипела, будто кто пилил сухое расщепленное дерево.

Ночью тряслись от стужи, жались друг к другу, этим и согревались.

А утром, едва рассвело, всех разбудила крикливая птица, кедровка.

– Кэ-э-э! – несся по лесу тревожный, сварливый, как у сороки, крик.

Ну и холодище! Сыро, вся трава в росе. Елки в глубокой тени, и хотя лучи солнца уже позолотили макушку Кумбеля, когда еще они доберутся до дна ущелья. Зато какая бодрость разливается по всему телу! Так и хочется сломя голову карабкаться в гору! Оттого, что погода ясная, солнечная, и настроение у всех приподнятое, праздничное.

Рядом с тропинкой «снежная река», будто застывший поток падает с горы. Снег такой твердый, что можно ходить, как по тротуару.

– Фирн, – объясняет Леша, шагая дальше.

Солнце поднялось выше, и сразу стало жарко.

Разве не удивительно: рядом снег, а напиться негде. Не тая, снег быстро испаряется, оттого над горами к полудню всегда клубятся облака.

Хотя одеты ребята во что попало – за плечами рюкзачки на веревочках, но когда юн и вся жизнь впереди, хорошо вот так шагать по горам!

«Крут подъем и каменист,
А рюкзак тяжелый.
Поет песню альпинист,
Бодрый и веселый».

Срыма так и подмывает побалагурить, подурачиться.

– Лесь, а мы ведь и вправду дураки.

– С чего это вдруг тебе взбрела в голову такая «верная» мысль?

– А знаешь поговорку: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет».

– Ну, и что? Это изобрели ленивые мещане себе в оправдание. Те, которые зад свой от кресла или дивана оторвать не могут.

– Ну, шеф, ты прямо образцовый стал, хоть на божничку ставь. Всё правильные слова говоришь.

Леха не успел ответить, до слуха альпинистов донеслись отдаленные странные звуки, напоминающие тяжелые вздохи и гулкие удары в барабан. Они неслись со стороны дома отдыха.

– А-а, понятно, – догадался командор, – это играет оркестр. Сегодня же открытие сезона у туристов. На скалодроме у Медео альпинисты соревнуются. Народу, наверное, тьма собралась.

– Ага, – подтвердил Срым, – конечно, буфет приехал. Чебуреки продают, пиво пьют. Вкуснятина!

– Еще бы, – поддакнул Лешка, – там хорошо, весело. Красные флаги, музыка. Я бы сейчас тоже не отказался от пирожков с мясом. Может, вернемся? Полеживай себе на травке, и ни на какую гору карабкаться не нужно.

Леша, конечно, сказал это в шутку, подзадоривая ребят. Сам он ни на какие сборища ходить не любил.

Возражения посыпались со всех сторон.

– Да ну их! – откликнулся Шурка. – Взялись за дело, нужно доводить до конца.

– Конечно, – поддакнул Срым. – Хоть там и есть альпинисты, но в основном просто зеваки. Пусть они себе веселятся, а мы на Кумбель должны взобраться.

И Срым весело пропел:

«На курортах обыватели
укрепляют организм,
Мы ж вершин завоеватели,
наше дело – альпинизм».

Гордые собой, ребята продолжали путь.

Лес вскоре кончился, начался затяжной подъем по крутому склону прямо в лоб, и, хотя скал на пути почти не было, приходилось уже кое-где карабкаться на четвереньках и цепляться за кустики и корешки руками. С непривычки Шурка даже боялся оглянуться назад. А ну как споткнешься да покатишься по откосу вниз! Где уж тут, разве остановишься! Чего доброго, и шею сломать можно.

Шурша, легкие камешки сыпались из-под ног и, набирая скорость, скачками неслись по склону. От этого было еще страшнее.

Чтобы не мешать друг другу, мальчишки растянулись поперек склона.

– А ну-ка, Шурик, запечатли для потомков.

Леша лег боком на снежник и, сделав зверское лицо, вцепился пальцами в подтаявший снег.

– Я тоже хочу! – обрадовался Срым и присоединился к другу.

Вдвоем они стали на четвереньки, изображая карабкающихся по льду храбрых покорителей гор. А Шурка, перекосив фотоаппарат, чтобы казалось покруче, делал один снимок за другим. Со снега перебрались на скалу, торчащую посреди склона, и снова изображали сцены борьбы отважных альпинистов с грозными силами природы.

– Лесь! – вдруг засмеялся Срым. – Я теперь тебя буду звать Джинном.

– Это почему же?

– А у тебя лицо сейчас такое было. Зверское. Как у того дива из арабской сказки про Аладдина.

Кончились травянистые склоны, под ногами сочилась водой сырая каменистая земля, кое-где торчали кустики арчи. Склон становился все круче и круче. Приходилось подсаживать друг друга и подавать руку.

Но вот и гребень. Каменные плиты лежат друг на друге, а рядом снег. Целое поле снега тянется до самой вершины, и лишь кое-где торчат камни. Скалистые ледовые пики встали могучими горными богатырями. Пик Комсомола, Абая, Орджоникидзе – они стоят один за другим так же, как на панораме в городском парке, но какие они здесь великаны! Вот они – рядом, кажется, протяни руку – достанешь. И горы все пестрые, в пятнах и полосах снега. Теперь понятно, почему Алатау означает «пестрые горы».

Крупная птица вдруг сорвалась со скалы и с квохтаньем понеслась прочь.

– Улар, – сказал Леша, – эта птица живет только в высоких горах.

– Я знаю, эту птицу еще называют горной индейкой, – добавил Шурка.

– Считается, что встреча с уларом приносит счастье, потому что он редок.

– Вот и считайте, что вам повезло, – сказал Леша, – посвящение вас в альпинисты состоялось. Присваиваю вам со Срымом звание горных уларов.

Срым скривился.

– Не мог придумать что-нибудь получше этой паршивой курицы! Себя-то, небось, снежным барсом считаешь. Или горным козлом.

– Конечно, – важно сказал Леша, – мы с Брэком это звание вполне заслужили за Абая. А тебе могу присудить звание домашнего барана.

– Сам ты баран, – обиделся Срым. – Да еще ишак.

Лицо Леши расплылось в улыбке.

– А ты не заметил, – обратился он к Срыму, – сколько овечьего помета вокруг? Овцы пасутся на Кумбеле летом. А ты захотел горного козла.

В это время вышли на вершину. Это была обширная заснеженная площадка, заваленная огромными каменными глыбами. Едва ли не первое, что бросилось в глаза, – удивительно красивая снежная гора, стоящая за гребнем ближайшего хребта. Грани совершенно правильной пирамиды сверкали на солнце. Никто не знал, что это за вершина, из города ее не видно, но все согласились, что она поразительно похожа на знаменитый пик Хан-Тенгри.

На запад уходили пологие хребты, за ними – белые цепи далеких вершин. Ближе всех возвышался купол осыпистой почти бесснежной вершины с многочисленными осыпями, в которой с трудом узнали Большой Алматинский пик.

На север Кумбель обрывался крутой стеной, изборожденной оврагами; за овальными прилавками лежала Алма-Ата. Из моря зелени лишь кое-где выглядывали красные крыши и белые стены домов. Больших зданий было совсем немного: оперный театр, вокзал, кафедральный собор. За городом раскинулись необъятные дали – желтеющие поля с блестками озер, барханы, темная полоска Или, а Срым уверял, что видит даже Балхаш. В мареве бескрайних просторов горизонт сливался с небом.

Палило солнце, стало жарко, и мучила жажда. Напиться было негде, и тогда Срым набрал в пустую бутылку снега и стал трясти, чтобы быстрее таял. Глядя на него, все бросились делать то же самое.

Шурка ходил по площадке, заглядывал вниз, туда, куда уходила страшная круча, смотрел на плывущие над ними облака, и ему казалось, что он парит в воздухе.

Из оцепенения его вывел голос Срыма.

– Ребята, а я вот что придумал, – на этот раз Срым говорил серьезно, – раз уж мы стали ходить в горы, нужно придумать название нашей шарашке. Давайте, кто придумает лучше.

– А что тут думать, – отозвался Леша. – Команда диких альпинистов. Просто и понятно.

– Нет, это слишком просто, – возразил Срым, – нужно что-нибудь поинтересней. А так скучновато.

Каждый стал предлагать свое, кто во что горазд.

– Группа снежных леопардов.

– Стая горных волков.

– Ладно, – наконец решил Лешка, – пусть будет «Отряд снежных барсят».

На этом и остановились. То, что капитаном будет он, не стали даже и обсуждать. Это было и так ясно. Оставалось лишь распределить другие должности.

– Я буду заместителем начальника и придворным поэтом, – заявил Срым.

– А я фотографом и летописцем, – отозвался Шурка.

– И хранителем «Библии», – добавил Леша, новоиспеченный капитан («Библией» ребята считали книгу «К вершинам советской земли», изданную в 1949 году).

Один Витька по прозвищу Колбасник остался без должности. Но он, кажется, об этом и не жалел.

Спустились по легкому западному гребню и вечером были дома.

Стихи

Нина Франгова,
Заслуженный учитель Казахстана,
с.Новоперуново, Алтайский край, Россия

Прогулка в лес

Чем глубже в лес,
Тем все темней и выше.
И тянет влажным запахом слегка.
В завалах листьев, сучьев, ясно слышно –
Журчание лесного ручейка.
К оврагу круча, а по ней рябины
Бесстрашно разбежались прямо вниз.
И папоротник вольно и красиво,
Разлаписто раскинул резвый лист.
Случайный луч, сумев сквозь тьму пробиться,
Вдруг задымился голубым огнем.
В столбе пылинок хоровод искрится
И опадает в сумраке лесном.
Подлесок молодой и невысокий
По краю бахромой украсил лес.
Крушина, жимолость и желтый пламень дрока
Хранят тепло и запахи небес.
А вот поляна, а над нею солнце
Торопится согреть и осветить
Сквозь зелень: синь столбцов черноголовца,
Герань лесную, сочевичник, сныть.
И хочется скорей упасть с разбега
В густую, чуть привядшую траву.
Дышать всей грудью, любоваться небом
И наслаждаться счастьем наяву.

Август

Подсолнух голову склонил,
Грустя об уходящем лете.
Клен лист желтеющий сронил
Под ярким августовским светом.
Спешит природа все успеть,
Сменить, разбавить краски лета.
И дрозд торопится допеть
До холодеющих рассветов.
Шагнула осень во дворы,
За палисадники, в ограды.
И щедрые ее дары
Нам будут дорогой наградой.

Хозяйка Осень

Тучи, к лесу поднимаясь,
Затянули неба просинь.
Вслед за летом, озираясь,
Осторожно входит осень.
Очень робко и несмело,
Захотела все сменить.
Новой кистью, неумело,
Стала краски наносить.
Желтым цветом всем березкам
Вмиг макушки подвела.
И рябиновые гроздья
Ало-красным убрала.
Брызги яркие попали
На траву, на все кругом
И гореть на солнце стали
Бриллиантовым огнем.

Хмурый день

Хмурый день в окошко заглянул,
Рано-рано, утром, в сентябре.
Ветром и дождем с небес подул.
Час пришел – и осень на дворе.

Желтый лист, прозрачный и сухой,
В воздухе летает и кружится.
Ветер, как мальчишка озорной,
Ворошит, разбрасывает листья.

Мокрый и сердитый воробей
Ищет на ветвях приют посуше.
Позади немало теплых дней,
Впереди дожди и злая стужа.

Осенняя картина

Клин журавлей, пунктиром чуть отметив
Малиновые донца облаков,
С небесной вышины прощался с летом
И улетал, чтоб возвратиться вновь.
Жужжали раззолоченные пчелы
Над яркими головками цветов,
И звонкий хор кузнечиков веселых,
Не умолкая, песни пел без слов.
Сверкая ярким, необычным светом,
Висела паутина на ветвях,
И майский жук, обманут бабьим летом,
Все бился растревожено в кустах.
По небу тучи редкие бродили,
С утра земле прохлады тень отдав.
И голову по-пьяному кружило
От сладкого дурмана вялых трав.

УДК 502/504
ББК 20.1
Т28

Вестник «Зеленое спасение» № 20 «Творчество, вдохновленное природой» продолжает серию изданий гуманитарной направленности. Главное место в сборнике отведено воспоминаниям о выдающемся режиссере и операторе-натуралисте Вячеславе Белялове, чье 75-летие мы недавно отметили. Второй раздел номера посвящен экологическому кино и людям, которые связали с ним свою жизнь. Завершают выпуск литературные страницы, включающие эссе, киносценарий, стихи, отрывок из повести.

Надеемся, что Вестник будет интересен широкому кругу читателей.

Подписанные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции.

Электронную версию Вестника «Зеленое спасение» можно заказать по e-mail: grsalmati@gmail.com или найти в Интернете: www.greensalvation.org.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на Вестник «Зеленое спасение» с указанием автора.

Редакторы: **Н.Беркова, С.Куратов, Н.Медведева**
Дизайн и верстка: **Е.Панюкова**
Корректор: **Р.Аросланова**

Вестник «Зеленое спасение». Выпуск 20. «Творчество, вдохновленное природой». – Алматы, 2013. – 140 с.
ISBN 9965-9560-9-X

Издатель: Экологическое общество «Зеленое спасение».
Республика Казахстан, 050000, г.Алматы, ул. Шагабутдинова, 58, кв.28.
Телефоны: 253-62-56, 234-17-60.
Электронная почта: grsalmati@gmail.com.
Сайт: www.greensalvation.org.

Вестник «Зеленое спасение» издается с 1995 года.

© Экологическое общество «Зеленое спасение», 2013
© Дизайн и верстка – Е.Панюкова, 2013
© Фотографии на обложке – Экологическое общество «Зеленое спасение», 2013

Сдано в набор 01.03.13. Подписано к печати 15.07.13.
Бумага офсетная 80 г/м2.
Усл.печ.л. 10,08. Тираж 1000 экземпляров.
Отпечатано в типографии ТОО «DELUXE PRINTERY».
050010, г. Алматы, ул. Бегалина 38.
Тел./факс 8 (727) 291-71-01, 291-36-15.

ISBN 9965-9560-9-X

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК